

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КАЗАНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Том 165

Книга 3

2023

Ученые записки Казанского университета.

Серия Гуманитарные науки

рецензуемый научный журнал

2023

Т. 165, кн. 3

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ОСНОВАНЫ В 1834 ГОДУ

Редакционный совет

- Д.А. Таюрский* (председатель редакционного совета) – первый проректор – проректор по научной деятельности, д-р физ.-мат. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- А.И. Алиев* – д-р юрид. наук, проф., Бакинский государственный университет, г. Баку, Азербайджанская Республика
- Й. Баберовски* – д-р наук, проф., Берлинский университет имени Гумбольдта, г. Берлин, Германия
- Б.А. Байтанаев* – д-р ист. наук, проф., Институт археологии имени А.Х. Маргулана Комитета науки МОН, г. Алматы, Республика Казахстан
- Б.М. Гонгало* – д-р юрид. наук, проф., Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Россия
- Л.П. Грамова* – д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
- А. Квятковская* – д-р психол. наук, Институт психологии, Польская академия наук, г. Варшава, Польша
- Х. Миклас* – д-р наук, проф., Венский университет, г. Вена, Австрия
- В.М. Мокиенко* – д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия; Университет им. Эрнста Морица Арндта, г. Грайфсвальд, Германия
- М.М. Мюллер* – д-р наук, проф., Лейпцигский университет, г. Лейпциг, Германия
- Л.П. Репина* – д-р ист. наук, чл.-корр. РАН, Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Россия
- Л. Росси* – проф. по рус. лит., Миланский государственный университет, г. Милан, Италия
- А.Г. Ситдилов* – д-р ист. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- И.А. Тарханов* – д-р юрид. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- Д.В. Ушаков* – д-р психол. наук, акад. РАН, Институт психологии РАН, г. Москва, Россия
- Т.Я. Хабриева* – д-р юрид. наук, акад. РАН, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия
- А.Н. Чумаков* – д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия
- М.Д. Щелкунов* – д-р филос. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Редакционная коллегия

- А.О. Прохоров* (главный редактор) – д-р психол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- Л.Р. Ахмерова* (секретарь) – канд. филол. наук, доц. Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- Е.М. Абайдельдинов* – д-р юрид. наук, проф., Евразийский национальный университет Гумилева, г. Астана, Республика Казахстан
- Н.Ф. Алефиренко* – д-р филол. наук, проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия
- Б.С. Алишев* – д-р психол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- С.А. Балащенко* – д-р юрид. наук, проф., Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь
- Д.Х. Валеев* – д-р юрид. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- Г.А. Волков* – д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия
- Г.Х. Гилзетдинова* – д-р филол. наук, проф., Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия
- С.Ю. Головина* – д-р юрид. наук, проф., Уральская государственная юридическая академия, г. Екатеринбург, Россия
- О.Ф. Жолобов* – д-р филол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

А.М. Лушиков – д-р юрид. наук, проф., Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия
Н.Л. Лютюв – д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия
Д.Е. Мартынов – д-р ист. наук, доц., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
О.М. Мельникова – д-р ист. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия
Г.П. Мягков – д-р ист. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
И.А. Невская – д-р филол. наук, Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск, Россия
Е.М. Николаева – д-р филос. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
В. Норман – д-р наук, проф., Университет Потсдама, г. Потсдам, Германия
Ф.Ш. Нуриева – д-р филол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
А.Н. Паикуров – д-р филол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
А.Н. Рарог – д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия
Й. Сипко – д-р наук, проф., Прешовский университет в Прешове, г. Прешов, Словакия
М.В. Талан – д-р юрид. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
Ю. Хаймей – д-р права, Нанкинский педагогический университет, Институт правовой модернизации Китая, г. Нанкин, Китай
Й. Экенгеа – д-р юрид. наук, проф., Университет имени Юстуса Либига, г. Гиссен, Германия
Р. Ястшембски – д-р права, проф., Варшавский университет, г. Варшава, Польша

Выпускающий редактор *Е.А. Горобец* – канд. филол. наук, доц.

Научный редактор *Е.А. Горобец* – канд. филол. наук, доц., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Редакторы *Л.Р. Ахмерова, И.Г. Кондратьева*
Редактор английского текста *А.О. Кармазина*

Учредитель и издатель: ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-41876 от 27 августа 2010 г.

Журнал реферируется/индексируется в DOAJ, ROAD, EBSCO, eLIBRARY.RU, Google Scholar,
ERIH PLUS, CEEOL, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, КиберЛенинка.
Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Подписной индекс 19421. Цена свободная

Адрес издателя и редакции «Ученые записки Казанского университета»: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18
Телефон: (843) 233-73-01; e-mail: uz.ku@kpfu.ru; сайт: <http://kpfu.ru/uz-rus/gum>

Дата выхода в свет 12.12.2023.
Формат 70х 108/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 15,75. Уч.-изд. л. 18,00.
Тираж 300 экз. Заказ ????

Отпечатано в типографии Издательства
Казанского университета
420008, Казань, ул. проф. Нужина, д. 1/37

Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta.

Seriya Gumanitarnye Nauki

(Proceedings of Kazan University. Humanities Sciences Series)

Peer - Reviewed Scientific Journal

2023

Vol. 165,

no. 3

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA FOUNDED IN 1834

Editorial Council

- D.A. Tayurskii* (Chairman of the Editorial Council) – First Vice-Rector – Vice-Rector for Scientific Activities, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
A.I. Aliiev – Doctor of Law, Professor, Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan
J. Baberowski – Doctor of History, Professor, Humboldt University of Berlin, Berlin, Germany
B.A. Baitanaev – Doctor of History, Professor, A.Kh. Margulan Institute of Archeology, Almaty, Republic of Kazakhstan
B.M. Gongalo – Doctor of Law, Professor, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia
L.P. Gromova – Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
A. Kwiatkowska – Doctor of Psychology, Institute of Psychology of Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland
H. Miklas – Doctor of Philology, Professor, University of Vienna, Vienna, Austria
V.M. Mokienko – Doctor of Philology, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; University of Greifswald, Greifswald, Germany
M.M. Müller – Professor of Psychology, University of Leipzig, Leipzig, Germany
L.P. Repina – Doctor of History, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Institute of Universal History, Moscow, Russia
L. Rossi – Professor of Russian Literature, University of Milan, Milan, Italy
A.G. Sitdikov – Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
I.A. Tarkhanov – Doctor of Law, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
D.V. Ushakov – Doctor of Psychology, Member of Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology, Moscow, Russia
T.Ya. Khabrieva – Doctor of Law, Member of Russian Academy of Sciences, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
A.N. Chumakov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University, Moscow, Russia
M.D. Schelkunov – Doctor of Philosophy, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Editorial Board of Humanities Sciences

- A.O. Prokhorov* (Editor-in-Chief) – Doctor of Psychology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
L.R. Akhmerova (Secretary) – PhD in Philology, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
E.M. Abaidel'dinov – Doctor of Law, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan
N.F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Belgorod State University, Belgorod, Russia
B.S. Alishev – Doctor of Psychology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
S.A. Balashenko — Doctor of Law, Professor, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus
D.Kh. Valeev – Doctor of Law, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
G.A. Volkov – Doctor of Law, Professor, Moscow State University, Moscow, Russia
G.Kh. Gilazetdinova – Doctor of Philology, Associate Professor, Institute of Language, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia
S.Yu. Golovina – Doctor of Law, Professor, Ural State Law Academy, Yekaterinburg, Russia
O.F. Zholobov – Doctor of Philology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
A.M. Lushnikov – Doctor of Law, Professor, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia
N.L. Lyutov – Doctor of Law, Associate Professor, O.E. Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia
D.E. Martynov – Doctor of History, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
O.M. Mel'nikova – Doctor of History, Associate Professor, Udmurt State University, Izhevsk, Russia

G.P. Myagkov – Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

I.A. Nevskaya – Doctor of Philology, Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

E.M. Nikolaeva – Doctor of Philosophy, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

W. Norman – Doctor of Science, Professor, University of Potsdam, Potsdam, Germany

F.Sh. Nurieva – Doctor of Philology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

A.N. Pashkurov – Doctor of Philology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

A.N. Rarog – Doctor of Law, Professor, O.E. Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia

J. Sipko – Doctor of Science, Professor, University of Presov, Presov, Slovakia

M.V. Talan – Doctor of Law, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Yu. Haimel – Doctor of Law, Nanjing Normal University, Institute for Chinese Legal Modernization Studies, Nanjing, China

J. Ekkenga – Doctor of Law, Professor, Justus Liebig University Giessen, Giessen, Germany

R. Yastshembski – Doctor of Law, Professor, University of Warsaw, Warsaw, Poland

Managing Editor: *E.A. Gorobets* – PhD in Philology, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Science Editor: *E.A. Gorobets* – PhD in Philology, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Editors: *L.R. Akhmerova, I.G. Kondrateva*

English Editor: *A.O. Karmazina*

Founder and Publisher: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

“Kazan (Volga Region) Federal University”.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,

Information Technologies and Mass Media

Registration certificate PI No. FS77-41876 dated August 27, 2010.

The journal is abstracted and/or indexed in DOAJ, ROAD, EBSCO, eLIBRARY.RU, Google Scholar, ERIH PLUS, CEEOL, Cyberleninka, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat.

The journal is included in the list of Russian peer-reviewed scientific journals publishing the main results of dissertations for the Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees.

Subscription index: 19421. Free price

Contacts: Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta, ul. Kremlevskaya 18, Kazan, 420008 Russia

Phone: (843) 233-73-01; e-mail: uz.ku@kpfu.ru; сайт: <http://kpfu.ru/uz-eng/hum>

Date of publication: December 12, 2023.

Page size: 70*108/16. Offset printing. Conventional printing sheet: 15.75. Publisher's signature: 18.00.

Circulation: 300 copies. Order: ????

Printed in KFU Publishing House

ul. Prof. Nuzhina 1/37, Kazan, 420008 Russia

СОДЕРЖАНИЕ

Психолингвистика

<i>Пищальникова В.А., Карданова-Бирюкова К.С.</i> Возможности адаптации многомерных психолингвистических моделей в нейрокогнитивных исследованиях	7
<i>Мардиева Л.А.</i> Визуальная прецедентность как объект лингвистических исследований: современное состояние и перспективы развития	19
<i>Степыкин Н.И.</i> Деструктивные изменения в структуре речевого действия	33
<i>Привалова И.В.</i> Психолингвистика, корпусная лингвистика и текстовая аналитика: возможности взаимодействия	43
<i>Гизатуллина А.Р.</i> Проблемы формирования логотерапевтической терминосистемы (лингвистический аспект).....	55

Онтолингвистика

<i>Введенская Н.М.</i> Каркас русской грамматики	67
<i>Доброва Г.Р., Петелина О.И.</i> О роли генерализации в процессе онтогенеза темпорального дейксиса	79
<i>Елисеева М.Б., Вершинина Е.А.</i> Когнитивные предвестники развития детской грамматики по данным Макатуровских опросников и case study	91
<i>Трифопова Т.А.</i> Особенности языковой рефлексии детей с различными стратегиями освоения языка (по результатам экспериментального исследования)	105
<i>Нигматуллина И.А., Садретдинова Э.А., Юдина А.О., Юрикова Е.Д., Комарова С.Н.</i> Специфика речевого развития детей с РАС: нейропсихологический подход	119

Медицинская лингвистика

<i>Фаттахов И.М.</i> Клинико-лингвистические аспекты разработки гериатрической шкалы тревоги	136
---	-----

CONTENTS

Psycholinguistics

<i>Pishchalnikova V.A., Kardanova-Biryukova K.S.</i> Adaptation of Multi-Faceted psycholinguistic Models for Research in Neuroscience	16
<i>Mardieva L.A.</i> Visual Precedence As a Subject of Linguistic Research: Current State and Development Prospects	29
<i>Stepykin N.I.</i> Destructive Changes in the Structure of Speech Action.....	41
<i>Privalova I.V.</i> Psycholinguistics, Corpus Linguistics, and Text Analytics: Potential for Interaction.....	52
<i>Gizatullina A.R.</i> Problems of the Logotherapeutic Terminological System Formation (A Linguistic Aspect)	65

Ontolinguistics

<i>Vvedenskaya N.M.</i> Russian Grammar Framework	76
<i>Dobrova G.R., Petelina O.I.</i> On the Role of Generalization in the Process of Temporal Deixis Ontogenesis	88
<i>M.B. Eliseeva, E.A. Vershinina</i> Cognitive Prerequisites for the Acquisition of Grammar in Children Based on the Materials of the Mac Arthur-Bates CDI and Case Study	102
<i>T.A. Trifonova</i> The Features of Linguistic Reflection in Children with Different Language Acquisition Strategies (Based on the Results of an Experimental Study)	116
<i>Nigmatullina I.A., Sadretdinova E.A., Yudina A.O., Yurikova E.D., Komarova S.N.</i> Speech Development of Children with ASD: A Neuropsychological Approach	133

Medical linguistics

<i>Fattahov I.M.</i> Clinical and Linguistic Aspects for Development of the Geriatric Anxiety Scale	146
--	-----

ПСИХОЛИНГВИСТИКА

ОБЗОРНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'13

doi: 10.26907/2541-7738.2023.3.7-18

ВОЗМОЖНОСТИ АДАПТАЦИИ МНОГОМЕРНЫХ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ В НЕЙРОКОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В.А. Пищальникова¹, К.С. Карданова-Бирюкова²

*¹Московский государственный лингвистический университет,
г. Москва, 119034, Россия*

²Московский городской педагогический университет, г. Москва, 129226, Россия

Аннотация

В статье проанализированы антропоцентрические методологические установки современной науки о языке, актуализирующей междисциплинарные области исследований и выявляющей возможные параметры междисциплинарных исследовательских объектов. Формулирование подобных объектов требует методологической обработки научных понятий и такого выстраивания исследовательской логики, которое определяется междисциплинарными познавательными установками, не поддающимися корректной реализации в рамках существующих лингвистических парадигм. Рассмотрены возможности параметризации некоторых таких объектов (коммуникация, языковая способность и др.), проанализированы пути операционализации построенных моделей и их экспериментальной верификации, акцентированы потенции моделей в клинической деятельности с целью интенсификации связей лингвистики и нейрокогнитивных наук. К актуальным вопросам авторы относят создание модели, объясняющей нестабильность значения слова и универсальные психолингвистические принципы смыслопорождения, а также зависимость смыслообразования от соматических процессов.

Ключевые слова: междисциплинарный объект, психолингвистика, методологическая обработка, научное понятие, моделирование, коммуникация, языковая способность, нейронауки

Известное определение «научной революции» как «коренной ломки, трансформации, переинтерпретации основных научных результатов и достижений, этап принципиального видоизменения всех главных стратегий научного исследования и замещения их новыми» [1, с. 5], как показывает развитие науки, вполне применимо к естествознанию, однако в науках о человеке радикальные качественные изменения взглядов на исследовательский объект, переструктурирование познавательной деятельности, появление принципиально новых методов и инструментов научного анализа наблюдаются значительно реже. Науки о человеке носят в целом кумулятивный характер.

Специализация научного знания, тем не менее, требует определения границ объекта и использования применимых к этому объекту исследовательских инструментов. Становление научных дисциплин и парадигм задает методологичес-

кие рамки проводимых исследований (М. Фуко) и позволяет получить отчасти предсказуемые результаты, тем самым повышая прогностический потенциал интерпретаций и выводов, сделанных на их основе. Однако при всей системности дисциплинарного подхода некоторые сложные феномены не могут быть осмыслены и определены в пределах одной научной парадигмы.

Независимо от специфики познания в рамках той или иной науки необходимо установить признаки, указывающие на принципиальный сдвиг в характере познания: существенное изменение стратегии научного поиска, разработка принципиально новых методов, а также формирование междисциплинарных объектов с целью постановки и решения задач, не имеющих решения в рамках существующих научных парадигм и с помощью устоявшегося концептуального аппарата. Такие задачи все чаще возникают во всех областях знания, так или иначе связанных с проблемами понимания и продуцирования речи, речевых патологий, онтогенеза речи и под. В этом случае более эффективен «принципиально иной, холистический способ структурирования реальности, в котором скорее господствует полиморфизм языков и аналогия, нежели каузальное начало» [2, с. 91].

Новые проблемы, связанные с человеком говорящим, потребовали в середине XX в. выхода лингвистики за пределы системно-структурной модели и поворота к антропоцентризму, что, в свою очередь, привело к необходимости создания иных моделей языка, речевой деятельности, коммуникации и др., а также поиска иных методов их исследования.

Трудности моделирования подобных объектов связаны с тем, что основное «языковое содержание» скрыто от непосредственного наблюдения и, с одной стороны, позволяет рассматривать его в разных аспектах: как биологическое свойство человека, как хранилище культурных знаний и памяти поколений, как инструмент организации социального существования людей и т. д. С другой стороны, бесконечное расширение объекта не может быть основой эффективной модели, и поэтому необходима разработка особого холистического метода исследования, способного выявить то существенное в языке, что помогает решать разные исследовательские задачи в дисциплинах, смежных с лингвистикой. Язык и речевая деятельность не могут быть описаны инструментами одной парадигмы (и/или дисциплины). Уже сложившиеся «междисциплинарные» направления (психолингвистика, социолингвистика, этнолингвистика, когнитивистика, нейролингвистика и др.), которые, как правило, взаимно привлекают методы других наук для решения *дисциплинарных* проблем, видя в этом возможность *расширения*, а не *изменения характера* научного объекта, не могут исследовать «феномены не собственно языковой... природы, в которых неразрывно спаяны слово... и воплощенное в нем знание» [3, с. 115].

Междисциплинарные объекты – это комплексные, многомерные модели, которые представляют существенные характеристики изучаемого феномена (в нашем случае языка). Так, объединяя три аспекта существования языка (язык как система – язык как процесс – язык как способность), А.А. Леонтьев строит междисциплинарную «модель речевой способности» [4, с. 81], позволяющую выделять существенное свойство языка – деятельностный характер, определяющий практически все особенности его существования.

Необходимость создания междисциплинарных объектов остро ощущается и в проблемном поле, связанном с исследованием речевой деятельности индивида, в том числе патологической. Продуцирование и понимание речи, способы коррекции, избирательно направленные на определенные этапы производства речи, установление корреляций между уровнем языковой компетентности индивида и его интеллектуальным развитием – эти и другие вопросы не могут быть

решены усилиями психологии и лингвистики; они требуют выхода на модели и данные нейролингвистики, неврологии, нейрофизиологии.

Необходимо создание подобной холистической модели и в исследовании коммуникации как сферы осуществления речевой деятельности индивида. На протяжении нескольких столетий она является одним из центральных объектов философии, психологии, социологии, лингвистики, логики и др., а в первой половине XX в. изучение коммуникации составило отдельную область в технических науках – математическую теорию связи (К. Шеннон, У. Уивер, Н. Винер, Дж. Гербнер, Р. Рид и др.). Исследовательские объекты во всех этих и других науках конструируются, как правило, путем использования метаязыка и инструментария разных научных направлений. Но при этом изучаются отдельные параметры коммуникации: прагматика коммуникативного взаимодействия, его знаковый характер, активность субъекта речевой деятельности, содержательные аспекты и др. Однако цельное представление о коммуникации как особой деятельности людей может возникнуть только тогда, когда она будет исследоваться как междисциплинарный объект, обладающий определенными сущностными характеристиками, присущими объекту независимо от условий его функционирования. А пока остается проблематичным и существенное для коммуникации понятие информации, для измерения которой не существует универсальных или по крайней мере соотносимых шкал: в этом просто не возникает необходимости.

Динамический характер коммуникации, о котором говорят все исследователи, может быть изучен, например, при формировании такого междисциплинарного объекта, как *механизм возникновения континуальности*. Последняя постулируется психолингвистами как сущностное свойство коммуникации, но может быть определена только тогда, когда будет установлен механизм ее возникновения и действия. А это возможно только при формулировании научного объекта холистического характера, акцентирующего континуальность в качестве существенного структурообразующего параметра коммуникации, определяющего ее сложность. И если он отсутствует в данной конкретной речевой деятельности, это может свидетельствовать о ее патологичности.

В отечественной психологии и психолингвистике существуют уже сложившиеся схемы описания речемыслительной деятельности. Так, известная диада А.Н. Леонтьева «психологическое значение – личностный смысл» [5] в целом применима для описания континуальности коммуникации: трансформация конвенциональных, социально детерминированных психологических значений в личностные смыслы, присваиваемые с индивидуальным опытом, детерминирует развитие субъекта социальной коммуникации и согласует речемыслительные процессы разных участников. Однако эта общепсихологическая рамка представляет собой модель высокого уровня абстракции и не позволяет определять операциональные параметры объекта и осуществлять выход на экспериментальную верификацию.

Задачу измерения континуальности коммуникации возможно решить через выход в смежные научные направления, в частности биологическую теорию аутопоэза, ориентированную на изучение живой системы как сети нейрофизиологических процессов, обеспечивающих ее жизнедеятельность и самосохранение [6–8]. Равновесные отношения со средой, характеристики которой задаются атрибутами системы, определяют стабильность ее функционирования. В связи с этим жизнедеятельность системы направлена на поддержание равновесия, или коммуникацию (в терминах У. Матураны и Ф. Варелы [9]). Такие методологические установки помогают эффективно операционализировать модель речемыслительной деятельности, сформулированную А.Н. Леонтьевым и поддерживаемую ведущими отечественными психолингвистами

(см. [10]). Возможности операционализации модели подтверждаются широким применением теории аутопоэза в крупнейших современных разработках в области искусственного интеллекта, нейронаук, робототехники, медицины, социологии, менеджмента и др. (Б. МакМаллин, М. Зелены, Дж. Брейер, Дж. Акерманн, Дж. МакКаскилл, К. Дохерти, Ф. Розенблатт, Н. Люман, Л. Лейдесдорф, Т. Холл, Т. Джексон и др.).

В этом случае в фокусе исследования оказывается субъект социальной коммуникации, который обладает определенным набором адаптационных свойств, во многом детерминирующих характер общения. Коммуниканты, оказывающиеся в однотипных ситуациях общения, в силу разных адаптационных свойств, присущих им как когнитивным системам, акцентируют неодинаковый набор релевантных средовых факторов и по-разному выстраивают их иерархию, что определяет специфику их коммуникативного поведения. Представляется, что типология таких иерархий средовых факторов может обнаружить определенные зависимости от конкретных когнитивных способностей индивида.

Междисциплинарный подход требует и нового интерпретативного аппарата, позволяющего адекватно целям исследования представлять факторы, приводящие к континуальности коммуникации. Они очевиднее выявляются в отношении «субъект – среда». При этом под средой в рамках аутопоэза понимается область всех возможных взаимодействий субъекта коммуникации, которая задается его когнитивными свойствами [6; 8]. Другие люди тоже представляют собой компоненты среды и могут, как и иные средовые факторы, обладать разной значимостью в ее иерархической структуре, которую выстраивает индивид. Определяющим свойством субъекта является способность к самоорганизации, и эта способность лингвистически может быть определена через анализ параметров второго порядка: активность, языковую способность и структурность. Активность – психическое свойство субъекта коммуникации, фиксирующее его активное, а не адаптивное взаимодействие со средой. Языковая способность – психофизиологическая способность субъекта к семиозису. Структурность отражает характер организации перцептивно-когнитивно-аффективной базы субъекта коммуникации. Соотношение этих трех параметров позволяет представить модель социального субъекта, способного к активному взаимодействию со средой (рис. 1):

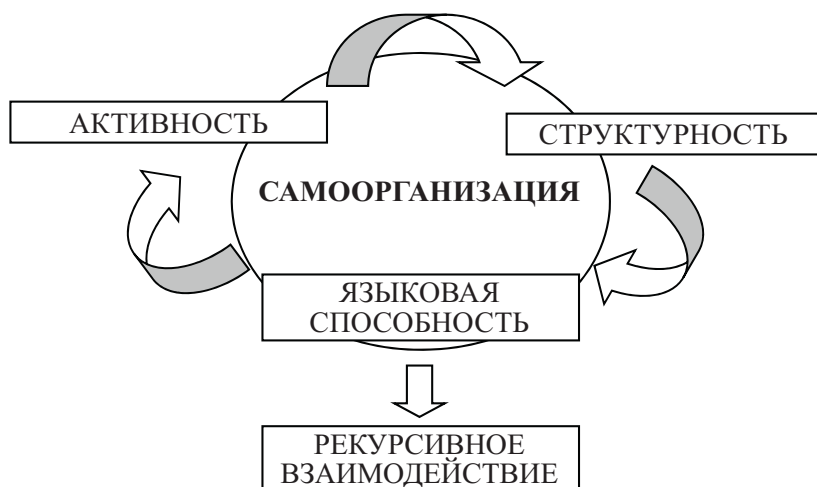

Рис. 1. Модель субъекта коммуникации

В случае недостаточности опоры только на один из представленных параметров компенсаторные механизмы, которыми пользуется социальный субъект, позволяют осуществлять рекурсивное взаимодействие и ситуативно обеспечивать достижение равновесия со средой.

Измерение соотношений предложенной совокупности параметров возможно и в нейрокогнитивных исследованиях, в том числе в области идентификации зоны деструкции операциональных схем речевого поведения социального субъекта. Перспективным представляется применение указанной модели к группам испытуемых с нарушениями механизмов социальной адаптации (например, людям с расстройствами аутистического спектра) или когнитивной обработки информации (например, при диагностированном отставании в речевом развитии).

К числу важнейших проблем, решение которых способно интенсифицировать связи лингвистики и нейронаук, относится построение модели, которая бы объясняла *существенную нестабильность значения слова*. С позиций психолингвистики психологически актуальным для индивида является смысл, который соотносится с языковыми единицами в рамках конкретной речемыслительной деятельности. Такая модель, на наш взгляд, должна отображать универсальный принцип «запуска» смыслопорождения и доминирующие условия его реализации на основе естественной семиотичности языка. А это невозможно без учета взаимодействия и взаимовлияния всех видов деятельности индивида в смыслопорождении.

В последнее время все более часты утверждения, что для познавательной деятельности индивида существенны все процессы, происходящие в его теле. Представители направления, называемого *корпореальной семантикой*, считают, что тело человека, во-первых, принимает участие в формах невербальной интерпретации действительности, зависящих от связей со средой. Эти связи являются определяющими для деятельности человека и участвуют в конкретных процессах порождения смыслов, взаимодействуя с ситуативным содержанием языковых знаков. Во-вторых, функционирование тела обеспечивает «квизиперцептивное отображение мира» [11], которое репрезентируется вербально, и, следовательно, ментальные репрезентации в значительной степени зависят от состояния тела в момент производства смыслов. Поэтому корпореальная семантика ставит своей задачей установить роль тела в формировании понятий: «Семиозис как нейробиологическая способность человека возможен только на основе взаимодействия тела, мозга и культуры» [12, с. 60]. Язык фиксирует результат объединения мозгом сенсорно-аффективно-когнитивных форм деятельности и, следовательно, может стать отправным моментом интерпретации, пусть и ограниченной, каждого из них.

Тезис о формировании смыслов под влиянием органических процессов, в том числе сенсомоторных возможностей индивида, разделяют и сторонники теории «воплощенного значения» (разума). Так, М. Джонсон [13] тоже подчеркивает базовый характер форм перцептивной и моторной деятельности для образования абстрактного мышления, но в то же время указывает и на зависимость этого феномена от общества и культуры, в которых он формируется. Концептуализация мира входит в единый эволюционный процесс, в котором существенно стремление человека к эффективному функционированию в конкретных условиях. (Подчеркнем, что высказанные положения не являются принципиально новыми для отечественной науки, поскольку некоторые из них значительно глубже разработаны Л.С. Выготским. И методологически все высказанные тезисы восходят к идее порождения смысла в процессе самоорганизации сознания во взаимодействии со средой.)

Формулирование междисциплинарных объектов в этой проблемной области и экспериментальное исследование условий смыслопорождения, зависящих от соматических факторов, позволяют, на наш взгляд, установить значимые корреляции между изменением параметров тела и способами вербального представления (предикации) действительности. Определенную базу для начальных исследований здесь могут составить многочисленные работы по *изучению речи в состоянии эмоциональной напряженности и закономерностей вербализации эмоций* ([14–18] и мн. др.). Так, в последней из указанных работ экспериментально установлено, что между темпом, ритмом речи, оговорками, с одной стороны, и тревожностью, напряженностью, типом эмоций – с другой, существуют определенные корреляции. С учетом того, что, по мнению ряда нейробиологов, эмоции – это набор физиологических механизмов выживания, некие быстрые решения проблемных ситуаций, возможно проведение серии психолингвистических экспериментов, устанавливающих зависимости между изменением эмоционального состояния человека и способами предикации действительности, которые он демонстрирует в спонтанной речевой деятельности и экспериментах. Такие закономерности могут заложить основу для разработки методик коррекции концептуализации действительности.

В рамках заявленной проблемной области могут быть эффективно использованы *свободный ассоциативный эксперимент* и интерпретация ассоциативного поля, объединяющего совокупность полученных ассоциатов как фрагмент ассоциативно-вербальной сети, в которой представлены правила оперирования знаниями [19; 20] и др. На наш взгляд, вербальный ассоциативный эксперимент обладает большим прагматическим потенциалом в диагностировании различных речевых расстройств и, возможно, иных неврологических патологий.

Дело в том, что в ассоциативном эксперименте моделируется ситуация, в которой индивид вынужденно проявляет деятельностное отношение к заданному вербальному стимулу. Таким образом устанавливается отношение «стимул – реакция», выявляющее основание предикации между ними. По этому основанию можно судить о степени операционализации языка, об освоенности тех или иных речевых операций, о способах концептуализации мира и многом другом. Так, Н.И. Степыкин, экспериментально исследуя параметры речевого действия, выделил его фундаментальные свойства: предикативность, модальность, ситуативность и полноту цикла синтаксирования [21]. Применение этой модели речевого действия в исследовании сформированности речевых навыков позволяет обнаружить дефектность одного из параметров и создать методику коррекции, направленную на формирование/восстановление конкретного параметра речевого действия.

Ф. Гальтон, впервые осуществивший ассоциативный эксперимент, писал, что его результаты «обнажают сущность человеческой мысли с такой удивительной отчетливостью и открывают анатомию мышления с такой живостью и достоверностью, которые вряд ли удастся сохранить, если опубликовать их и сделать достоянием мира» (цит. по [22]).

Экспериментаторы, получая большое количество разных ассоциаций, отражающих богатство мыслительной деятельности людей, стремятся установить закономерности вербального ассоциирования, в том числе статистические, чтобы объяснить хотя бы некоторые стороны мышления. Механизм ассоциирования, казалось бы, исследован основательно: установлены и проверены экспериментально многочисленные факторы, влияющие на изменение ассоциаций; правда, количество этих факторов стремится к бесконечности: нейрофизиологические процессы протекания мышления, психологические, социально-культурные и др. Создаются различные модели ассоциативно-вербальной сети, так или ина-

че объясняющие взаимодействие ассоциаций, предлагаются совокупности реакций на заданные вербальные стимулы, упорядоченные на разных основаниях, но до полной ясности здесь тоже далеко. Возможность вербального ассоциирования не только на слово, но на части слова, словосочетания («ассоциативная грамматика» Ю.Н. Караулова) и несловесные объекты только усложняет проблемную ситуацию. В центре проблемы стоит простой, в сущности, вопрос: есть ли какие-то параметры ассоциирования, которые свидетельствовали бы о его нормативности? По сути, ответ на этот вопрос подспудно содержится во всех экспериментальных процедурах психолингвистов: в отборе стимулов (почему эти, а не другие? какие с большей степенью «объективности» и почему будут свидетельствовать о содержании ассоциативной связи между стимулом и реакцией? и т. п.); в зональном строении ассоциативного поля; в установлении количественного показателя, позволяющего включать или не включать ассоциат в ядро поля, и т. д. И пока единственным неоспоримым критерием для установления закономерностей организации ассоциативного поля является количественный, позволяющий, хотя тоже условно, выделять его ядро и периферию. Здесь исследователи сходятся в одном: в дальнюю периферию включаются единичные реакции. Очевидно, что для уточнения зонирования ассоциативного поля необходимо устанавливать степень семантической связи между ассоциатами, и разработка такой процедуры возможна только на основе компьютерных технологий.

Как известно, в прототипе ассоциативного словаря использовано 100 частотных слов, которые предъявлялись тысяче носителей языка [23]. Таким образом, «нормативность» ассоциаций задавалась уже частотностью самих стимулов. Как правило, частотность интуитивно осознается как недостаточный критерий «нормативности», поэтому с самого начала исследователи предпринимают разные попытки классификации ассоциатов и с целью некоего внешнего их упорядочения, и с целью формирования типичных групп реакций, соотносимых с тем или иным признаком ассоциирования. Выявление типичных групп, по сути, является процедурой, верифицирующей имплицитную «нормативность», которая, по негласному соглашению, определяет «объективность» исследования. Так, Г. Кент и А. Розанофф классифицировали полученные ассоциаты на обычные реакции (повторяющиеся в эксперименте минимум дважды), индивидуальные, или единичные, реакции и реакции неопределенной группы – ассоциаты, актуализированные в различной грамматической форме [23]. Последующий количественный анализ данных показал, что испытуемые без патологий давали в среднем 91.7% обычных реакций, 6.8% индивидуальных реакций и 1.5% неопределенных реакций. Испытуемые с ментальными нарушениями продуцировали 70.7% обычных реакций, 26.8% индивидуальных ассоциатов и 2.5% реакций неопределенной группы [23]. Таким образом, количественные данные о выделенных типах реакции тоже косвенно подтверждают нормативность/патологичность реакций. Американские психологи отмечали, что обычные реакции в подавляющем большинстве случаев можно считать признаком нормы, даже если они проявляются у субъекта с ментальными патологиями. Представляется, что именно эта работа на многие годы определила использование понятия «ассоциативная норма». Г. Кент и А. Розанофф, изучая вербальное поведение людей с психическими отклонениями и пытаясь установить корреляции между группами ассоциатов и патологическим сознанием испытуемых, определяли норму ассоциирования.

В настоящее время существует большое количество ассоциативных словарей ([24–33] и мн. др.), на базе которых решается главная проблема – характер организации ментального лексикона, и они могут стать эмпирической базой исследования патологического/непатологического вербального поведения.

Так, тезаурус ассоциативных норм Университета Южной Флориды фиксирует 29 показателей, характеризующих вербальный стимул: спонтанную вербальную реакцию респондента, прямые, обратные или в разной степени опосредованные связи реакции и стимула и др. [24]. Так, индексы силы прямой и обратной ассоциативной связи указывают на вероятность продуцирования конкретного ассоциата при предъявлении определенного стимула и, следовательно, могут свидетельствовать о степени операциональности предикативной связи «стимул – реакция». Между словами, входящими в пару «стимул – реакция», могут существовать и предикативные связи, опосредованные другими вербальными ассоциатами. Эти связи в отечественных исследованиях, как правило, игнорируются и в ассоциативных базах данных, и в конкретных работах, но они значимы для процесса продуцирования речевого действия. Поэтому вводится индекс опосредованной ассоциативной, или двухступенчатой, силы [34]. Еще одним важным для исследования речевого действия признаком может быть индекс перекрытия, учитывающий количество пересекающихся/сходящихся/перекрывающихся в свободном прямом и обратном экспериментах ассоциатов, общих для стимула и реакции. Стабильным показателем специфики ассоциативного поля является показатель разнообразия ассоциатов, который активно используется в отечественных исследованиях.

Способ действия со словом, характер предикации детерминируются взаимодействием содержания мышления с мотивом деятельности, формирующимся под воздействием социокультурных факторов. Поэтому при обработке данных ассоциативного эксперимента возможно установление типов предикации, которые могут быть соотнесены с теми или иными типами нарушения речи. Они определяются в результате исследования разных параметров стимула и реакции.

Изучение речевой деятельности человека невозможно в отрыве от исследования когнитивных механизмов обработки информации и памяти, равно как и от исследований нейрофизиологических процессов в головном мозге и общего функционирования ЦНС. Это детерминировало установление тесных связей между лингвистикой и нейронауками: нейропсихологией, нейрофизиологией и клинической психологией и др., о важности которых неоднократно говорили крупнейшие ученые (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, П.К. Анохин и др.). Один из векторов этого взаимодействия составляет разработка многомерных психолингвистических моделей, отдельные параметры которых могут быть локализованы и верифицированы экспериментальным путем (см. рассмотренные в статье модели коммуникации как адаптивного поведения социального субъекта и языковой способности). Для операционализации таких моделей требуется «выход» в междисциплинарную область, методологическая обработка необходимых для их описания научных понятий и синхронизация концептуальных аппаратов нескольких научных парадигм.

К актуальным вопросам нейролингвистики относятся создание модели, объясняющей нестабильность значения слова и универсальные психолингвистические принципы смыслопорождения, а также зависимость смыслообразования от соматических процессов. Создание многомерных моделей речемыслительной деятельности инструментами психолингвистики и сопоставление экспериментальных данных, полученных при работе с нормотипическими испытуемыми и испытуемыми с диагностированными отклонениями в речевом, когнитивном либо физическом развитии, представляется крайне перспективным. Результаты этой работы могут быть эффективно использованы и в клинической практике при диагностировании речевых расстройств через идентификацию тех этапов речемыслительного процесса, в которых происходят различные отклонения от нормотипических сценариев.

Литература

1. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003. 605 с.
2. Аришинов В.И., Буданов В.Г. Синергетика постижения сложного // Синергетика и психология. М.: Когито-Центр, 2004. С. 82–127.
3. Красных В.В. Современная научная парадигма – новые науки о человеке говорящем // Actographe. 2017. Т. 1, № 1. С. 107–140.
4. Пищальникова В.А., Сонин А.Г. Общее языкознание. М.: Р. Валент, 2017. 480 с.
5. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Изд-во полит. лит., 1975. 304 с.
6. Maturana H.R., Varela F.J. Autopoiesis and cognition: The realization of the living // Boston Studies in the Philosophy of Science. Dordrecht: D. Reidel Publ. Co., 1980. V. 42. P. 5–58. URL: <https://doi.org/10.1007/978-94-009-8947-4>.
7. Maturana H.R. Biology of language: The epistemology of reality // Psychology and Biology of Language and Thought: Essays in Honor of Eric Lenneberg / Miller G.A., Lenneberg E. (Eds.). N. Y.: Acad. Press, 1978. P. 27–63.
8. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1995. С. 95–142.
9. Матурана У., Варела Ф. Древо познания: биологические корни человеческого понимания. М.: Прогресс-традиция, 2001. 223 с.
10. Залевская А.А. Слово. Текст. Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 542 с.
11. Ruthrof H. Towards a corporeal semantics // Semantics and the Body: Meaning from Frege to the Postmodern / Ser.: Toronto Studies in Semiotics and Communication. Toronto: Univ. of Toronto Press, 1997. P. 23–52. URL: <https://doi.org/10.3138/9781442679757.6>.
12. Залевская А.А. Телесность/корпоральность и значение слова // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Вып. 8. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. С. 57–65.
13. Johnson M. The Meaning of the Body: Aesthetics of Human Understanding. Chicago; London: Univ. of Chicago Press, 2007. 308 p.
14. Носенко Э.Л. Особенности речи в состоянии эмоциональной напряженности. Днепр-пропетровск: [б. и.], 1975. 132 с.
15. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 414 с.
16. Валуццева И.И., Хухуни Г.Т. Эмоции в звучащей речи: экспериментальное исследование // Вопросы психолингвистики. 2016. № 3 (29). С. 45–55.
17. Жабин Д.В., Молоканова А.И. Психолингвистическое исследование формальных признаков звучащей речи говорящего в условиях эмоциональной напряженности в контексте искусственного билингвизма (на примере экзаменационного стресса) // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 1. С. 166–170.
18. Исаева А.А. Влияние эмоциональной напряженности на порождение звучащей речи // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 34–41.
19. Адамова З.Г. Вербальная диагностика этнической напряженности: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 212 с.
20. Ассоциативный эксперимент и исследование идентичности / Под ред. В.А. Пищальниковой. М.: МГЛУ, 2021. 110 с.
21. Степныкин Н.И. Речевое действие как психолингвистический механизм порождения и актуализации смысла: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2021. 51 с.
22. Miller G.A. The magical number of seven, plus or minus two: Some limits on our capacity for processing information // Psychol. Rev. 1956. V. 63, No 2. P. 81–97. URL: <https://doi.org/10.1037/h0043158>.
23. Kent G.H., Rosanoff A.J. A study of association in insanity // Am. J. Psychiatry. 1910. V. 67, No 1. P. 37–96. URL: <https://doi.org/10.1176/ajp.67.1.37>.
24. Jenkins J.J., Russell W.A. Associative clustering during recall // J. Abnorm. Soc. Psychol. 1952. V. 47, No 4. P. 818–821. URL: <https://doi.org/10.1037/h0063149>.
25. Bousfield W.A. The occurrence of clustering in the recall of randomly arranged associates // J. Gen. Psychol. 1953. V. 49, No 2. P. 229–240. URL: <https://doi.org/10.1080/00221309.1953.9710088>.

26. Gerow J.R., Pollio H.R. Word association, frequency of occurrence, and semantic differential norms for 360 stimulus words // Technical Report No. 1. Contract MH 08903. Knoxville: Univ. of Tennessee. 1965. P. 76–84.
27. Postman L., Keppel G. (Eds.) Norms of Word Association. N.Y.: Acad. Press, 1970. 476 p.
28. Lönngren L.A. Swedish Associative Thesaurus // Euralex'98 Proceedings. 1998. V. 2. P. 467–474.
29. Словарь ассоциативных норм русского языка / А.А. Леонтьев, А.П. Клименко, А.Е. Супрун и др. / Под ред. А.А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. 192 с.
30. Цітова А.І. Асацыятыўны слоўнік беларускай мовы. Мінск: Выдавецтва БДУ, 1981. 142 с.
31. Български норми на словесни асоциации / Под общата редакция на Е. Герганов. София: Наука и изкуство, 1984. 281 с.
32. Novák Z. Volné slovní párové asociace v češtině. Praha: Academia. 1988. 175 s.
33. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: Астрель: АСТ, 2002. Т. I: От стимула к реакции. 784 с.; Т. II: От реакции к стимулу. 992 с.
34. Nelson D.L., McEvoy C.L., Schreiber T.A. The University of South Florida word association, rhyme, and word fragment norms. URL: <http://w3.usf.edu/FreeAssociation>, свободный.

Поступила в редакцию 5.05.2023

Принята к публикации 5.07.2023

Пищальникова Вера Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания

Московский государственный лингвистический университет

ул. Остоженка, д. 38, стр.1, г. Москва, 119034, Россия

E-mail: pishchalnikova@mail.ru

Карданова-Бирюкова Ксения Суфьяновна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой языкознания и переводоведения

Московский городской педагогический университет

2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1, г. Москва, 129226, Россия

E-mail: kardanova-birukovaks@mgpu.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI

(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 3, pp. 7–18

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.3.7-18

Adaptation of Multi-Faceted Psycholinguistic Models for Research in Neuroscience

V.A. Pishchalnikova ^{a*}, K.S. Kardanova-Biryukova ^{b**}

^aMoscow State Linguistic University, Moscow, 119034 Russia

^bMoscow City Pedagogical University, Moscow, 129226 Russia

E-mail: ^{*}pishchalnikova@mail.ru, ^{**}kardanova-birukovaks@mgpu.ru

Received May 5, 2023; Accepted July 5, 2023

Abstract

This article focuses on the methodological framework of modern anthropocentric linguistics, an emerging interdisciplinary field of research. With new interdisciplinary research objects that cannot be analyzed within a single discipline or paradigm, it is important to adopt a research logic based on interdisci-

plinary cognitive attitudes and adapt the established scientific concepts accordingly. Here, we review the main interdisciplinary research objects, such as communication and language ability, and explain how they can be parameterized. Communication, as an adaptive behavior of a social human, can be explored through the interpretive categories of autopoiesis theory to build a model of a communicant for further experimental verification. Language ability can be effectively studied with the help of experimental research tools that analyze speech in emotionally stressful situations and identify patterns in the verbalization of emotions. These experimental data can be obtained by an association experiment, in which the associative field is understood as a constitutive element of the association-verbal network segment defining the rules of knowledge processing. The research tools and objects discussed in this article can be useful in medical practice, particularly in the diagnosis of speech disorders by detecting the stages of speech production and comprehension in which the deviations occur. Research problems that require further investigation include the development of models explaining the instability of word meaning, the formulation of universal psycholinguistic principles of sense production, and the discovery of a correlation between sense production and somatic processes.

Keywords: interdisciplinary research object, psycholinguistics, methodological adaptation, scientific concept, modeling, communication, language ability, neuroscience

Figure Captions

Fig. 1. Model of a communication participant.

References

1. Kuhn T. *Struktura nauchnykh revolyutsii* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow, AST, 2003. 605 p. (In Russian)
2. Arshinov V.I., Budanov V.G. Synergy of understanding the complexity. In: *Sinergetika i psikhologiya* [Synergetics and Psychology]. Moscow, Kogito-Tsentr, 2004, pp. 82–127. (In Russian)
3. Krasnykh V.V. Modern research paradigm – new branches of science about Homo loquens. *Actographe*, 2017, vol. 1, no. 1, pp. 107–140. (In Russian)
4. Pishchalnikova V.A., Sonin A.G. *Obshchee yazykoznanie* [General Linguistics]. Moscow, R. Valent, 2017. 480 p. (In Russian)
5. Leont'ev A.N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow, Polit. Lit., 1975. 304 p. (In Russian)
6. Maturana H.R., Varela F.J. Autopoiesis and cognition: The realization of the living. In: *Boston Studies in the Philosophy of Science*. Vol. 42. Dordrecht, D. Reidel Publ. Co., 1980, pp. 5–58. URL: <https://doi.org/10.1007/978-94-009-8947-4>.
7. Maturana H.R. Biology of language: The epistemology of reality. In: Miller G.A., Lenneberg E. (Eds.) *Psychology and Biology of Language and Thought: Essays in Honor of Eric Lenneberg*. New York, Acad. Press, 1978, pp. 27–63.
8. Maturana H.R. Biology of cognition. In: *Yazyk i intellekt* [Language and Consciousness]. Moscow, Progress, 1995, pp. 95–142. (In Russian)
9. Maturana H.R., Varela F. *Derevo poznaniya: biologicheskie korni chelovecheskogo ponimaniya* [The Tree of Knowledge: Biological Foundations of Human Cognition]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2001. 223 p. (In Russian)
10. Zalevskaya A.A. *Slovo. Tekst. Izbrannye trudy* [Word. Text. Selected Works]. Moscow, Gnosis. 542 p. (In Russian)
11. Ruthrof H. Towards a corporeal semantics. In: *Semantics and the Body: Meaning from Frege to the Postmodern*. Ser.: Toronto Studies in Semiotics and Communication. Univ. of Toronto Press, 1997, pp. 23–52. URL: <https://doi.org/10.3138/9781442679757.6>.
12. Zalevskaya A.A. Embodiment/corporeality and word meaning. In: *Yazykovoie bytie cheloveka i etnosa: psikholingvisticheskie i kognitivnyi aspekty* [Language Being of a Human and Ethnos: Psycholinguistic and Cognitive Aspects]. Barnaul, Izd. AltGU, 2004, no. 8, pp. 57–65. (In Russian)
13. Johnson M. *The Meaning of the Body: Aesthetics of Human Understanding*. Chicago, London, Univ. of Chicago Press, 308 p.
14. Nosenko E.L. *Osobennosti rechi v sostoyanii emotsional'noi napryazhennosti* [Emotional Stress in Speech]. Dnepropetrovsk, n. p., 1975. 132 p. (In Russian)

15. Shakhovskii V.I. *Lingvisticheskaya teoriya emotsii* [Linguistic Theory of Emotions]. Moscow, Gnozis. 414 p. (In Russian)
16. Valuitseva I.I., Khukhuni G.T. Emotions in oral speech: An experimental research. *Voprosy Psikholingvistiki*, 2016, no. 3 (29), pp. 45–55. (In Russian)
17. Zhabin D.V., Molokanova A.I. A psycholinguistic research of the formal features of oral speech as influenced by emotional stress in artificial bilingualism (based on examination stress). *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta imeni N.I. Lobachevskogo*, 2018, no. 1, pp. 166–170. (In Russian)
18. Isaeva A.A. Influence of emotional stress on oral speech production. *Vestnik Voronezhskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Lingvistika i Mezhkul'turnaya Kommunikatsiya*, 2022, no. 4, pp. 34–41. (In Russian)
19. Adamova Z.G. Verbal diagnostics of ethnic tension. *Cand. Philol. Diss.* Moscow, 2006. 212 p. (In Russian)
20. Pishchalnikova V.A. (Ed.) *Assotsiativnyi eksperiment i issledovanie identichnosti* [Association Experiment and Identity Research]. Moscow, MGLU, 2021. 110 p. (In Russian)
21. Stepykin N.I. Speech action as a psycholinguistic mechanism. *Extended Abstract of Doct. Philol. Diss.* Moscow, 2021. 51 p. (In Russian)
22. Miller G.A. The magical number of seven, plus or minus two: Some limits on our capacity for processing information. *Psychological Review*, 1956, vol. 63, no. 2, pp. 81–97. URL: <https://doi.org/10.1037/h0043158>.
23. Kent G.H., Rosanoff A.J. A study of association in insanity. *American Journal of Psychiatry*, 1910, vol. 67, no. 1, pp. 37–96. URL: <https://doi.org/10.1176/ajp.67.1.37>.
24. Jenkins J.J., Russell W.A. Associative clustering during recall. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1952, vol. 47, no. 4, pp. 818–821. URL: <https://doi.org/10.1037/h0063149>.
25. Bousfield W.A. The occurrence of clustering in the recall of randomly arranged associates. *Journal of General Psychology*, 1953, vol. 49, no. 2, pp. 229–240. URL: <https://doi.org/10.1080/00221309.1953.9710088>.
26. Gerow J.R., Pollio H.R. Word association, frequency of occurrence, and semantic differential norms for 360 stimulus words. *Technical Report No. 1*. Contract MH 08903. Knoxville, Univ. of Tennessee, 1965, pp. 76–84.
27. Postman L., Keppel G. (Eds.) *Norms of Word Association*. New York, Acad. Press, 1970. 476 p.
28. Lönngren L.A. A Swedish Associative Thesaurus. *Euralex '98 Proceedings*, 1998, vol. 2, pp. 467–474.
29. Leont'ev A.A. (Ed.) *Slovar' assotsiativnykh norm russkogo yazyka* [Dictionary of the Associative Norms of the Russian Language]. Moscow, Izd. Mosk. Univ., 1977. 192 p. (In Russian)
30. Tsitova A.I. *Associative Dictionary of the Belarusian Language*. Minsk, Vydavetstva BDU. 142 p. (In Belarusian)
31. Gerganov E. (Ed.) *Bulgarian Normalized Verbal Associations*. Sofia, Nauka i Izkustvo, 1984. 281 p. (In Bulgarian)
32. Novák Z. *Volné slovní párové asociace v češtině*. Praha, Academia, 1988. 175 s. (In Czech)
33. Karaulov Yu.N., Cherkasova G.A., Ufimtseva N.V., Sorokin Yu.A., Tarasov E.F. *Russkii assotsiativnyi slovar'* [Russian Associative Dictionary]. Moscow, Astrel', AST, 2002. Vol. I: From stimulus to reaction. 784 p.; Vol. II: From reaction to stimulus. 992 p. (In Russian)
34. Nelson D.L., McEvoy C.L., Schreiber T.A. The University of South Florida word association, rhyme, and word fragment norms. URL: <http://w3.usf.edu/FreeAssociation>.

⟨ **Для цитирования:** Пищальникова В.А., Карданова-Бирюкова К.С. Возможности адаптации многомерных психолингвистических моделей в нейрокогнитивных исследованиях // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 3. С. 7–18. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.7-18>. ⟩

⟨ **For citation:** Pishchalnikova V.A., Kardanova-Biryukova K.S. Adaptation of multi-faceted psycholinguistic models for research in neuroscience. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 3, pp. 7–18. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.7-18>. (In Russian) ⟩

ОБЗОРНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'13

doi: 10.26907/2541-7738.2023.3.19-32

ВИЗУАЛЬНАЯ ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Л.А. Мардиева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье представлен аналитический обзор работ по визуальной прецедентности – относительно новому объекту лингвистических исследований. Установлено, что наряду с процессом активного пополнения понятийно-терминологического аппарата исследователей визуальной прецедентности отмечается неупорядоченность терминологического обозначения самих прецедентных визуальных феноменов; отсутствует единое мнение о формах их представления в текстовых структурах; расширяется круг явлений, относимых к визуальной прецедентности. К началу третьего десятилетия XXI в. определены специфика прагматической заданности и особенности использования анализируемых форм прецедентности в политическом, медийном дискурсах; имеются репрезентативные сведения о характере их бытования в рекламном дискурсе; делаются первые шаги в изучении прецедентных визуальных феноменов в литературно-художественном, научно-популярном, учебном дискурсах, в дискурсе портретных изображений. Исследователями определены общие и частные (характерные для конкретных сфер коммуникации) функции визуальных прецедентных феноменов. Достигнуты успехи в изучении технологий актуализации прагматических функций прецедентных визуальных феноменов. Функционально-прагматическая отмеченность прецедентных визуальных феноменов позволяет ученым относить их к числу визуальных стилистических средств и говорить о зарождении визуальной стилистики текста.

Ключевые слова: прецедентность, прецедентные визуальные образы, прецедентные визуальные феномены, визуальная цитация, визуальная интертекстуальность, поликодовый / креолизованный текст

Прецедентные визуальные феномены представляют собой объективированные в текстовых структурах прецедентные визуальные образы – хранящиеся в памяти представителей определенного социокультурного сообщества зрительные образы культурного пространства [1; 2, с. 253–254]. Прецедентные визуальные феномены – относительно новый объект лингвистических исследований, о чем, в частности, свидетельствует и отсутствие общепризнанного термина для их обозначения. Анализ научной литературы показывает, что, наряду с термином «прецедентные визуальные феномены», «визуальная прецедентность» [1–4 и мн. др.], используются и такие обозначения, как «визуальная интертекстуальность» [5; 6], «прецедентный текст визуального характера» [7], «визуальная аллюзия» [8], «иконические прецедентные феномены», «визуальная цитата» [6], «визуальные презентемы» [9]; «аллюзии, реализованные за счет визуального семиотического кода» [10], «графические шаблоны» [11], а также терминологию

значения видового характера – «невербальные цитаты фрагментов фильмов», «прецедентные культурные знаки из сферы архитектуры и скульптуры» [12], «прецедентное изображение» [13], «образы прецедентных реалий» [14], «семиотический образ прецедентной личности» [15] и мн. др.

В силу неоднозначности природы образа, который по традиции понимается либо как феномен визуальный, либо как данный в языке феномен, воплощенные формы визуальных прецедентных образов – прецедентные визуальные феномены – рассматриваются узко или широко (см., напр., обзоры [16, с. 20; 17, с. 224; 18, с. 144]). При узком подходе к визуальной прецедентности таковыми признаются знаки исключительно иконической природы – иконические прототексты (как правило, кадры из кинофильмов, рисунки, скульптуры или их фрагменты, графемы и т. д.), получившие иконическое же воплощение во вторичном тексте. При широком подходе к прецедентным визуальным феноменам относят как вербальные, так и невербальные формы воплощения хранимых в сознании членов данного социокультурного общества цельных или фрагментарных картиноподобных образов текстов любой семиотической природы, в том числе и образов невербального поведения отдельных личностей или социальных групп, образов предметного мира, а также и внешней формы, самой структуры иконического текста (см., напр., [2, с. 254–265; 19, с. 510–514 и др.]). Механизмы реализации визуальной прецедентности в последнем случае отличаются разнообразием, прецедентный визуальный образ может проявляться невербально (в иконическом тексте) или вербально (см. [20, с. 81; 2, с. 254–265, 293; 14; 21, с. 15–18 и др.]), а также одновременно вербально и невербально (см. [22, с. 33; 23, с. 180 и далее; 19, с. 510 и мн. др.]). Т.В. Марченко в соответствии со структурным критерием, предполагающим учет технологического и структурно-семиотического аспектов, предлагает различать статичные и динамические визуальные прецедентные феномены; прецедентные феномены одной семиотической природы (вербальные и невербальные – аудиальные, визуальные) и прецедентные феномены полимодальные: визуально-аудиальные, вербально-визуально-аудиальные (см. [24, с. 147]). Обратим в связи со сказанным внимание на аудиальные прецедентные феномены. В качестве примера этой формы прецедентности Т.В. Марченко рассматривается звук смеха испанца Эль Риситаса в интервью с ним, где он рассказывает о своей работе на пляже (см. [24, с. 147]). Приводимые Х. Ли примеры функционирования таких вербализованных прецедентных феноменов из мультфильмов, как *разговаривает интонациями Бабы-Яги из советского мультфильма; спросила она тоном старухи Шапокляк* [21, с. 15–16], также свидетельствуют о правомерности выделения аудиальных форм прецедентности. Итак, прецедентный феномен может быть представлен кодом любой семиотической системы и воспринят при помощи разных каналов восприятия информации. Причем нередко прецедентные феномены «не ограничиваются знаками только одной семиотической системы» [25, с. 132]; если же речь идет о динамических текстах, иногда достаточно сложно установить конкретный семиотический тип прецедентности, так как востребованным может оказаться каждый из кодов источника (см. [24, с. 147]).

Заметно расширяется и круг явлений, относимых учеными к визуальной прецедентности. Так, в последних работах к числу визуальных прецедентных явлений культуры отнесены эмблематические символы (см. [9, с. 139]), национально-культурные, социально-идеологические маркеры (см. [16, с. 69 и далее; 26, с. 44]), архитектурные формы, национальные орнаменты, графемы (см. [14; 19]). В число визуальных прецедентных феноменов предлагается включать и отдельные факты (скорее, всё же события) политики, экономики

(см. [8, с. 126]). Особую группу образуют визуальные прецедентные феномены антропоцентрического характера, называемые Л.С. Гуторенко «прецедентными персоналиями» [11, с. 254], В.А. Райскиной – «семиотическими образами прецедентных личностей» [15]. К этой группе относят визуальные образы конкретных личностей – писателей, ученых, политических деятелей и т. д. (см. [8, с. 126; 27, с. 29–33; 15]), «селебрити» [22, с. 34], а также визуальные образы обобщенных исторических героев (викингов, рыцарей и т. д.), супер-героев и кинозловеев (см. [28, с. 243, 246]). Любопытно, что в рекламе достаточно активно используются «воображаемые», «ложные», то есть специально создаваемые рекламодателями, образы прецедентных личностей и связанных с ними ситуаций (см. [22, с. 34]).

К прецедентным феноменам нового типа ученые склонны относить и интернет-мемы. «Имманентными характеристиками рассматриваемого информационного продукта являются фокус на оценочности и корреляция с актуальными для группы пользователей / сообщества / социума событиями или явлениями. Полимодусная природа мема реализуется во всем многообразии конвергенции семиотических кодов: “текст – картинка”, “текст – видео”, “текст – аудио”, “текст – видео – аудио”, “видео – аудио”, “аудио – картинка”» [24, с. 146–147]. Мемы относятся учеными к кратковременным элементам культурного кода, «с функциональной точки зрения <они> схожи с обычными прецедентными текстами, но обладают иной структурой и характеризуются иным, специфическим бытованием в речевой практике пользователей Интернета» [29, с. 143]. Вместе с тем высказывается и иная точка зрения, согласно которой прецедентные визуальные феномены являются основой для генерации отдельных или целой серии мемов (см. [30, с. 84]), «идеальной средой для закрепления того или иного феномена в качестве прецедентного» [24, с. 147]. Безусловно, обе позиции правомерны.

Исследование прецедентных визуальных феноменов в составе поликодовых текстов ведется с опорой на дискурсивно-семиотический метод, что позволяет выявить специфику прагматической заданности и отличительные особенности их использования в разнообразных видах дискурса:

- литературно-художественном [9];
- изобразительном, а именно в дискурсе портретных изображений (портретах, памятниках, кенотафах, скульптурах), причем, так как «семиотические составляющие портретных изображений разнообразны, портрет рассматривается как креолизованный текст» [15];
- научно-популярном [31];
- учебном [32; 33];
- рекламном [22; 14; 12; 8; 28 и др.];
- политическом [5; 25; 34; 35; 36; 37; 38; 6; 27; 39; 40; 16 и др.], в том числе и в жанре политической карикатуры [17; 37; 41; 42; 4 и др.];
- медийном: газетно-журнальном [1; 2; 43 и др.], интернет-дискурсе [11; 44; 45; 30; 24; 19 и др.].

В современной лингвистике наиболее изучена специфика функционирования прецедентных визуальных феноменов в медийном, политическом и рекламном дискурсах, которые, как известно, тесно взаимодействуют, пересекаются. Заслуживают внимания монографические исследования М.Б. Ворошиловой [25], М.Р. Бабиковой [16]: дискурсивно-семиотический анализ текстов националистических объединений позволил ученым выделить особый тип прецедентности – «контекстный прецедентный феномен», то есть прецедентный (в том числе и визуальный) знак, являющийся таковым (прецедентным) только в специализированном контексте, предназначенном для «своей» аудитории (см. [36, с. 59; 16, с. 177]).

Изучение коммуникативно-прагматического потенциала прецедентных визуальных феноменов в литературно-художественном, изобразительном, научном, учебном дискурсах только начинается. Появляются и первые специальные работы, посвященные адаптации прецедентных визуальных образов из конкретных типов текстовых источников (литературно-художественных произведений [42], мультипликационных [34; 35; 45; 21 и др.]) к новым контекстам функционирования.

Дискурсивно-семиотический метод дополняется другими исследовательскими методами и приемами. Так, функционально-прагматический подход к указанным единицам позволяет выделить универсальные функции прецедентных визуальных феноменов: аттрактивную, смыслопорождающую, эмоционально-оценочную, воздействующую (вплоть до ее крайних форм – манипуляции и суггестии), игровую, а также и функции актуализации вербальных прецедентов (см. об этом, напр., [40, с. 76; 24, с. 147]). Вслед за А.В. Дмитриевой последний процесс можно схематично представить следующим образом: прецедентный визуальный феномен → прецедентный визуальный образ → концепт → прецедентный вербальный феномен [40, с. 76]. Данная когнитивная схема презентации в сознании и репрезентации в тексте прецедентного визуального феномена может действовать и в обратном направлении.

Сфера коммуникации, цель, интенции коммуникатора (нередко и личные предпочтения отправителя сообщения), соответственно, функционально-стилевая и жанровая принадлежность текста определяют набор частных функций прецедентных визуальных феноменов.

В сфере рекламной коммуникации это могут быть функции создания имиджа, характерологическая, сатирическая, создания проспекции и ретроспекции [5, с. 17–19], аргументативная, делимитативная [8, с. 126], национально-культурной идентификации [2, с. 296–299; 14].

В литературно-художественном дискурсе прецедентные визуальные феномены способны преодолевать лакуарность текста; выполнять роль иконически креативного аттрактора, формирующего эмоционально-смысловую доминанту текста; интонационно оформлять иконическую составляющую художественного текста (см. [9, с. 133–134]).

В политическом дискурсе прецедентные визуальные феномены выполняют функции выразительного и образного представления кого-либо, маркировки интенций адресанта, разрушения стереотипов и предубеждений, а также моделирующую, парольную, людическую (см. [16, с. 196]); создания положительного имиджа политика или его дискредитации, введения дополнительных смысловых акцентов (см. [39, с. 40–41]). Способность визуальных прецедентов апеллировать к системе ценностей адресатной аудитории позволяет использовать описываемые феномены в целях создания эталонов (например, героя, героизма / подвига, творца, ученого и положительных качеств характера и красоты) и символов (героизма / подвига, патриотизма, русской культуры и искусства) (см. [23, с. 182–190]).

В таком жанре политической коммуникации, как карикатура, основным назначением визуальных прецедентных феноменов признаются сатирическое осмеяние кого- или чего-либо, а также функции историографическая (см. [37]) / косвенной ретроспективной ссылки (см. [4, с. 79]), критической оценки политических действий (см. [38, с. 7]).

В определенных текстах интернет-коммуникации, например, в текстах, представленных на образовательных сайтах вузов, прецедентные визуальные феномены способны навязывать способ интерпретации сообщения, создавать атмосферу непринужденного неформального общения (см. [29, с. 149]).

Естественно, что на функциональную предназначенность прецедентного визуального образа оказывает влияние источник цитирования и его жанровая специфика. Так, по мнению Х. Ли, для мультипликационных визуальных образов, во-первых, характерна узнаваемость, следовательно, и узнаваемость бренда, который использует этот образ; во-вторых, мультипликационные образы ассоциируются с самыми приятными для человека воспоминаниями, соответственно, они способны создавать на подсознательном уровне высокую степень доверия; в-третьих, персонажи мультфильмов являются «более наглядными, более лаконичными, легче воспринимаемыми и запоминаемыми», что соответствует «условиям восприятия рекламы, которая не рассчитана на внимательное прочтение и углубленное осмысление» [21, с. 19].

Хотелось бы вернуться к символической функции прецедентных визуальных феноменов. Здесь в первую очередь встает сама проблема разграничения прецедентности и символа. Примечательной в этом плане является работа А.В. Дмитриевой [23]. По мнению ученого, прецедентные феномены функционируют в качестве носителей ценностных эталонов и культурных символов. В случае использования прецедентного феномена (любой семиотической природы: как собственно вербального, так и актуализированного в иконической форме) в качестве эталона для него характерно коннотативное (образное) употребление, и, поскольку символ всегда занимает крайнюю точку на шкале оценки, прецедентный феномен будет наиболее полно воплощать связанную с ним идею. В случае актуализации прецедента в роли символа он может использоваться и денотативно, и коннотативно, выражаемая им идея (признак, качество) представляется ассоциативно-косвенно, как правило, нет и характерной для эталона крайней степени выраженности репрезентируемой идеи. Примечательно, что ученый отмечает возможность использования прецедентного феномена и в качестве символа, и в качестве эталона одновременно, а в некоторых случаях, считает исследователь, их разграничение невозможно (см. [23, с. 180–181]).

Возвращаясь к функциям прецедентных визуальных феноменов, укажем, что современными учеными выявлены и описаны основные технологии актуализации прагматических функций прецедентных визуальных феноменов, к их числу относятся:

- разнообразные виды трансформаций исходных прецедентных визуальных феноменов и их фрагментов (см. [2, с. 271–285; 29, с. 148; 43, р. 323; 28, с. 238, 242–246; 24, с. 146–147 и др.]);

- визуальный блендинг, то есть «смешение культурных смыслов из разных, концептуально несовместимых областей, который всегда обладает максимумом экспрессии и, как следствие, усиливает аттрактивность» [29, с. 148];

- квазиаллюзии: изображения одних известных людей с атрибутами других, нередко из разных эпох (см. [41, с. 82–84]);

- метонимический перенос «значения ПФ на изображение, не обладающее собственной прецедентностью», но имеющее определенные ассоциации с ним (см. [22, с. 34]) (например, изображение девочки на обертке шоколада «Алёнка» является прецедентным визуальным феноменом, «влияние данного образа явно прослеживается в создании нового наименования шоколада “Кузя, друг Алёнки”, на обертке которого мы видим мальчика в стиле советской “Алёнки”» [22, с. 35]);

- «полипрецедентность», под которой понимается прием «нанизывания, наслаивания прецедентных визуальных образов и прецедентных феноменов, способных активизировать несколько видов фоновых знаний потенциального адресата» [16, с. 93];

– стилизация; Е.В. Шпар и Э.М. Рязипова отмечают, что в тексты «анти-вирусной» социальной рекламы в целях их стилизации под постеры фильмов ужасов или сцен из трейлеров намеренно включаются традиционные для хоррора визуальные образы: нож, скелет, кладбище, используются чёрный, красный и серый цвета (см. [28, с. 242]).

Функционально-прагматическая отмеченность прецедентных визуальных феноменов позволяет ученым относить их к числу визуальных стилистических средств и говорить о зарождении визуальной стилистики текста (см., напр., [8, с. 124–127; 37; 2, с. 332]).

Дискурсивно-семиотический метод дополняется и методами лингвокультурологии, что позволило ученым очертить источниковедческую базу, то есть сферы-источники, субсферы заимствований визуальных прецедентных феноменов, а в некоторых случаях определить и конкретные прототексты, наиболее активно используемые в той или иной области коммуникативного взаимодействия или же в творчестве отдельного писателя, художника.

Источником цитации оказываются не только конкретные тексты, жанры, но и моделируемые конкретными культурно-историческими системами символические репрезентации – национально-культурные, социально-идеологические маркеры, называемые Ю.Б. Пикулевой «прецедентными культурными знаками» [46]. К числу таковых можно отнести:

– древнерусские реалии, «которые в прошлом выполняли сакральные функции: купол православной церкви и шатровая крыша, шлем древнерусского воина и кокошник царевны... орнаменты-обереги и атрибуты древнерусской одежды, корона, двуглавый орел и российский триколор... древнекириллическая графика» [14];

– иностранные реалии – предметы материальной культуры, искусства, факты истории, географии, политики определенного народа, их репрезентантами оказываются не только прецедентные онимы, но и – что важно в свете обсуждаемой в статье проблемы – сопутствующие им невербальные знаки: портреты, памятники, мозаичные изображения, видеокадры (например, изображение белоголового орлана, символа США, на фоне флага этого государства) (см. [39, с. 36–41]);

– «советские культурные феномены». Как показывают результаты исследования Т.В. Марченко, в современном дискурсе, а именно в интернет-мемах, активно используются такие невербальные (имеющие в сознании членов социокультурного общества визуальную форму представления) знаки из числа прецедентных, как: 1) шрифтовое и композиционное оформление текста (например, брусковые гарнитуры советских времен; леттеринг – почерк, стилизованный под рукописный; динамика композиционной геометрии плакатных текстов); 2) глуттонические прецеденты (представленные в визуальной форме блюда, продукты, ассоциативно связанные с советской эпохой); 3) кадры кино- и мультфильмов; 4) артефакты повседневности (например, дисковый телефон, пыжиковая шапка). Анализ прецедентных феноменов, в том числе и визуальных, советской эпохи с позиции культурного ресайклинга (сквозь призму процесса культурной переработки) позволяет Т.В. Марченко утверждать: «То, что ранее было предано забвению, стало пережитком прошлого или потеряло свою релевантность, начинает резонировать и, приобретая новые функциональные смыслы, оказывается востребованным в актуальном контексте» [19, с. 507]. При этом, как подчеркивает Ю.Б. Пикулева, семантический признак ‘советское’ в значении данных прецедентных визуальных феноменов не предполагает обязательного наличия пейзажа

тивных сем, семы 'идеологически маркированное', коннотативные приращения, пишет ученый, «наводятся контекстом, и оценочный знак прецедента оказывается плавающим, непостоянным» [12].

Анализ функционирования прецедентных визуальных феноменов в том или ином виде дискурса сопровождается оценкой результатов их практического применения, которые могут быть взяты на вооружение имиджмейкерами и политтехнологами, редакторами газет и журналов, создателями интернет-сайтов, учтены при проведении лингвистической экспертизы текстов. Заслуживает внимания диссертация М.Р. Бабиковой «Вербально-иконическая прецедентность в современном русском националистическом дискурсе» [16], пополнившая инструментарий экспертов-лингвистов, привлекаемых к оценке дел о возбуждении социальной, расовой, национальной или религиозной розни. Как уже отмечалось [18, с. 146], прецедентные визуальные феномены способны формировать общекультурную компетенцию учащихся, с этой целью они используются в практике преподавания русского языка как родного в школе (см., напр., [33]) и как иностранного в вузе (см., напр., [32]).

Итак, на данном этапе научного изучения прецедентных визуальных феноменов как составляющих поликодовых текстов:

1) исследованы практики применения визуальной прецедентности в разных типах дискурса, появились монографические исследования, в которых ставится и решается проблема функционирования прецедентных визуальных феноменов в политическом [25, 16], медийном [2, с. 252–324], художественном [9, с. 10–136] дискурсах;

2) введены новые понятия и обозначающие их термины: «контекстный (визуальный) прецедентный феномен», «воображаемый (ложный) прецедентный феномен», «визуальный блендинг», «(визуальная) полипрецедентность»;

3) выявлены новые формы визуальной прецедентности: прецедентные феномены антропоцентрического характера, прецедентные культурные знаки; наблюдается процесс расширения круга прецедентных артефактов, формирующих культурное пространство вещей;

4) получена достаточно объемная картина функционирования прецедентных визуальных феноменов в поликодовых текстах, дающая представление о том, какие сферы-источники чаще всего эксплуатируются для цитации визуальных прецедентных феноменов; на какую аудиторию рассчитан прецедентный визуальный образ; каким образом и с какой целью он используется; для возбуждения каких ассоциаций, стереотипов, концептов применяется; каким структурно-семантическим, стилистическим изменениям должен быть подвергнут для передачи заданных отправителем смыслов и какие технологии могут быть использованы для усиления аттрактивной, воздействующей и других функций прецедентных визуальных феноменов.

Вместе с тем, несмотря на значительные достижения в изучении прецедентных визуальных феноменов, перед исследователями стоит немало задач, в частности:

1. Ждут дальнейшей разработки вопросы, связанные со спецификой функционирования прецедентных визуальных феноменов в динамических полисемiotических текстах Интернета, киноискусства. Необходимо продолжить начатое изучение проблемы симбиоза вербальных, аудиальных и визуальных прецедентных феноменов.

2. Перед исследователями стоит проблема раскрытия коммуникативного потенциала прецедентных визуальных феноменов из конкретных видов текста.

3. Необходимы специальные исследования применения прецедентных визуальных феноменов в практике преподавания гуманитарных дисциплин в вузе и школе, особенно в практике преподавания русского языка как иностранного.

4. Остаются открытыми и требуют решения вопросы транспозиции прецедентных визуальных феноменов в инокультурную коммуникативную среду, способов экспликации их содержания и символического подтекста в процессах межкультурной коммуникации. Не менее значимой представляется задача изучения способности прецедентных визуальных образов транслировать базовые ценности того или иного народа, его коллективное прошлое.

5. Перспективным представляется привлечение для исследования визуальной прецедентности методов психолингвистики (проведение ассоциативных экспериментов, построение контртекстов и др.), социолингвистики (социолингвистических опросов, наблюдений и т. д.), что позволит точнее определить семантику прецедентного визуального феномена в окружении вербального контекста, интенциональную направленность всего текста поликодового характера (причем выявить как запланированные, так и не запланированные отправителем реакции, обусловленные в том числе субъективными и социальными факторами); раскрыть механизмы формирования визуального культурного тезауруса соотечественников; установить степень спаянности или разобщенности членов социокультурного сообщества и многие другие насущные проблемы.

Литература

1. *Мардиева Л.А.* Прецедентные визуальные феномены в газетно-журнальных текстах // Вестн. Татар. гос. гуманитар.-педагог. ун-та. 2007. № 1 (8). С. 62–67.
2. *Мардиева Л.А.* Социокультурная реальность и ее интерпретации в медиатекстах. Опыт интегративного исследования. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. 358 с.
3. *Исаева Л.А., Буданова С.Г., Рябинина А.Г.* Пушкинская традиция как прецедентный феномен в современных медиатекстах // Вестн. Твер. гос. ун-та. Серия Филология. 2016. № 2. С. 112–127.
4. *Денисова Г.Л.* Прецедентные феномены в карикатуре Великой Отечественной войны как креолизованном тексте // Вестн. Томского гос. ун-та. Филология. 2020. № 65. С. 77–91. URL: <https://doi.org/10.17223/19986845/65/5>.
5. *Дубовицкая Л.В.* Функции прецедентности иконических компонентов креолизованных текстов // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Серия «Лингвистика». 2012. № 2. С. 15–20.
6. *Петренко Т.Ф., Слепакова М.Б.* Социально-политический поликодовый текст через призму прецедентности // Риторика. Лингвистика. 2016. № 1. С. 315–323.
7. *Чернявская В.Е.* Текст в медиальном пространстве. М.: Либроком, 2013. 232 с.
8. *Горбачева О.Н., Каменева В.А.* Визуальные стилистические средства в социальной интернет-рекламе или зарождение визуальной стилистики текста // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 124–127.
9. *Бабич Е.В.* Коммуникативные особенности поликодового художественного текста: на примере романа Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба»: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 166 с.
10. *Нешикова Е.Г.* Лингвокультурологический аспект интертекстуальности в мультипликационном дискурсе: на материале английского, русского и французского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2020. 22 с.
11. *Гуторенко Л.С.* Некоторые особенности юмористических интернет-мемов в русскоязычной виртуальной коммуникации // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7, № 2А. С. 247–260.
12. *Пикулева Ю.Б.* Прецедентные культурные знаки советского времени в коммерческой и политической отечественной рекламе // Советская культура в современном

- социопространстве России: трансформации и перспективы: Материалы науч. интернет-конф., Екатеринбург, 28–29 мая 2008 г. Екатеринбург: [Б.и.], 2008. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1828/2/Part2%202008-12.pdf>, свободный.
13. *Высоцкая И.В.* Спорные вопросы теории прецедентности // Критика и семиотика. 2013. № 18. С. 117–137.
 14. *Романова Т.П.* Этнокультурный маркер в логотипах российских фирм как рекламный стимул адресата // Медиалингвистика: Науч. журнал междунар. медиалингвистической комиссии Международного комитета славистов (под патронатом ЮНЕСКО). 2018. Т. 5, № 4. URL: <https://medialing.ru/ethnokulturnyj-marker-v-logotipah-rossijskih-firm-kak-reklamnyj-stimul-adresata/>, свободный.
 15. *Райскина В.А.* Семиотический образ прецедентной личности в европейском культурном пространстве // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык: Междунар. информационно-аналитический журнал. 2022. № 1. URL: <http://if-mstuca.ru/CE/index.php/100000/semiotics-ru/s12612>, свободный. doi: 10.51955/23121327_2022_1_113.
 16. *Бабикова М.Р.* Вербально-иконическая прецедентность в современном русском националистическом дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2020. 237 с.
 17. *Садуов Р.Т.* Прецедентные вербальные, визуальные и вербально-визуальные феномены в креолизованном тексте (на материале современного российского политического комикса) // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 221–229.
 18. *Мардиева Л.А.* Визуальная прецедентность: теоретические и прикладные аспекты // Вопросы современной лингвистики и изучения иностранных языков в эпоху искусственного интеллекта: Сб. науч. тр. Междунар. науч. форума, посвященного Всемирному дню науки за мир и развитие, Москва, 10–12 ноября 2020 г. М.: РУДН, 2020. С. 143–148. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44472101_99840371.pdf, свободный.
 19. *Марченко Т.В.* Культурный ресайклинг советского в интернет-мемах: лингвосомиотическая интерпретация // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9, № 3. С. 505–518. URL: <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.3.17>.
 20. *Озерова Е.Г.* Прецедентное имя как отражение духовности в русской поэтической прозе // Вестн. ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 1. С. 78–82.
 21. *Ли Х.* Прецедентные феномены из мультфильмов в интертекстуальном тезаурусе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2022. 24 с.
 22. *Амири Л.П.* Средства визуальной актуализации как графосемантическая разновидность языковой игры в креолизованных текстах рекламной коммуникации // Изв. Сарат. ун-та. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2013. Т. 13, № 2. С. 30–36.
 23. *Дмитриева А.В.* Прецедентные имена в российской политической рекламе: репрезентация ценностных эталонов и культурных символов // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18, № 2. С. 177–195.
 24. *Марченко Т.В.* Прецедентность в дискурсах медиапространства: к проблеме исследования вербальных и невербальных феноменов // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 2. С. 143–150. URL: <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.2.20>.
 25. *Ворошилова М.Б.* Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 194 с.
 26. *Нахимова Е.А.* О классификации и дифференциации видов прецедентных феноменов в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 41–46.
 27. *Дмитриева А.В., Голомидова М.В.* Прецедентные имена исторических деятелей и реалий в поликодовых видеотекстах российской и французской политической рекламы: коммуникативно-прагматический аспект // Научный диалог. 2019. № 8. С. 25–40. URL: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-8-25-40>.
 28. *Шпар Е.В., Рязанова Э.М.* Прецедентные вербальные, вербально-визуальные и визуальные феномены в креолизованных текстах «Антивирусной» социальной рекламы

- // Теория и практика языковой коммуникации: Материалы XIV Междунар. науч.-метод. конф. Уфа: Уфимский гос. авиац. техн. ун-т, 2022. С. 235–248.
29. Радбиль Т.Б., Помазов А.И. Прецедентные феномены как средство создания аттрактивности в поликодовом тексте Интернета // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. 2020. Т. 19, № 1. С. 140–154. URL: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.12>.
30. Гуторенко Л.С. Прецедентность в креолизованных текстах комического характера в современной интернет-коммуникации (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3-3 (69). С. 82–85.
31. Герасимова С.А. Поликодовость «распадного титула» французской Энциклопедии XVIII века (фронтиспис и титульный лист) // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 1. С. 88–95. URL: <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2018-13-1-88-95>.
32. Андреева Н.Н., Серова Е.А. Роль изобразительного материала в формировании лингвокультурологической компетенции иностранных учащихся художественного вуза // Актуальные проблемы гуманитарных наук: Журнал науч. публикаций. 2017. № 04 (апрель), часть VII. С. 7–9.
33. Мардиева Л.А., Щуклина Т.Ю. «Текстовое насилие» (формирование корпуса прецедентных визуальных текстов) // Филология и культура. Philology and Culture. 2020. № 1 (59). С. 224–229. URL: <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2020-59-1-224-229>.
34. Ворошилова М.Б. Мультипликационные герои в современной политической карикатуре // Актуальные проблемы современной культуры. 2013. С. 37–42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/multiplikatsionnye-geroi-v-sovremennoy-politicheskoy-karikature>, свободный.
35. Ворошилова М.Б. Образ Винни-Пуха в современной российской политической карикатуре // Лабиринт: Журнал соц.-гуманит. исследований. 2013. № 4. С. 116–125.
36. Бабикова М.Р., Ворошилова М.Б. Контекстные прецедентные феномены как способ репрезентации националистических идей // Политическая лингвистика. 2017. № 6 (66). С. 58–63.
37. Вольская Н.Н. Прецедентные вербально-визуальные феномены как основа историографии в «Теребенёвской азбуке» – первой политической карикатуре в России // Медиаскоп: Электронный науч. журнал. 2015. № 3. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25070995_46904122.pdf, свободный.
38. Детинко Ю.И., Григорьев Р.И. Интерпретация прецедентных визуальных образов в британском политическом дискурсе // Вестн. Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2019. Т. 1, № 1. С. 22–28.
39. Дмитриева А.В. Прецедентные имена инокультурных реалий в дискурсе российской политической рекламы // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Тематический выпуск: Многомерность дискурса. 2021. № 1. С. 32–47. URL: <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-1-32-47>.
40. Дмитриева А.В. Роль прецедентных имен в трансляции антиценностей в текстах российской политической рекламы // Политическая лингвистика. 2021. № 3 (87). С. 74–86. URL: https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_03_07.
41. Иванова Е.А. Образ современной Европы в политической карикатуре // Политическая лингвистика. 2018. № 4 (70). С. 77–86. URL: <https://doi.org/10.26170/pl18-04-08>.
42. Григорьев Р.И. Прецедентные образы художественной литературы в креолизованных текстах (на материале британского политического дискурса) // Современные проблемы литературоведения, лингвистики и коммуникативистики глазами молодых ученых: традиции и новаторство. Уфа: Башкир. гос. ун-т, 2019. С. 205–210.
43. Shkurko V.Ju., Mardieva L.A., Shchuklina T.Yu., Chudinov A.P. Poster images in a new linguistic and extralinguistic context // Amazonia Investiga. 2018. V. 7, No 12. P. 320–324.
44. Кондратюк К.А., Ронина Е.А. Прецедентные визуальные образы американского кинематографа как основа интернет-мемов // Молодёжь третьего тысячелетия: Сб. науч. ст. XLII регион. студ. науч.-практ. конф., Омск, 2018 г. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2018. С. 1032–1036.

45. Черняк В.Д., Ли Х. «Баба-яга против»: прецедентные феномены из мультфильмов в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2020. № 4 (82). С. 68–76. URL: <https://doi.org/10.26170/pl20-04-08>.
46. Пикулева Ю.Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 22 с.

Поступила в редакцию 15.05.2023

Принята к публикации 15.07.2023

Мардиева Ляйля Агъдасовна – доктор филологических наук, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: layka66@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 3, pp. 19–32

REVIEW ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.3.19-32

**Visual Precedence As a Subject of Linguistic Research:
Current State and Development Prospects**

L.A. Mardieva

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: layka66@mail.ru

Received May 15, 2023; Accepted July 15, 2023

Abstract

This article reviews the published studies on visual precedence (pre-existing visual phenomena), which is a relatively new subject of linguistic research. It is shown that the active growth of the conceptual and terminological system related to visual precedence is accompanied by terminological ambiguities in defining pre-existing visual phenomena, by a lack of unanimity and contradictory reasoning about their forms in textual structures, as well as by an expanding range of phenomena attributed to visual precedence. At the beginning of the second decade of the 21st century, the specifics of pragmatic predetermination and use of the analyzed forms of pre-existing visual phenomena in political and media discourses have been highlighted. Furthermore, representative data have been collected on their origins and transfer into advertising discourse, and the first steps have been taken to better understand how these phenomena are used in other types of discourse, such as literary, artistic, popular science, educational, and portrait imagery. Researchers have distinguished between the general and particular (characteristic of specific communication domains) functions of pre-existing visual phenomena, and some progress has also been made in studying certain technologies actualizing their pragmatic functions. Based on their functional-pragmatic well-formedness, pre-existing visual phenomena can be considered as visual stylistic means, indicating the emergence of visual stylistics of the text.

Keywords: precedence, pre-existing visual images, pre-existing visual phenomena, visual quotation, visual intertextuality, multimodal/creolized text

References

1. Mardieva L.A. Precedent visual phenomena in newspapers and magazines. *Vestnik Tatarskogo Gosudarstvennogo Gumanitarno-Pedagogicheskogo Universiteta*, 2007, no. 1 (8), pp. 62–67. (In Russian)
2. Mardieva L.A. *Sotsiokul'turnaya real'nost' i ee interpretatsii v mediatekstakh. Opyt integrativnogo issledovaniya* [Sociocultural reality and Its Interpretation in Media Texts. A History of Integrative Research]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2016. 358 p. (In Russian)
3. Isaeva L.A., Budanova S.G., Ryabinina A.G. Pushkin's tradition as a precedent phenomenon in modern media texts. *Vestnik Tverskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya Filologiya*, 2016, no. 2, pp. 112–127. (In Russian)
4. Denisova G.L. Precedent phenomena in the political cartoon during the Great Patriotic War as a creolized text. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filologiya*, 2020, no. 65, pp. 77–91. URL: <https://doi.org/10.17223/19986845/65/5>. (In Russian)
5. Dubovitskaya L.V. Precedent phenomena in iconic components of creolized texts. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Oblastnogo Universiteta. Seriya "Lingvistika"*, 2012, no. 2, pp. 15–20. (In Russian)
6. Petrenko T.F., Slepakova M.B. Social and political multimodal text in the light of precedence. *Ritorika. Lingvistika*, 2016, no. 1, pp. 315–323. (In Russian)
7. Chernyavskaya V.E. *Tekst v medial'nom prostranstve* [Text in the Media Space]. Moscow, Librokom, 2013. 232 p. (In Russian)
8. Gorbacheva O.N., Kameneva V.A. Visual stylistic means in social Internet advertising or the origin of visual text stylistics. *Politicheskaya Linguistika*, 2014, no. 2 (48), pp. 124–127. (In Russian)
9. Babich E.V. Communicative features of a multimodal literary text: Based on the novel "The Posthumous Papers of the Pickwick Club" by Ch. Dickens. *Cand. Philol. Diss.* Moscow, 2017. 166 p. (In Russian)
10. Neshkova E.G. A linguoculturological aspect of intertextuality in the cartoon discourse (based on the materials of the English, Russian, and French languages). *Extended Abstract of Cand. Philol. Diss.* Chelyabinsk, 2020. 22 p. (In Russian)
11. Gutorenko L.S. Some features of humorous Internet memes in the Russian virtual communication. *Kul'tura i Tsivilizatsiya*, 2017, vol. 7, no. 2A, pp. 247–260. (In Russian)
12. Pikuleva Yu.B. Precedent cultural signs of the Soviet era in commercial and political advertising. *Sovetskaya kul'tura v sovremennom sotsioprostranstve Rossii: transformatsii i perspektivy: Materialy nauch. internet-konf., Ekaterinburg, 28–29 maya 2008 g.* [Soviet Culture in the Modern Social Space of Russia: Transformations and Prospects: Proc. Sci. Online Conf., Yekaterinburg, May 28–29, 2008]. Yekaterinburg, n. p., 2008. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1828/2/Part2%202008-12.pdf>. (In Russian)
13. Vysotskaya I.V. The controversial questions of the theory of precedence. *Kritika i Semiotika*, 2013, no. 18, pp. 117–137. (In Russian)
14. Romanova T.P. Ethnocultural marker in the logos of Russian companies as a stimulus factor for the audience. *Medialingvistika*, 2018, vol. 5, no. 4. URL: <https://medialing.ru/ethnokulturnyj-marker-v-logotipah-rossijskih-firm-kak-reklamnyj-stimul-adresata/>. (In Russian)
15. Raiskina V.A. Semiotic image of a precedent personality in European cultural space. *Crede Experto: Transport, Obshchestvo, Obrazovanie, Yazyk*, 2022, no. 1. URL: <http://if-mstuca.ru/CE/index.php/100000/semiotics-ru/s12612>. doi: 10.51955/23121327_2022_1_113. (In Russian)
16. Babikova M.R. Verbal and iconic precedence in modern Russian national discourse. *Cand. Philol. Diss.* Yekaterinburg, 2020. 237 p. (In Russian)
17. Saduov R.T. Verbal, visual, and verbal-visual cultural references in creolized texts (a case study of modern Russian political comics). *Politicheskaya Lingvistika*, 2013, no. 4 (46), pp. 221–229. (In Russian)
18. Mardieva L.A. Visual precedence: Theoretical and applied aspects. *Voprosy sovremennoi lingvistiki i izucheniya inostrannykh yazykov v epokhu iskusstvennogo intellekta: Sb. nauch. tr. Mezhdunar. nauch. foruma, posvyashchennogo Vsemirnomu dnyu nauki za mir i razvitiye, Moskva, 10–12 noyabrya 2020 g.* [Problems of Modern Linguistics and Foreign Language Learning in the Era of Artificial Intelligence: Proc. Int. Sci. Forum Celebrating the World Science Day for Peace

- and Development, Moscow, November 10–12, 2020]. Moscow, RUDN, 2020, pp. 143–148. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44472101_99840371.pdf. (In Russian)
19. Marchenko T.V. Cultural recycling of the Soviet in Internet memes: A linguosemiotic interpretation. *Gumanitarnye i Yuridicheskie Issledovaniya*, 2022, vol. 9, no. 3, pp. 505–518. URL: <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.3.17>. (In Russian)
 20. Ozerova E.G. Precedent name as a reflection of spirituality in Russian poetic prose. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i Mezhkul'urnaya Kommunikatsiya*, 2012, no. 1, pp. 78–82. (In Russian)
 21. Lee H. Precedent cartoon phenomena in an intertextual thesaurus. *Extended Abstract of Cand. Philol. Diss.* St. Petersburg, 2022. 24 p. (In Russian)
 22. Amiri L.P. Means of visual actualization as a graphical and semantic variety of the language game in creolized texts of advertising communication. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya Seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 2013, vol. 13, no. 2, pp. 30–36. (In Russian)
 23. Dmitrieva A.V. Precedent names in Russian political advertising: Representation of value-based standards and cultural symbols. *Problemy Onomastiki*, 2021, vol. 18, no. 2, pp. 177–195. (In Russian)
 24. Marchenko T.V. Precedence in media discourses: On the study of verbal and non-verbal phenomena. *Gumanitarnye i Yuridicheskie Issledovaniya*, 2021, no. 2, pp. 143–150. URL: <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.2.20>. (In Russian)
 25. Voroshilova M.B. *Politicheskii kreolizovannyi tekst: klyuchi k prochteniyu* [Political Creolized Text: Keys to Understanding]. Yekaterinburg, Ural. Gos. Pedagog. Univ., 2013. 194 p. (In Russian)
 26. Nakhimova E.A. Classification and differentiation of the types of precedent phenomena in political communication. *Politicheskaya Lingvistika*, 2018, no. 1 (67), pp. 41–46. (In Russian)
 27. Dmitrieva A.V., Golomidova M.V. Precedent names of historical figures and realities in multimodal video texts of Russian and French political advertising: Communicative and pragmatic aspect. *Nauchnyi Dialog*, 2019, no. 8, pp. 25–40. URL: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-8-25-40>. (In Russian)
 28. Shpar E.V., Rzyapova E.M. Verbal, verbal-visual, and visual cultural references in creolized texts of “antiviral” social advertising. *Teoriya i praktika yazykovoi kommunikatsii: Materialy XIV Mezhdunar. nauch.-metod. konf.* [Theory and Practice of Language Communication: Proc. XIV Int. Sci.-Methodol. Conf.]. Ufa, Ufim. Gos. Aviats. Tekh. Univ., 2022, pp. 235–248. (In Russian)
 29. Radbil T.B., Pomazov A.I. Precedent phenomena as a means of shaping attractiveness in the multimodal text on the Internet. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*, 2020, vol. 19, no. 1, pp. 140–153. URL: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.12>. (In Russian)
 30. Gutorenko L.S. Precedence in creolized texts of comic nature in today’s Internet communication (based on the English language). *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki*, 2017, no. 3-3 (69), pp. 82–85. (In Russian)
 31. Gerasimova S.A. Multimodality of the 18th-century French Encyclopedia’s “double-spread” pages (the frontispiece and title page). *Gumanitarnyi Vektor*, 2018, vol. 13, no. 1, pp. 88–95. URL: <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2018-13-1-88-95>. (In Russian)
 32. Andreeva N.N., Serova E.A. The role of visual material in the formation of linguoculturological competence among foreign students of art universities. *Aktual'nye Problemy Gumanitarnykh Nauk*, 2017, no. 04 (Apr.), part VII, pp. 7–9. (In Russian)
 33. Mardieva L.A., Tschouklina T.Yu. “Text violence” (forming the corpus of precedent visual texts). *Filologiya i Kul'tura. Philology and Culture*, 2020, no. 1 (59), pp. 224–229. URL: <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2020-59-1-224-229>. (In Russian)
 34. Voroshilova M.B. Cartoon characters in present-day modern political cartooning. *Aktual'nye Problemy Sovremennoi Kul'tury*, 2013, pp. 37–42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/multiplikatsionnye-geroi-v-sovremennoy-politicheskoy-karikature>. (In Russian)
 35. Voroshilova M.B. The image of Winnie-the-Pooh in modern Russian political cartoons, *Labirint. Zhurnal Sotsial'no-Gumanitarnykh Issledovaniy*, 2013, no. 4, pp. 116–125. (In Russian)
 36. Babikova M.R., Voroshilova M.B. Contextual precedent phenomena as a way to promote nationalist ideas. *Politicheskaya Lingvistika*, 2017, no. 6 (66), pp. 58–63. (In Russian)

37. Vol'skaya N.N. Precedent verbal and visual phenomena as the basis for historiography in Terebenev's ABC Book, the first attempt of political cartooning in Russia. *Mediascope*, 2015, no. 3. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25070995_46904122.pdf. (In Russian)
38. Detinko Yu.I., Grigor'ev R.I. Interpretation of precedent visual images in British political discourse. *Vestnik Volzhskogo Universiteta imeni V.N. Tatishcheva*, 2019, vol. 1, no. 1, pp. 22–28. (In Russian)
39. Dmitrieva A.V. Precedent names of non-native realia in the discourse of Russian political advertising. *Aktual'nye Problemy Filologii i Pedagogicheskoi Lingvistiki*, 2021, no. 1, pp. 32–47. URL: <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-1-32-47>. (In Russian)
40. Dmitrieva A.V. The role of precedent names in promoting antivalues in the texts of Russian political advertising. *Politicheskaya Lingvistika*, 2021, no. 3 (87), pp. 74–86. (In Russian)
41. Ivanova E.A. The image of modern Europe in political cartoons. *Politicheskaya Lingvistika*, 2018, no. 4 (70), pp. 77–86. URL: <https://doi.org/10.26170/pl18-04-08>. (In Russian)
42. Grigor'ev R.I. Precedent images of fiction in creolized texts (based on British political discourse). In: *Sovremennyye problemy literaturovedeniya, lingvistiki i kommunikativistiki glazami molodykh uchennykh: traditsii i novatorstvo* [Modern problems of Literary Criticism, Linguistics, and Communication Studies through the Eyes of Young Researchers: Traditions and Innovations]. Ufa, Bashk. Gos. Univ., 2019, pp. 205–210. (In Russian)
43. Shkurko V.Ju., Mardieva L.A., Shchuklina T.Yu., Chudinov A.P. Poster images in a new linguistic and extralinguistic context. *Amazonia Investiga*, 2018, vol. 7, no. 12, pp. 320–324.
44. Kondratyuk K.A., Ronina E.A. Precedent visual images of American cinema as the basis of Internet memes. *Molodezh' tret'ego tysyacheletiya: Sb. nauch. st. XLII region. stud. nauch.-prakt. konf., Omsk, 2018 g.* [The Youth of the Third Millennium: Proc. Sci. Stud. Sci.-Pract. Conf., Omsk, 2018]. Omsk, Izd. Omsk. Gos. Univ., 2018, pp. 1032–1036. (In Russian)
45. Chernyak V.D., Li H. “Baba Yaga Is Against”: Precedent phenomena from cartoons in political discourse. *Politicheskaya Lingvistika*, 2020, no. 4 (82), pp. 68–76. URL: <https://doi.org/10.26170/pl20-04-08>. (In Russian)
46. Pikuleva Yu.B. Precedent cultural sign in modern television advertising: Linguoculturological analysis. *Extended Abstract of Cand. Philol. Diss.* Yekaterinburg, 2003. 22 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Мардиева Л.А. Визуальная прецедентность как объект лингвистических исследований: современное состояние и перспективы развития // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 3. С. 19–32. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.19-32>. ⟩

⟨ **For citation:** Mardieva L.A. Visual precedence as a subject of linguistic research: Current state and development prospects. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 3, pp. 19–32. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.19-32>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'23

doi: 10.26907/2541-7738.2023.3.33-42

ДЕСТРУКТИВНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ РЕЧЕВОГО ДЕЙСТВИЯ

Н.И. Степыкин

Национальный исследовательский университет «МЭИ», г. Москва, 111250, Россия

Аннотация

В статье рассмотрены деструктивные изменения речевого действия, диагностируемые при сопоставительном анализе ассоциативных полей разного времени фиксации. Проведенное исследование показало существенное сокращение доли речевых действий полного цикла синтаксирования за последние 27–30 лет. Одновременно количество речевых действий с доминирующей операцией смыслового синтаксирования и речевых действий с пропущенным этапом поверхностного увеличилось, что свидетельствует, по крайней мере, об изменениях в универсальном механизме продуцирования речи, предполагающем полный цикл синтаксирования. Выявленные в структуре речевого действия изменения носят деструктивный характер, поскольку исследованная группа испытуемых все чаще ограничивается каким-либо отдельным способом предсказания. Предложенный в работе способ анализа ассоциатов демонстрирует динамику языковой способности носителей языка и позволяет решить теоретическую проблему классификации тематических или грамматических реакций.

Ключевые слова: речевое действие, ассоциативное поле, смысловое синтаксирование, семантическое синтаксирование, поверхностное синтаксирование

Введение

В настоящее время отечественные психолингвисты все чаще осознают недостаточность «моделей второго порядка», реализующих фундаментальные теоретико-методологические представления о сущности речевой деятельности. В подобных моделях интерпретативный потенциал концептов, базовых для теории, конкретизируется и приспособляется к решению определенной задачи. Одновременно необходимо уточнение и ряда исследовательских процедур, таких как, например, выделение параметров анализа и корректирование его алгоритма. Перспективным представляется дальнейшее теоретическое осмысление принципов изучения отношения «стимул – реакция» как речевого действия, начатое в трудах А.А. Леонтьева. Такой подход решает несколько вопросов, начиная от сущности речевой деятельности и закономерностей ее реализации до разработки принципов ассоциативной лексикографии, накопившей значительное количество разноязычного эмпирического материала. В настоящей статье мы сформулируем несколько оснований операционализации понятия «речевое действие», без которого невозможно оптимизировать анализ массивов данных, получаемых в результате ассоциативных экспериментов и фиксируемых в специальных ассоциативных словарях. Ассоциативные словари содержат актуальную информацию о психических, семантических и

грамматических механизмах речевых действий носителей языка на момент проведения эксперимента (первым таким изданием в отечественном языкознании является словарь ассоциативных норм русского языка (САНРЯ) под ред. А.А. Леонтьева). Однако все эти данные необходимо извлекать из массива соотношений «стимул – ассоциат», а для этого нужно установить существенные параметры речевого действия, которое представлено в подобном соотношении. Только в этом случае ассоциативные данные можно рассматривать как ценный научный источник представлений о динамической структуре и содержании речевой деятельности.

Одним из таких параметров является предикативность. По Ю.Н. Караулову, ассоциативный тезаурус – это модель «вероятностного мира языковой личности» [1, с. 7], на основе которой можно установить универсальное и индивидуальное в его организации. В ассоциативном эксперименте фиксируются психологически актуальные смыслы, реализуемые носителями языка в соотношениях «стимул – реакция». Тот факт, что это соотношение основано на предикации, отмечался неоднократно (см., например, [2–4] и др.). Как справедливо отмечает В.А. Пищальникова, «то, что соотношение стимула и реакции предикативно, часто упоминается, не находя применения в анализе реальных массивов ассоциатов» [5, с. 761]. В результате серии психолингвистических экспериментов нами было доказано, что в основе речевого действия лежит универсальная ментальная операция предикирования, позволяющая говорить о предикативности как его доминантном свойстве. Характер предикации позволяет объяснить иерархичность и разнородность ассоциативных связей в составе ассоциативного поля (далее – АП) фиксированием во внешней речи разных этапов предикирования смысла, при этом учитывается целостность структуры АП [6].

А.А. Леонтьев и Т.В. Рябова в своей модели речепорождения выделяют операции смыслового, семантического и поверхностного синтаксирования [7], которые в совокупности представлены в речевой деятельности, а в частности – в соотношениях «стимул – реакция». Анализ последних выявляет различные типы речевого действия на основании признака «полнота цикла синтаксирования», который является одним из существенных параметров речевого действия, и свидетельствует о степени развитости языковой способности как совокупности «операционально-действенных ментальных механизмов, осуществляющих вербализацию знаний и мнений» [8, с. 5]. Сформированность подобных механизмов определяет и готовность индивида к речевой деятельности, ее продуцированию, восприятию и пониманию [9]. В ассоциативном поле выявляется преобладание тех или иных операций синтаксирования. Если отношение «стимул – реакция» демонстрирует наличие всех существенных операций синтаксирования, актуализируются речевые действия полного цикла синтаксирования (далее РД₁). При пропуске одного или нескольких этапов синтаксирования активируются речевые действия неполного цикла синтаксирования (далее РД₂) [10].

Результаты и их обсуждение

В предыдущих работах на основании сопоставительного анализа ассоциативных полей *вежливый* разного времени мы установили некоторые деструктивные изменения в структуре речевого действия, установив, что доля РД₁ в составе АП со временем сократилась, а РД₂ – увеличилась, и отметив существенный рост количества речевых действий, которые Ю.Н. Караулов назвал синтаксическими примитивами [1].

Для подтверждения обозначенной тенденции исследования одного ассоциативного поля недостаточно, поэтому проанализируем АП слова *строить*, отличающегося от первого стимула *вежливый* рядом грамматических характеристик. АП₁ извлечено из РАС, АП₂ сформировано по данным разработанного и проведенного нами в 2020 г. свободного ассоциативного эксперимента (далее – САЭ), в котором были использованы анкеты с вербальными стимулами, принадлежащими к разным частям речи и в разных формах: *строить*, *совесть*, *белый*, *благодарю*, *честь* и пр. Испытуемые, среди которых были студенты разных вузов РФ в возрасте от 18 до 30 лет, заполняли анкету с предложенным списком слов, реагируя на стимул, по требованию экспериментатора, первым возникшим в голове словом. В эксперименте приняли участие 500 представителей мужского и 500 – женского пола, что позволило сформировать репрезентативную и сбалансированную по гендерному признаку выборку.

Рассмотрим АП₁ *строить*. В результате анализа было выявлено 88% соотношений «стимул – реакция», составляющих РД₁. Наиболее частотное соотношение *строить дом* (55) относится к РД₁, наряду с выражениями *строить коммунизм* (4), *строить планы* (4), *строить жизнь* (3). Также в составе АП₁ выявлено большое количество единичных реакций, формирующих совместно со стимулом *строить* РД₁ (*благополучно*, *мост*, *планы на песке*, *быстро*, *виллу*, *глазки*, *символически*, *семью*, *город*, *дома из песка*, *иллюзии* и др.).

Доля РД₂ составила 12%, из которых 2% представлены синтаксическими примитивами (*строить дача* и *строить стена*). В таких речевых действиях не выполнена операция поверхностного синтаксирования. Остальные 10% ассоциатов (*каска*, *ломать*, *кирпич*, *кран*, *свалка*, *усталость*) активированы только с помощью операции смыслового синтаксирования.

Представим количественную статистику по операциям синтаксирования речевых действий, входящих в состав АП₁ (табл. 1).

Табл. 1

Типы речевых действий, выявленные в составе АП₁

Способ предикации	Доля от общего количества реакций, %
Смысловое синтаксирование	10
Смысловое + семантическое синтаксирование	2
Полный цикл синтаксирования	88

Следующий этап анализа – изучение предикативной связи «стимул – реакция» по параметру «количество представленных в речевом действии операций синтаксирования». В составе АП₂ был выявлен 71% РД₁ (*дом*, *здание*, *дома*, *здания*, *жизнь*, *карьеру*, *план*, *планы*, *что-то новое* и т. п.) и 29% РД₂ (*ломать*, *рушить*, *разрушать*, *выдумка*, *кирпич*, *крушить*, *кран*, *люди*, *Молдавия*, *Москва*, *оборона*, *отношение*, *построить*, *строитель* и пр.). Среди РД₂ преобладают соотношения формата «топик – коммент»¹, активированные только с помощью операции смыслового синтаксирования (24%). В составе АП₂ также отмечены речевые действия, в которых не выполнены операции смыслового и семантического синтаксирования (2%) и синтаксические примитивы (3%).

¹ Термин, предложенный Т. В. Ахутиной при описании модели речепорождения. Классическим примером подобной структуры является облако – погода – дождь.

Сопоставим типы речевых действий, выявленные в составе АП₂ и АП₁ (табл. 2).

Табл. 2

Типы речевых действий, представленные в АП₂ и АП₁

Способы предикциирования	Доля от общего количества реакций, %	
	АП ₁	АП ₂
Поверхностное синтаксирование	–	2
Смысловое синтаксирование	10	24
Смысловое + семантическое синтаксирование	2	3
Полный цикл синтаксирования	88	71

И в РАС, и в предпринятом нами эксперименте наиболее частотным речевым действием является сочетание *строить дом*. При этом очевидно снижение вероятности активации этого соотношения (ср. 51% в РАС и 31% в САЭ 2020 г.). Также отмечена устойчивая тенденция сокращения РД₁ на 17% по сравнению с данными РАС, что говорит о деструктивных изменениях речевого действия в целом.

Далее рассмотрим типы речевых действий на материале полей *белый* по данным РАС (АП₃) (табл. 3) и САЭ (АП₄) для подтверждения обозначенной тенденции.

Табл. 3

Типы речевых действий, выявленные в составе АП₃

Способ предикации	Доля от общего количества реакций, %
Смысловое синтаксирование	18
Смысловое + семантическое синтаксирование	3
Полный цикл синтаксирования	79

По данным РАС, в АП₃ *белый* преобладают РД₁ (*снег, цвет, Бим, аист, пудель 15, лист, паролод, клык* и др. – итого 79%).

Среди РД₂ выявлены синтаксические примитивы (*ночь 2, лето, молоко, платье, постель, простынь, равнина, ручка, собака, сорочка, спина, стена* – итого 3%), вербализованные с помощью операции смыслового семантического синтаксирования, а также структуры «топик – коммент» (*черный, чистый, красивый, синий, темный, торжественный, холодный, неудобно, прекрасно, приятно, свихнулся, чисто, чтение* и др. – итого 18%).

Количественный анализ типов речевых действий в составе АП₃ и АП₄ представлен в табл. 4.

Табл. 4

Типы речевых действий, представленные в АП₃ и АП₄

Способы предикциирования	Доля от общего количества реакций, %	
	АП ₃	АП ₄
Смысловое синтаксирование	18	45
Смысловое + семантическое синтаксирование	3	7
Полный цикл синтаксирования	79	48

Сопоставительный анализ АП₃ и АП₄ выявляет различия в преобладающих типах речевого действия. По данным РАС, *снег* – наиболее частотная реакция на слово-стимул *белый*. В САЭ с самой высокой долей вероятности (25%) актуализи-

ровалась структура «топик – коммент»: *белый – черный*. Тенденция структурных изменений речевых действий подтверждается: доля $РД_1$ сократилась (79% в $АП_3$ vs 48% в $АП_4$), а доля $РД_2$ выросла (21% в $АП_3$ vs 52% в $АП_4$), при этом количество структур «топик – коммент» увеличилось на 27%, а синтаксических примитивов стало больше на 4%. Выявленные в результате сопоставительного анализа ассоциативных полей разного времени фиксации изменения в структуре речевых действий носят деструктивный характер: индивиды при продуцировании речи все реже опираются на базовую модель речепроизводства, предполагающую операции смыслового, семантического и поверхностного синтаксирования [7].

Для верификации выявленной тенденции изменений в структуре речевых действий проанализируем ассоциативные поля *честь* по данным РАС ($АП_3$) (табл. 5) и САЭ ($АП_6$).

Табл. 5

Типы речевых действий, выявленные в составе $АП_5$

Способ предикации	Доля от общего количества реакций, %
Смысловое синтаксирование	24
Смысловое + семантическое синтаксирование	5
Полный цикл синтаксирования	71

В составе $АП_5$ преобладают $РД_1$ (*мундира, отдать, иметь, имею, потерять, женская, отдавать, офицера, береги смолodu 3, беречь смолodu, человека, выше всего, девичья* и др. – итого 71%). Ассоциаты *смолodu, береги смолodu 3, беречь смолodu*, видимо, связаны с эпиграфом к повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» «Береги честь смолodu», взятым в усеченном варианте из фольклора. Речевое действие *честь труду* содержит экстралингвистическую информацию. «Труд в СССР есть дело чести, славы, доблести и геройства» – это советский лозунг, взятый из политического отчета ЦК ВКП(б). В СССР были распространены плакаты с надписью «Честь труду» (см. рис. 1), что в определенной мере объясняет актуализацию данного речевого действия в эксперименте.

Рис. 1. Плакат «Честь труду хлебороба»

Лозунг «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи» также был представлен на плакатах эпохи СССР (см. рис. 2). «Следы» этого плаката содержатся в анализируемом АП₃ (*честь и совесть*).

Рис. 2. Плакат «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи»

Среди РД₂ выявлены синтаксические примитивы (*офицер, девочка, гусар* – итого 5%), а также соотношения, активированные только операцией смыслового синтаксирования (*совесть, веник, кровь, война, гордость, молодость, чистота, язык, гордыня, достоинство* – итого 24%). Отдельно отметим РД₂, представленные так называемыми фонетическими ассоциатами *вычесть* и *честь*.

На следующем этапе анализа сопоставим типы речевых действий, выявленные в составе АП₅ и АП₆, в количественном отношении (см. табл. 6).

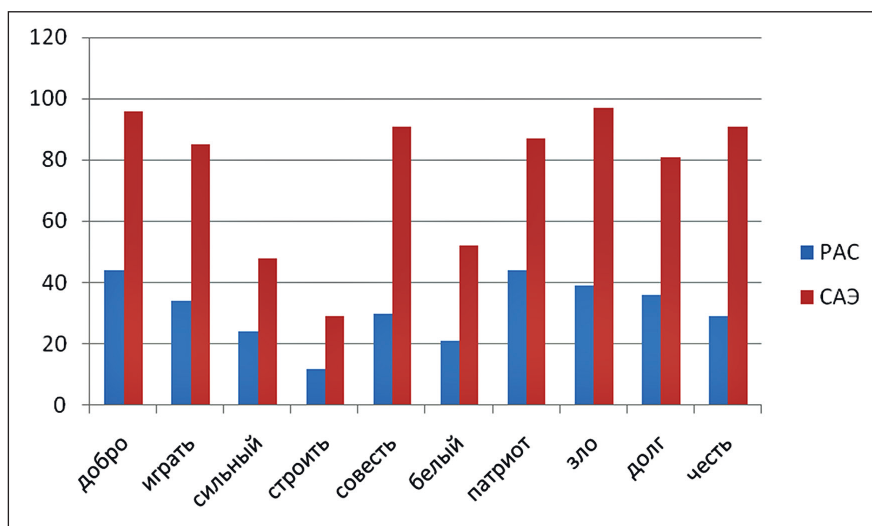
Табл. 6

Типы речевых действий, представленные в АП₅ и АП₆

Способы предцирования	Доля от общего количества реакций, %	
	АП ₅	АП ₆
Смысловое синтаксирование	24	82
Смысловое + семантическое синтаксирование	5	9
Полный цикл синтаксирования	71	9

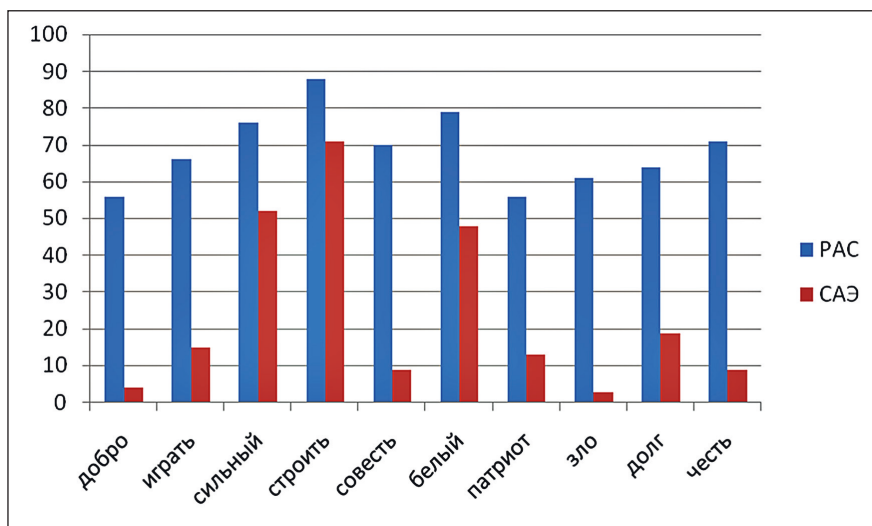
Отмеченная ранее тенденция сокращения доли РД₁ в составе ассоциативных полей за определенный временной промежуток подтвердилась еще с большей очевидностью (71% в АП₅ vs 9% в АП₆). Акцентируем, что такие речевые действия продуцируются в соответствии с моделью речепроизводства Леонтьева – Рябовой [7], а их сокращение в составе ассоциативных полей является признаком деструкции базового механизма речепроизводства.

Отообразим графически выявленную тенденцию сокращения количества РД₁ на материале нескольких ассоциативных полей (рис. 3).

Рис. 3. Тенденция сокращения РД₁

В то же время доля реакций «топик – коммент» значительно увеличилась. Наиболее частотная реакция в АП₄ – *достоинство* (11) – формирует со стимулом *честь* РД₂. В составе АП₃ вероятность актуализации этой реакции составляет всего 1%. Большинство из выявленных структур «топик – коммент» так или иначе связаны с военной тематикой (*отвага, долг, доблесть, достоинство, мужество, армия, фуражка, защита, подвиг, Родина, слава, смелость*). Также нашла подтверждение тенденция увеличения доли синтаксических примитивов (5% в АП₅ vs 9% в АП₆). Как реакции «топик – коммент», так и синтаксические примитивы являются речевыми действиями, которые при актуализации не проходят полный цикл синтаксирования, а следовательно, не в полной мере отражают основной механизм речепроизводства. Увеличение количества речевых действий неполного цикла синтаксирования – признак деструкции речевого действия как базовой составляющей речевой деятельности.

Общая тенденция увеличения доли РД₂ отражена на рис. 4.

Рис. 4. Тенденция увеличения РД₂

Увеличение доли речевых действий, в которых пропущена та или иная операция синтаксирования, свидетельствует о том, что носители языка все чаще выбирают какой-либо отдельный способ предиксирования (смысловое, семантическое или поверхностное синтаксирование), в результате чего вербализуются речевые действия неполного цикла синтаксирования. Иными словами, происходит деструкция стандартного механизма речепорождения, предполагающего полный цикл синтаксирования. Увеличение доли $РД_2$ и элиминация количества $РД_1$ обусловлены влиянием английского языка, для которого характерно выражение грамматического значения вне слова. Кроме того, современные технологии не всегда положительно сказываются на развитии языковой способности индивида: существуют специальные компьютерные программы, которые могут создавать тексты за человека. Наконец, тестирование как наиболее распространенный способ контроля успеваемости обучающихся, как правило, не предполагает операций семантического и поверхностного синтаксирования.

Заключение

Таким образом, на основе сопоставления ассоциативных данных, взятых из источников разных временных периодов, мы можем сделать вывод об устойчивой тенденции деструктивных изменений в структуре речевых действий. Эмпирически установлено сокращение речевых действий полного цикла синтаксирования, отражающих базовый механизм речепроизводства. Соотношения «стимул – реакция», продуцируемые современными испытуемыми, отличаются, как правило, пропуском операций семантического и поверхностного синтаксирования, что свидетельствует об ослаблении грамматических механизмов при речепроизводстве. Сопоставительный анализ ассоциативных полей, зафиксированных в РАС и полученных нами в эксперименте 2020 г., показал значительный прирост речевых действий, активированных только с помощью операции смыслового синтаксирования, что говорит о недостаточной степени сформированности операций семантического и поверхностного синтаксирования у современных испытуемых. Кроме того, на основе представленной модели можно принципиально решить вопрос о тематических или аграмматических реакциях, выделение которых в отдельную группу представлялось достаточно спорным. Мы доказали, что соотношения *строить – дача, вежливый – мама, играть – компьютер* и т. п. являются речевыми действиями с пропущенной операцией поверхностного синтаксирования.

Источники

САНРЯ – Словарь ассоциативных норм русского языка / А.А. Леонтьев, А.П. Клименко, А.Е. Супрун и др.; Под ред. А.А. Леонтьева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 192 с.
РАС – Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – URL: <http://thesaurus.ru/dict/>, свободный.

Литература

1. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: Институт русского языка РАН, 1999. 180 с.
2. Miller G.A., Johnson-Laird P.N. Language and Perception. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1976. 760 p.
3. De Deyne S., Storms G. Word associations: Network and semantic properties // Behav. Res. Methods. 2008. V. 40, No 1. P. 213–231. URL: <https://doi.org/10.3758/BRM.40.1.213>.

4. Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2011. 240 с.
5. Пищальникова В.А. Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики // *Russ. J. Linguist.* 2019. Т. 23, № 3. С. 749–761. URL: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-3-749-761>.
6. Степыкин Н. И. Потенциал применения формализованных параметров для моделирования речевого действия // *Научный диалог.* 2021. № 8. С. 112–127. URL: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-8-112-127>.
7. Ахутина Т.В. Модель порождения речи Леонтьева – Рябовой: 1967–2005 // *Психология, лингвистика и междисциплинарные связи* / Под ред. Т.В. Ахутиной и Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2008. С. 79–104.
8. Пищальникова В.А. Интеграция лингвистических дисциплин как объективная необходимость развития современного языковедения // *Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты.* Вып. 6. Барнаул: Алтайск. гос. ун-т, 2003. – С. 3–16.
9. Бутакова Л.О. Языковая способность, речевая компетенция, речевая деятельность представителей поколения Z // *Русский язык в школе.* 2021. Т. 82, № 4. С. 61–74. URL: <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2021-82-4-61-74>.
10. Степыкин Н.И. Динамика механизмов речевого действия (на материале ассоциативного поля «зло») // *Вестн. МГЛУ. Гуманитарные науки.* 2019. № 4 (820). С. 69–80.

Поступила в редакцию 5.06.2023

Принята к публикации 5.08.2023

Степыкин Николай Иванович, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

ул. Красноказарменная, д. 14, стр. 1, г. Москва, 111250, Россия

E-mail: nick1086@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI

(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 3, pp. 33–42

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.3.33-42

Destructive Changes in the Structure of Speech Action

N.I. Stepykin

Moscow Power Engineering Institute, Moscow, 111250 Russia

E-mail: nick1086@mail.ru

Received June 5, 2023; Accepted August 5, 2023

Abstract

This article considers the destructive changes in speech action, which are diagnosed by a comparative analysis of associative fields over time, and addresses two central problems: refinement of the long-standing concept of “speech action” and optimization of the established procedure for analyzing numerous and diverse associative data. The dynamics of the ways of predicating speech actions based on the material of associative fields was investigated. The principles of interpreting the cue, the target com-

bination as a speech action, were further elaborated. The analysis relies on the results of free associative experiments and speech action modeling. The findings reveal a drastic change in the universal process of speech production over the past 27–30 years, with a significant decrease in the number of speech actions within the full syntactic cycle and a growing use of topic–comment structures and syntactic primitives as the types of speech action. The study is of great importance for psycholinguistics and associative lexicography, as it introduces a method for analyzing the associates indicative of the dynamics of language ability. In addition, the theoretical problem of classification of thematic or agrammatic responses as speech actions with a skipped operation of surface syntaxing was solved.

Keywords: speech action, associative field, concept syntaxing, semantic syntaxing, surface syntaxing

Figure Captions

Fig. 1. “Glory to the labor of grain growers”, poster.

Fig. 2. “The Party is the mind, honor, and conscience of our era”, poster.

Fig. 3. Decreasing trend of SA_1 .

Fig. 4. Increasing trend of SA_2 .

References

1. Karaulov Yu.N. *Aktivnaya grammatika i assotsiativno-verbal'naya set'* [Active Grammar and Associative Verbal Network]. Moscow, Inst. Russ. Yazyka Ross. Akad. Nauk, 1999. 180 p. (In Russian)
2. Miller G.A., Johnson-Laird P.N. *Language and Perception*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1976. 760 p.
3. De Deyne S., Storms G. Word associations: Network and semantic properties. *Behavior Research Methods*, 2008, vol. 40, no. 1, pp. 213–231. URL: <https://doi.org/10.3758/BRM.40.1.213>.
4. Zalevskaya A. A. *Znachenie slova cherez prizmu eksperimenta* [Word Meaning through the Prism of the Experiment]. Tver, Tver. Gos. Univ., 2011. 240 p. (In Russian)
5. Pishchalnikova V.A. Interpretation of associative data as a methodological issue of psycholinguistics. *Russian Journal of Linguistics*, 2019, vol. 23, no. 3, pp. 749–761. URL: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-3-749-761>. (In Russian)
6. Stepykin N.I. Potential of using formalized parameters for modeling speech action. *Nauchnyi Dialog*, 2021, no. 8, pp. 112–127. URL: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-8-112-127>. (In Russian)
7. Akhutina T.V. *Model' porozhdeniya rechi Leont'eva – Ryabovoi: 1967–2005* [Leontiev–Ryabova's Model of Speech Production: 1967–2005]. Akhutina T.V., Leontiev D.A. (Eds.). Moscow, Smysl, 2008, pp. 79–104. (In Russian)
8. Pishchalnikova V.A. Integration of linguistic disciplines as an objective necessity for the development of modern linguistics. In: *Yazykovoe bytie cheloveka i etnosa: psikholingvisticheskie i kognitivnye aspekty* [Linguistic Being of a Person and Ethnos: Psycholinguistic and Cognitive Aspects]. Moscow, Barnaul, Altai. Gos. Univ., 2003, no. 6, pp. 3–16. (In Russian)
9. Butakova L.O. Language ability, speech competence, and speech activity of Generation Z. *Russkii Yazyk v Shkole*, 2021, vol. 82, no. 4, pp. 61–74. URL: <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2021-82-4-61-74>. (In Russian)
10. Stepykin N.I. Dynamics of speech action mechanisms (an analysis of the associative field “evil”) *Vestnik MGLU. Gumanitarnye Nauki*, 2019, no. 4 (820), pp. 69–80. (In Russian)

⟨ Для цитирования: Степыкин Н.И. Деструктивные изменения в структуре речевого действия // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 3. С. 33–42. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.33-42>. ⟩

⟨ For citation: Stepykin N.I. Destructive changes in the structure of speech action. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 3, pp. 33–42. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.33-42>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'23

doi: 10.26907/2541-7738.2023.3.43-54

ПСИХОЛИНГВИСТИКА, КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ТЕКСТОВАЯ АНАЛИТИКА: ВОЗМОЖНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

И.В. Привалова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассмотрены потенциальные возможности взаимодействия психолингвистической науки, корпусной лингвистики и интеллектуального анализа текста. Отмечено, что достижения психолингвистики должны приниматься во внимание при разработке приемов обработки больших данных (например, языковых корпусов). В новых реалиях цифровизации происходит переосмысление текста как объединенных единым смыслом множества языковых единиц. Вносятся уточнения в психолингвистику текста, поскольку при глубинном анализе появляется новый взгляд на роли отправителя и получателя и на первый план выходят способы качественной переработки больших объемов информации. Без исследования механизмов речепорождения и речевосприятия невозможно дальнейшее совершенствование нейронных сетей и электронных переводчиков. Обсуждаются теоретические основания психолингвистики, которые могут быть использованы для подготовки кадров в области текстовой аналитики. В качестве примера рассмотрена встроенность таких дисциплин, как «Психолингвистика» и «Психолингвистические методы изучения языка и текста», в психолого-лингвистический модуль программы обучения магистрантов по профилю «Текстовая аналитика в образовании и науке», которая реализуется на базе Казанского федерального университета. Описана психолингвистическая составляющая в дисциплине «Корпусная лингвистика» для магистрантов.

Ключевые слова: психолингвистика, корпусная лингвистика, текстовая аналитика, большие данные, магистерская программа

Введение

Междисциплинарный подход в современной науке является залогом успешного исследования. Степень интеграции многих дисциплин настолько высока, что решение конкретной задачи невозможно в рамках одной научной области. Между такими дисциплинами, как психолингвистика, корпусная лингвистика и текстовая аналитика, существует неопровержимая связь. С известной степенью упрощения можно определить психолингвистику как науку о механизмах порождения языка, а корпусную лингвистику – как науку о языковых больших данных. Эти научные области сфокусированы на трех основных темах: язык, человек и информация. Текстовая аналитика, как отдельная область научного знания, предлагает новый формат работы с языковым материалом, а именно разработку автоматизированных процессов извлечения определенных показателей из больших баз данных неструктурированных текстов. Текстовая аналитика представляет собой актуальное направление в современной филологии, которое возникло благодаря развитию новейших технологий. Последние десятилетия характеризуются двумя процессами –

беспрецедентным ростом информации и бурным развитием цифровизации. Данные процессы взаимосвязаны, поскольку новые программные продукты и платформы позволяют генерировать большое количество сообщений и разнообразить их виды, что, в свою очередь, порождает потребность в разработке соответствующих механизмов обработки и хранения больших объемов данных.

С появлением больших данных произошло переосмысление понятий «текст» и «обработка языковых данных». К простейшим процедурам текстовой аналитики докомпьютерной эпохи можно отнести картографирование языковых единиц, нацеленное на описание отдельного явления (например, когда вручную составлялась картотека лексем, входящих в одну лексико-семантическую группу или лексико-семантическое поле). Источниками для поиска необходимых единиц выступали художественные произведения, учебные тексты, лекции и другие образцы устной или письменной речи различных жанров. При таком подходе определение текста как совокупности языковых единиц, объединенных общим смыслом, остается актуальным.

С развитием специальных компьютерных программ появилась возможность оцифровывать значительные массивы текстов, такие как, например, произведения одного писателя, и создавать индивидуальные словари отдельной языковой личности. В этом случае по-прежнему оставалось исчерпывающим понимание текстов как сверхфразовых единств или комплексных синтаксических целых. Необходимость переосмысления понятия «текст» отсутствовала и тогда, когда информация появилась на платформах Web 1.0. Способ презентации информации поменялся с печатного на электронный, что не потребовало новых аналитических подходов. Однако анализ текстовых массивов данных, размещенных на платформах Web 2.0, уже ставит под сомнение критерий связанности текста. Дело в том, что самогенерируемый контент начинает жить по своим, особым правилам, и текст уже становится совокупностью информации. Наряду со связанными по смыслу текстами появляются оформленные семиотическим кодом языковых знаков данные, которые подразделяют на структурированную, неструктурированную и квазиструктурированную информацию. Лингвистические корпуса, например Национальный корпус русского языка (НКРЯ), представляют собой структурированную лингвистическую информацию. К материалам этих корпусов обращаются психолингвисты, специалисты в области когнитивной лингвистики, исследующие, например, концепты и фреймы. Структурированность – один из маркеров антропоцентричности больших данных. Другим маркером является то, что практически все большие данные представляют собой продукт человеческой деятельности и связаны с процессами речепорождения и речевосприятия, которые исследуются психолингвистами. Как видим, существуют точки соприкосновения психолингвистики, корпусной лингвистики и текстовой аналитики, позволяющие рассмотреть возможности взаимодействия этих научных направлений. Данные точки взаимодействия являются предметом нашего исследования, объект же – антропоцентрический характер научных дисциплин, которые имеют прямое отношение к языковой деятельности.

Теоретические основания

Взаимодействие психолингвистики, корпусной лингвистики и приемов глубинного анализа текста открывает новые перспективы и позволяет решать научные задачи, которые казались неразрешимыми еще несколько лет тому назад. Теоретические положения психолингвистики как науки о механизмах речепорождения и речевосприятия актуальны для преподавания естественных языков, для перевода текстов, созданных в разных языковых системах. Специфику

порождения речи необходимо учитывать, когда стоит задача перекодирования языкового материала из одной формы существования в другую. Например, с учетом психолингвистических особенностей осуществляется разработка компьютерных программ, которые позволяют эффективно перевести устную речь в письменную. В повышении точности голосового набора текста с помощью программ транскрибирования речи заинтересованы специалисты, работающие во многих отраслях. Например, особой популярностью пользуется подобное программное обеспечение среди профессиональных письменных переводчиков. До сих пор не удается достичь абсолютной корректности в наборе текста через диктовку, так как в работе программ распознавания речи трудно нивелировать индивидуальные особенности говорящего, а также условия, в которых происходит запись текста. А.Р. Биктимиров, Д.Ю. Груздев анализируют основные факторы лингвистического и программно-технического характера, которые оказывают влияние на эффективность преобразования компьютером естественной речи в письменный текст. Отмечается, что повышение продуктивности набора текста через диктовку зависит от точности работы программы распознавания речи [1, с. 73].

Объектом изучения корпусной лингвистики являются языковые корпуса как совокупности Big Data. Цифровизация языка обеспечивает централизацию информации во многих формах, одной из которых и являются языковые корпуса. В них представлен практически весь спектр языкового материала – образцы разговорной речи, литературные произведения, публицистика, отрывки электронной коммуникации в диахронической или синхронической перспективе. Так, НКРЯ предоставляет возможность работать с данными из диалектологического, параллельного, мультимедийного, акцентологического и других подкорпусов. В большинстве отечественных языковедческих исследований отмечается обращение к данным НКРЯ и другим языковым корпусам. Кроме того, значимость языковых корпусов состоит в том, что они выполняют кумулятивную функцию и способствуют сохранению и передаче языкового материала будущим поколениям.

К разным типам корпусов в лингвистике относятся текстовые, речевые, лексические, межъязыковые, а также одноязычные, двуязычные и даже трехязычные корпуса, которые широко используются в качестве электронных словарей. Языковые корпуса незаменимы при решении практических задач в процессе изучения иностранного языка, поскольку в них содержатся примеры, иллюстрирующие функционирование отдельной языковой единицы в различных стилевых и жанровых условиях [2–4]. Существуют работы, посвященные, например, применению материалов из языковых корпусов для анализа грамматики [5], стилистических норм [6] или словарных единиц [7]. Оригинальный подход представлен при использовании языковых корпусов в социолингвистике применительно к данным на разных языках, полученным через веб-сайты, сайты социальных сетей и блоги [8].

Отметим важность статистических методов для текстовой аналитики, которые существенно помогают в оценке репрезентативности языкового материала и достоверности полученных результатов. Кроме того, они оказались весьма эффективными при построении статистических моделей и прогнозов. Согласно современным определениям, корпусная лингвистика – это мощная количественная методология, которая в значительной степени опирается на данные частотности и статистические процедуры. Трудно говорить о корпусной лингвистике, не упоминая статистические показатели, основанные на частоте и распределении [9].

Необходимость статистического анализа для обработки больших данных языковых корпусов впервые была обоснована Майклом Оуксом в его книге “Statistics for Corpus Linguistics” [10]. Нельзя не упомянуть издание “Quantitative

Corpus Linguistics with R. A Practical Introduction” [11], в котором описано, как применять язык программирования R для интеллектуального анализа текста. Монография Вацлава Бжезины “Statistics in Corpus Linguistics: A Practical Guide” [12] не только предлагает теоретическое обоснование для статистического анализа, но и объясняет, как на практике применяются некоторые методы исследования. Приводятся примеры решения конкретных задач и материал для самостоятельного изучения.

Монография Шона Уоллиса “Statistics in Corpus Linguistics: A New Approach” [13] представляет новый подход к интеграции статистических методов исследования, текстовой аналитики и больших баз данных. Впервые удачно терминологизированы такие понятия, как «корпус» и «набор данных». Исследователь подчеркивает, что в самом общем смысле корпуса – это просто наборы языковых данных, собранные для того, чтобы сделать их доступными для исследовательских целей. Наборы данных, извлеченные из корпусов, получены не в контролируемых, а в «натуралистических» или «экологических» условиях [13]. Ш. Уоллис обращает внимание на то, что характеристики языкового корпуса напрямую зависят от характеристик текста. Корпуса письменных данных не должны оформляться как корпуса устных данных, в которые необходимо включать транскрипционные записи. Лингвисты, занимающиеся проблемами мультимодальности, также указывают на то, что в речевых корпусах целесообразно использовать особый подход к записи дискурсов, диалогов и ответов. Это регистрация мультимодальной сущности языка с помощью звуковых доказательств и просодии [14].

Ш. Уоллис предлагает выделять в отдельные корпуса данные, собранные в результате психолингвистических экспериментов. Он утверждает, что полученные таким образом языковые данные имеют особый характер, при этом качество самих данных зависит от роли и квалификации экспериментатора [13, р. 114]. Материал языковых корпусов – это продукт человеческой языковой/речевой деятельности. Антропоцентрической характеристикой языкового корпуса является и то, что он находится в постоянном развитии, как и сам языковой код. Языковые данные корпусов – это продукты множественного выбора. Ученый полагает: если язык конструируется путем выбора, количественные языковые изменения следует рассматривать как изменение склонности говорящих и писателей к тому или иному выбору [15, р. 19]. Помимо выбора говорящего, источниками вариаций языковых данных могут быть тема, контекст, жанр, стиль и т. д. По мнению Л. Бауэра, если бы у говорящих не было выбора слов или конструкций, язык был бы неспособен к изменениям. Другим психолингвистическим аспектом является изучение интенций говорящего: исследование выбора в языковом корпусе требует вывода контрфактуального. Л. Бауэр отмечает: наряду с тем, что участники написали или сказали, исследователь должен сделать вывод о том, что они предположительно могли бы написать или сказать вместо этого [13, р. 51].

Языковые корпуса содержат материал для интеллектуального анализа текстов. Например, в современную словарную практику внедряется автоматическая обработка языковой информации. В работе Е.А. Горобец и А.В. Мамонтовой описывается версия морфологического анализатора на языке Python 3.8.2 с использованием библиотеки морфологического анализатора `rumorphy2` версии 0.9.1, которая позволяет выявить нестандартные слова в заголовках. Это дает возможность одновременно использовать несколько словарей из различных изданий. Проблема представленности заголовочных единиц в разных формах, но относящихся к одной лексеме, решалась ранее с помощью ручной, неавтоматической обработки материала. Это был трудоемкий и затратный по времени процесс. Примечательно, что возможности созданного анализатора не ограничиваются работой

исключительно с лексикографическими источниками: «Разработанный алгоритм и программу можно использовать для любого списка слов, из которых необходимо автоматически выделить неначальные словоформы» [16, с. 131].

Однако весь массив данных *Big Data* существует именно в форме неструктурированной информации. Многочисленные проблемы возникают при работе «с неструктурированной информацией, которая поступает из разных источников: социальных сетей, блогов, форумов, новостных сайтов и др. Следует отметить, что именно в формате неструктурированного контента представлено около 80% всей накопленной информации в мире» [17, с. 49]. Приемы текстовой аналитики могут быть эффективны для анализа как структурированной, так и неструктурированной информации, представленной в языковых корпусах. Задаются критерии отбора материала из объемного массива данных – ключевые слова, синтаксические структуры, темы, что позволяет выделять морфемный, лексический, синтаксический и семантический типы анализа данных. Учет правил функционирования национального языка, закономерностей речепроизводства, а также применение статистических методов помогают проводить систематизацию больших баз данных, а извлечение целевой информации происходит с применением инструментов текстовой аналитики.

Интеллектуальный анализ текста находит свое практическое применение в разных сферах. Очевидно, что текстовая аналитика наиболее востребована сейчас в бизнес-сфере: рекламе, менеджменте, работе с кадрами предприятия [18]. Появилось понятие бизнес-аналитики (*business intelligence*), которое описывает прежде всего информационную структуру организации. Эффективность взаимодействия различных информационных потоков в организации предопределяет ее успешность. Анализ информации позволяет выявить слабые места и предвидеть возникновение проблем. Иными словами, текстовая аналитика информационных структур в бизнесе повышает его мобильность и конкурентоспособность. Ведется постоянный поиск новых подходов обработки больших баз данных в режиме реального времени. «При этом основной упор должен делаться на гибридность методов, т. е. возможность анализа информации как в традиционных структурах данных (реляционных базах данных), так и в структурах, в которых нет четко установленной структуры хранения данных (NoSQL Databases), где акцент делается на масштабируемости и доступности, за счет согласованности и атомарности информации, хранящейся в базе данных. Также немаловажным аспектом является возможность новых подходов и методов проводить сложные аналитические операции с неструктурированной и квазиструктурированной информацией» [19, с. 41]. В современных условиях особую актуальность приобретают текстовые анализаторы, стоящие на страже информационной и физической безопасности граждан. Применяется интеллектуальный анализ больших баз данных с целью поиска в них экстремистской информации. Набор ключевых слов облегчает поисковые задачи [20].

Нельзя не упомянуть о речевых анализаторах, которые осуществляют интеллектуальный анализ текстов, представленных только в звуковом виде. Примером таких анализаторов является «Войси речевая аналитика» [21]. Программа речевой аналитики “iqinscript” позволяет работать с записями звучащей речи, как монологической, так и диалогической. Это сложная многоступенчатая система, которая занимается сначала перекодировкой звучащей речи, а потом ее анализом [22]. В данном случае наблюдается совмещение программ распознавания речи (проблемы которого описали А.Р. Биктимиров и Д.Ю. Груздев [1, с. 73]) и текстового анализатора. Реальным примером соединения корпусной лингвистики и текстовой аналитики являются сервисы AntConc. Группа этих сервисов исполь-

зует текстовую аналитику при построении и анализе корпусов различного рода текстов [23, с. 111]. Среди аналогичных отечественных сервисов отметим систему сбора и анализа информации больших объемов «Оптимум пересвет аналитика» (optimum peresvet analytics) [24].

Практическое применение

Рассмотрев практические и теоретические моменты взаимодействия психолингвистики, корпусной лингвистики и текстовой аналитики, проанализируем то, как взаимопересечение данных дисциплин происходит в процессе подготовки будущих кадров. В 2021 г. на базе Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета была начата подготовка магистров по профилю «Текстовая аналитика в образовании и науке». Данная программа предполагает обучение магистрантов, которые будут заниматься преподавательской и научной деятельностью, связанной с разработкой анализаторов текста, нейронными сетями, искусственным интеллектом, изучением родных и иностранных языков, машинным переводом и другими важными вопросами современной науки. Специалисты этой сферы должны обладать знаниями в различных научных областях. Необходимо иметь навыки программирования и работы с лингвистическими корпусами, текстовыми анализаторами, применять статистические методы.

Магистерская программа «Текстовая аналитика в образовании и науке» разрабатывалась с учетом особенностей контингента слушателей, которые в большинстве своем имеют базовое филологическое или педагогическое образование, но также приходят обучаться студенты, окончившие бакалавриат по гуманитарным, юридическим или техническим специальностям. Все дисциплины магистратуры разбиты на несколько модулей. В базовый модуль основных дисциплин включена «Корпусная лингвистика». В психолого-лингвистический модуль включены дисциплины «Психолингвистика» и «Психолингвистические методы изучения языка и текста».

В рамках дисциплины «Корпусная лингвистика» представлена общая информация о связи корпусной лингвистики со смежными дисциплинами, такими как компьютерная лингвистика, психолингвистика и статистика. Рассматривается наполнение понятий «языковой корпус» и «большие данные», а также обсуждаются такие вопросы, как история возникновения электронных языковых корпусов, типология языковых корпусов, национальный корпус и требования к его созданию. Отдельная лекция посвящена теме «Электронная презентация психолингвистических данных», где рассказывается о том, как был собран материал Ассоциативного тезауруса русского языка [25]. Раскрывается научный потенциал тезауруса, поскольку вся база данных, содержащихся в нем, может предоставить информацию о нескольких тысячах слов-стимулов и языковых реакций к ним. Электронная страница тезауруса представляет собой простейший анализатор, в нем возможна классификация материала по гендерному и профессиональному признаку, а также с учетом частотности зафиксированных языковых единиц. Разновидностью электронного ассоциативного психолингвистического словаря является проект СИБАС [26], с которым также необходимо познакомить будущих специалистов в области интеллектуального анализа текстов. Проект представляет собой русскую региональную ассоциативную базу данных, которая на протяжении уже двенадцати лет формируется сотрудниками Новосибирского государственного университета и сектора русского языка Института филологии СО РАН. Отличием данного психолингвистического языкового корпуса от Ассоциативного тезауруса русского языка является то, что все информанты – жители Сибирского федерального округа и Дальнего Востока, то есть это региональный

ассоциативный языковой корпус. Кроме прямого и обратного словаря, имеется постоянно обновляемая база данных. Представлена уникальная информация, дающая возможность изучения особенностей русского языкового сознания информантов, проживающих за пределами нашей страны. Кроме гендерного и профессионального критерия, присутствует еще и региональный.

Дисциплина «Психолингвистика» (или «Введение в психолингвистику», или «Основы психолингвистики») изучается на всех филологических факультетах, поэтому слушатели, которые поступили в магистратуру после получения языкового или педагогического образования, уже знакомы с азами этой дисциплины. Однако есть и студенты, для которых психолингвистика – новая наука. Это обстоятельство нельзя не принять во внимание при разработке курса «Психолингвистика» для магистрантов). Кроме того, следует учитывать и направление подготовки магистров, а именно их будущую работу с интеллектуальным анализом текстов. Исходя из этого, акцент делается на работах, посвященных взаимосвязи языка и мышления (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, А.Н. и А.А. Леонтьевы, Н.И. Жинкин и др.), взаимосвязи языка, сознания и культуры (Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Сорокин и др.). Выпускники программы должны быть готовы работать с различного рода текстами – продуктами речевой деятельности разных языковых личностей, поэтому актуальны для обсуждения вопросы онтолингвистики (динамического развития речи детей). Для работы с билингвальными языковыми корпусами требуются знания в области психолингвистических основ билингвизма. Понимание того, как действуют механизмы порождения речи, как влияет психологическое состояние говорящего на речевую продукцию, необходимо для работы с корпусами, состоящими из записей звучащей речи, и речевыми анализаторами. Наконец, внимание уделяется специфике проявлений индивидуальных, национально-культурных и профессиональных особенностей в языке и речи, то есть психолингвистическим аспектам речевой деятельности национально-культурной языковой личности. Рассмотрение текста как объекта психолингвистики позволяет сфокусироваться на таких его параметрах, как смысл, содержание и семантика. На наш взгляд, следует подчеркнуть целесообразность разграничения таких понятий, как «текст» и «совокупность информации».

Основной задачей курса «Психолингвистические методы изучения языка и текста» является изучение основных психолингвистических методов и способов корреляции материала и методов, применяемых для его анализа. Когда материал и методология не соответствуют целям исследования, полученные результаты вряд ли можно квалифицировать как достоверные. В числе основных тем для обсуждения предлагаются: психолингвистические экспериментальные методы и их отличие от лингвистических и психологических методов; виды ассоциативных экспериментов и способы интерпретации полученной информации; психолингвистические методы исследования текста; методы семантического дифференциала и градуальное шкалирование; виды опросников и математические способы обработки полученных данных; авторские эксперименты и др. Как видим, арсенал психолингвистических методов достаточно обширен и использует наработки других смежных наук – социологии, психологии, лингвистики. Также применяются достижения в таких областях, как неврология, программирование, компьютерное моделирование, корпусная лингвистика, традиционные методы наблюдения за языком и поведением. Иными словами, в век цифровизации, чтобы достичь выдающихся результатов, исследователи должны выходить за рамки одной дисциплины [27, с. 555]. Заметим, что психолингвистика предоставляет экспериментатору определенную свободу действий и является благодатной сферой для разработки авторских методов [28, р. 198].

Заключение

Таким образом, потенциал взаимодействия психолингвистической науки, корпусной лингвистики и интеллектуального анализа текста достаточно высок. Психолингвистика развивается в русле антропоцентрической парадигмы на стыке нескольких научных направлений. Она существует в междисциплинарном пространстве и поэтому имеет большой исследовательский потенциал. Интеллектуальный анализ текста применяется, когда есть необходимость извлекать различного рода информацию из больших баз данных и систематизировать неструктурированные тексты больших объемов. Для текстового анализа применяются специально созданные программные продукты и статистические методы. Арсенал инструментов текстового анализа постоянно расширяется в соответствии с потребностями, связанными с практической деятельностью людей. Текстовые анализаторы активно используются в бизнесе (эффективный маркетинг, работа с клиентскими базами данных, организация электронной документации компании), в обеспечении безопасности жизнедеятельности, в образовании, науке и многих других сферах. В связи с этим спрос на специалистов в области текстовой аналитики будет постоянно расти, что обуславливает необходимость подготовки соответствующих кадров.

Литература

1. Биктимиров А.Р., Груздев Д.Ю. Способы повышения эффективности работы программы транскрибации речи // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2022. Т. 8, № 4. С. 72–89. URL: <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2022-8-4-0-6>.
2. Friginal E. Corpus Linguistics for English Teachers. Tools, Online Resources, and Classroom Activities. N.Y., Abingdon: Routledge, 2018. 366 p. URL: <https://doi.org/10.4324/9781315649054>.
3. Pérez-Paredes P. Corpus Linguistics for Education. A Guide for Research. N.Y.: Routledge, 2020. 194 p. URL: <https://doi.org/10.4324/9780429243615>.
4. Timmis I. Corpus Linguistics for ELT. Research and Practice. Abingdon, N.Y.: Routledge, 2015. 230 p. URL: <https://doi.org/10.4324/9781315715537>.
5. Jones Ch., Waller D. Corpus Linguistics for Grammar. A Guide for Research. Abingdon, N.Y.: Routledge, 2015. 218 p. URL: <https://doi.org/10.4324/9781315713779>.
6. Semino E., Short M. Corpus Stylistics. Speech, Writing and Thought Presentation in a Corpus of English Writing. London, N.Y.: Routledge, 2011. xii, 256 p. URL: <https://doi.org/10.4324/9780203494073>.
7. Szudarski P. Corpus Linguistics for Vocabulary. A Guide for Research. N.Y.: Routledge, 2017. 238 p. URL: <https://doi.org/10.4324/9781315107769>.
8. Friginal E., Hardy J. Corpus-Based Sociolinguistics. A Guide for Students. N.Y., Abingdon: Routledge, 2014. 328 p. URL: <https://doi.org/10.21283/2376905X.2.32>.
9. Han C. Statistics in Corpus Linguistics: A Practical Guide, by Valclav Brezina, Cambridge, Cambridge University Press, 2018, xix+296 pp., ISBN: 978-1107565241 // J. Quant. Linguist. 2020. V. 27, No 4. P. 379–383. URL: <https://doi.org/10.1080/09296174.2019.1646069>.
10. Oakes M. Statistics for Corpus Linguistics // Ser.: Edinburgh Textbooks in Empirical Linguistics. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 1998. 287 p. URL: <https://doi.org/10.1515/9781474471381>.
11. Gries S.Th. Quantitative Corpus Linguistics with R. A Practical Introduction. – N.Y.: Routledge, 2016. 286 p. URL: <https://doi.org/10.4324/9781315746210>.

12. *Brezina V.* Statistics in Corpus Linguistics: A Practical Guide. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2018. xx, 296 p. URL: <https://doi.org/10.1017/9781316410899>.
13. *Wallis S.* Statistics in Corpus Linguistics Research: A New Approach. N.Y., Abingdon: Routledge, 2021. 382 p. URL: <https://doi.org/10.4324/9780429491696>.
14. *Svenja A., Carter R.* Spoken Corpus Linguistics. From Monomodal to Multimodal. N.Y., Abingdon: Routledge, 2013. 216 p. URL: <https://doi.org/10.4324/9780203526149>.
15. *Bauer L.* Watching English Change: An Introduction to the Study of Linguistic Change in Standard Englishes in the Twentieth Century. London: Longman, 1994. 200 p.
16. *Горобец Е.А., Мамонтова А.В.* Алгоритм автоматического поиска нестандартных словарных единиц при создании сводного словаря // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 2. С. 131–142. URL: <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-2-131-142>.
17. *Борисов А.В.* Современные решения и подходы к обработке массивов неструктурированной текстовой информации в области больших данных // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 1 (83). С. 49–52.
18. *Попазова О.А., Шихова Н.Н.* Управление персоналом на основе анализа больших данных: риски и возможности // Изв. СПбГЭУ. 2019. № 3 (117). С. 110–115.
19. *Мизюков Г.С.* Основные подходы в области аналитики больших массивов текстовой неструктурированной и квазиструктурированной информации // Труды Рост. гос. ун-та путей сообщения. 2017. № 2. С. 41–44.
20. *Машечкин И.В., Петровский М.И., Поспелова И.И., Царёв Д.В.* Методы автоматического аннотирования и выделения ключевых слов в задачах обнаружения экстремистской информации в сети Интернет // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2016. Т. 12. № 1. С. 188–198.
21. Войси речевая аналитика. Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2019667520, 24.12.2019. Заявка № 2019666394 от 12.12.2019.
22. *Гончаровский И.А., Полозов В.А.* Речевая аналитика “iqinscript”. Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ 2021667213, 26.10.2021. Заявка № 2021666043 от 14.10.2021.
23. *Пиотровская К.Р.* Пакеты текстовой аналитики и компьютерная лингводидактика // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизация преподавания иностранных языков. К 80-летию профессора Л.И. Корниловой: сборник материалов. 2018. С. 111–117.
24. *Аз-зари Х.М., Анастасьев А.Н.* Система сбора и анализа информации больших объемов optimum пересвет аналитика (оптимум пересвет аналитика) optimum peresvet analytics. Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2018665392, 04.12.2018. Заявка № 2018661634 от 24.10.2018.
25. Русский ассоциативный словарь: в 4 кн. / Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. М., 1994. (Ассоциативный тезаурус современного русского языка / РАН. Ин-т рус. яз.). URL: <http://thesaurus.ru/dict/>, свободный.
26. СИБАС Русская региональная ассоциативная база данных (Сибирь и Дальний Восток) 2008–2020 гг. URL: <http://adict.ru.nsu.ru/>, свободный.
27. *Privalova I., Kazachkova M.* Review of Sean Wallis. 2021. *Statistics in Corpus Linguistics: A New Approach*. New York/Oxon, Routledge. ISBN 9781138589384 ISBN 9780429491696 (eBook) // Russ. J. Linguist. 2022. V. 26, No 2. P. 550–557. URL: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30209>.
28. *Privalova I.V.* Methods of psycholinguistic research as possible cognitive approaches to linguistic data processing // Sukhova, N.V., Dubrovskaya, T., Lobina, Y.A. (Eds) Multimodality, Digitalization and Cognitivity in Communication and Pedagogy. Book Ser.: Humanities – Arts and Humanities in Progress. V. 20. Cham, Switzerland: Springer, 2021. P. 181–201. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-84071-6_11.

Поступила в редакцию 21.05.2023

Принята к публикации 21.07.2023

Привалова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
НИИЛ «Текстовая аналитика»

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: ivprivalova@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI**(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)****2023, vol. 165, no. 3, pp. 43–54**

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.3.43-54

**Psycholinguistics, Corpus Linguistics, and Text Analytics:
Potential for Interaction**

*I.V. Privalova**Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia*E-mail: ivprivalova@mail.ru

Received May 21, 2023; Accepted July 21, 2023

Abstract

This article explores the possibilities of interaction between psycholinguistics, corpus linguistics, and text mining. When it comes to big data processing, the recent advances in psycholinguistics must be taken into account. In our digital reality, we should no longer view text as a mere sum of individual language units that are assembled based on their similarities in meaning. The insights of psycholinguistics into text have been revised, as in-depth text analysis unravels the new roles of the sender and the recipient, bringing to the fore qualitative methods for processing large data arrays. Without studying the mechanisms of speech generation and perception, it is impossible to improve language neural networks and machine translation engines. Here, the potential of psycholinguistics for training specialists in text analytics is discussed. As an example, the advantages of integrating the disciplines “Psycholinguistics” and “Psycholinguistic Methods for Studying Language and Text” into the psychological and linguistic module of the Master’s program “Text Analytics in Education and Science”, which has been launched at Kazan Federal University (Russia), are shown. The psycholinguistic component of the discipline “Corpus Linguistics” for Master’s students is described.

Keywords: psycholinguistics, corpus linguistics, text analytics, big data, Master’s program

References

1. Biktimirov A.R., Gruzdev D.Yu. Boosting speech-to-text software potential. *Nauchnyi Rezul'tat. Voprosy Teoreticheskoi i Prikladnoi Lingvistiki*, 2022, vol. 8, no. 4, pp. 72–89. URL: <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2022-8-4-0-6>. (In Russian)
2. Friginal E. *Corpus Linguistics for English Teachers. Tools, Online Resources, and Classroom Activities*. New York, Abingdon, Routledge, 2018. 366 p. URL: <https://doi.org/10.4324/9781315649054>.
3. Pérez-Paredes P. *Corpus Linguistics for Education. A Guide for Research*. New York, Routledge, 2020. 194 p. URL: <https://doi.org/10.4324/9780429243615>.

4. Timmis I. *Corpus Linguistics for ELT. Research and Practice*. Abingdon, New York, Routledge, 2015. 230 p. URL: <https://doi.org/10.4324/9781315715537>.
5. Jones Ch., Waller D. *Corpus Linguistics for Grammar. A Guide for Research*. Abingdon, N.Y., Routledge, 2015. 218 p. URL: <https://doi.org/10.4324/9781315713779>.
6. Semino E., Short M. *Corpus Stylistics. Speech, Writing and Thought Presentation in a Corpus of English Writing*. London, New York, Routledge, 2011. xii, 256 p. URL: <https://doi.org/10.4324/9780203494073>.
7. Szudarski P. *Corpus Linguistics for Vocabulary. A Guide for Research*. New York, Routledge, 2017. 238 p. URL: <https://doi.org/10.4324/9781315107769>.
8. Friginal E., Hardy J. *Corpus-Based Sociolinguistics. A Guide for Students*. New York, Abingdon, Routledge, 2014. 328 p. URL: <https://doi.org/10.21283/2376905X.2.32>.
9. Han C. Statistics in Corpus Linguistics: A Practical Guide, by Valclav Brezina, Cambridge, Cambridge University Press, 2018, xix+296 pp., ISBN: 978-1107565241. *Journal of Quantitative Linguistics*, 2020, vol. 27, no. 4, pp. 379–383. URL: <https://doi.org/10.1080/09296174.2019.1646069>.
10. Oakes M. *Statistics for Corpus Linguistics*. Ser.: Edinburgh Textbooks in Empirical Linguistics. Edinburgh, Edinburgh Univ. Press, 1998. 287 p. URL: <https://doi.org/10.1515/9781474471381>.
11. Gries S.Th. *Quantitative Corpus Linguistics with R. A Practical Introduction*. New York, Routledge, 2016. 286 p. URL: <https://doi.org/10.4324/9781315746210>.
12. Brezina V. *Statistics in Corpus Linguistics: A Practical Guide*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2018. xx, 296 p. URL: <https://doi.org/10.1017/9781316410899>.
13. Wallis S. *Statistics in Corpus Linguistics Research: A New Approach*. New York, Abingdon, Routledge, 2021. 382 p. URL: <https://doi.org/10.4324/9780429491696>.
14. Svenja A., Carter R. *Spoken Corpus Linguistics. From Monomodal to Multimodal*. New York, Abingdon, Routledge, 2013. 216 p. URL: <https://doi.org/10.4324/9780203526149>.
15. Bauer L. *Watching English Change: An Introduction to the Study of Linguistic Change in Standard Englishes in the Twentieth Century*. London, Longman, 1994. 200 p.
16. Gorobets E.A., Mamontova A.V. Algorithm of automatic search for non-standard vocabulary units when creating a comprehensive dictionary. *Aktual'nye Problemy Filologii i Pedagogicheskoi Lingvistiki*, 2021, no. 2, pp. 131–142. URL: <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-2-131-142>. (In Russian)
17. Borisov A.V. Current solutions and approaches to processing arrays of unstructured textual data in the field of big data. *Problemy Sovremennoi Nauki i Obrazovaniya*, 2017, no. 1 (83), pp. 49–52. (In Russian)
18. Popazova O.A., Shikhova N.N. Personnel management based on big data analytics: Risks and opportunities. *Izvestiya SPbGEU*, 2019, no. 3 (117), pp. 110–115. (In Russian)
19. Mizyukov G.S. Main approaches to processing large arrays of unstructured and quasi-structured textual data. *Trudy Rostovskogo Gosudarstvennogo Universiteta Putei Soobshcheniya*, 2017, no. 2, pp. 41–44. (In Russian)
20. Mashechkin I.V., Petrovskii M.I., Pospelova I.I., Tsarev D.V. Automatic summarization and keywords extraction methods for discovering extremist information on the Internet. *Sovremennye Informatsionnye Tekhnologii i IT-Obrazovanie*, 2016, vol. 12, no. 1, pp. 188–198. (In Russian)
21. Voicy speech analytics software. State Software Registration Certificate no. 2019667520, Dec. 24, 2019. Application no. 2019666394, Dec. 12, 2019. (In Russian)
22. Goncharovsky I.A., Polozov V.A. IQInScript speech analytics software. State Software Registration Certificate no. 2021667213, Nov. 26, 2021. Application no. 2021666043, Nov. 14, 2021. (In Russian)
23. Piotrovskaya K.R. Text analytics packages and computer linguodidactics. In: *Aktual'nye problemy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki i optimizatsiya prepodavaniya inostrannykh yazykov. K 80-letiyu professora L.I. Kornilovoi: sbornik materialov* [Urgent Problems of Theoretical and Applied Linguistics and Optimization of Teaching Foreign Languages. On the 80th Anniversary of the Birthday of Professor L.I. Kornilova: A Collection of Articles], 2018, pp. 111–117. (In Russian)

24. Az-zari Kh.M., Anastas'ev A.N. Optimum Peresvet Analytics system for collecting and analyzing large arrays of data. State Software Registration Certificate no. 2018665392, Dec. 4, 2018. Application no. 2018661634, Nov. 24, 2018. (In Russian)
25. Karaulov Yu.N., Sorokin Yu.A., Tarasov E.F., Ufimtseva N.V., Cherkasova G.A. *Russkii assotsiativnyi slovar'* [Russian Associative Dictionary]. Moscow, 1994. Associative Thesaurus of the Contemporary Russian Language, Russian Academy of Sciences, Russian Language Institute. URL: <http://thesaurus.ru/dict/>. (In Russian)
26. SIBAS – Russian Regional Associative Database (Siberia and Russian Far East), 2008–2020. URL: <http://adict.ru.nsu.ru/>. (In Russian)
27. Privalova I., Kazachkova M. Review of Sean Wallis. 2021. *Statistics in Corpus Linguistics: A New Approach*. New York, Oxon, Routledge. ISBN 9781138589384 ISBN 9780429491696 (eBook). *Russian Journal of Linguistics*, 2022, vol. 26, no. 2, pp. 550–557. URL: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30209>.
28. Privalova I.V. Methods of psycholinguistic research as possible cognitive approaches to linguistic data processing. In: Sukhova, N.V., Dubrovskaya, T., Lobina, Y.A. (Eds) *Multimodality, Digitalization and Cognitivity in Communication and Pedagogy*. Book Ser.: Humanities – Arts and Humanities in Progress. Vol. 20. Cham, Switzerland, Springer, 2021, pp. 181–201. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-84071-6_11.

⟨ Для цитирования: Привалова И.В. Психолингвистика, корпусная лингвистика и текстовая аналитика: возможности взаимодействия // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 3. С. 43–54. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.43-54>. ⟩

⟨ For citation: Privalova I.V. Psycholinguistics, corpus linguistics, and text analytics: Potential for interaction. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 3, pp. 43–54. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.43-54>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'44+159.9.07

doi: 10.26907/2541-7738.2023.3.55-66

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛОГОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ (ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

А.Р. Гизатуллина

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Статья посвящена вопросам формирования и упорядочивания логотерапевтической терминосистемы. Логотерапия Виктора Франкла – подход в психотерапии, ориентированный на смысл. Вследствие развития психологии как науки и логотерапии как психотерапевтического подхода растет число новых терминов и требуется уточнение значений некоторых уже имеющихся. На примере двух существующих логотерапевтических глоссариев – русскоязычного (в работе А.И. Аверьянова «Логотерапия и экзистенциальный анализ: теория личности») и англоязычного (в работе М.Н. Lewis “Logotherapy and existential analysis: a glossary of English terms”) – обоснована потребность в создании более полного логотерапевтического терминологического аппарата, который стал бы ответом на логотерапевтическое представление о человеке, о феноменах, характеризующих разные измерения личности, а также о мире. Проанализированы аспекты, которые необходимо принимать во внимание при формировании словника (учет замкнутых лексических групп, высокочастотных слов, единообразие описания статей). Выявлены и рассмотрены вопросы и трудности, возникающие на уровне макроструктуры (неоправданное включение единиц в состав словника или же неоправданное их отсутствие, нарушение алфавитного порядка слов, орфографические ошибки) и микроструктуры (связаны с выделением компонентов словарной статьи) находящегося в работе справочника логотерапевтических терминов.

Ключевые слова: логотерапия, терминологическая система, глоссарий, языковой справочник, макроструктура словаря, микроструктура словаря

Введение

Логотерапия – это подход в психотерапии, относимый к экзистенциально-гуманистическому направлению. Он был разработан Виктором Франклом, врачом-неврологом, психиатром, психологом, философом, бывшим узником нацистских концлагерей. Другими словами логотерапию можно охарактеризовать как смыслоориентированную психотерапию. Она включает в себя антропологию (представление о человеке), философию (представление о мире), собственно психотерапию (как науку об излечении). Виктор Франкл рассматривает личность в системе дименциональной онтологии, которая предполагает наличие у человека трех измерений: физического, психического (формируют психофизический параллелизм) и ноэтического (образует с психофизическим измерением ноопсихический антагонизм).

Ключевыми чертами, отличающими логотерапевтический подход от других психотерапевтических подходов, являются:

1) в области представления о человеке – взгляд на него как на духовную личность (характеризующуюся, описываемую исходя из ноэтического измерения), обладающую свободой воли и волей к смыслу;

2) в области представления о мире – ориентация на смысл, который может быть обнаружен с помощью ценностей. Смысл рассматривается как объективный и трансубъективный;

3) в собственно психотерапии – взгляд на человека в его уникальности и неповторимости как способного обнаруживать смысл в каждой уникальной ситуации благодаря способностям к самотрансценденции и самодистанцированию и далее действовать в соответствии с этим смыслом.

Точкой отсчета логотерапии как направления считается 1926 г. В настоящее время по всему миру действуют институты логотерапии и экзистенциального анализа. Направлениями их деятельности являются следующие: образовательное, просветительское, научно-исследовательское, публицистическое, психотерапия и консультирование, профилактика кризисов, поддержка при психиатрическом лечении.

Актуальность формирования терминологического аппарата

В настоящий момент все более видимой становится необходимость составления полного глоссария и позже – словаря логотерапевтических терминов в русскоязычном пространстве в связи с развитием логотерапии в России в целом (в первую очередь, актуальность этой работы обусловлена ведением в рамках указанного направления образовательной, просветительской, исследовательской деятельности), с увеличением числа специалистов-логотерапевтов, проходящих подготовку в Высшей школе логотерапии Московского института психоанализа, аккредитованного Институтом Виктора Франкла (Вена, Австрия). В Высшей школе логотерапии реализуется полный курс логотерапии и экзистенциального анализа согласно концепции Виктора Франкла (образовательный процесс строится в соответствии с учебным планом Элизабет Лукас).

Каждый психотерапевтический подход разрабатывает собственный терминологический аппарат, предлагая не только термины, определяющие новые, сформулированные в данном подходе понятия, но и собственное понимание феноменов психофизического уровня.

Вклад логотерапии как подхода состоит, в частности, в том, что он внес в концепцию представления о человеке ноэтическое (духовное) измерение: человек начинает рассматриваться как единство физического, психического и духовного измерений (в других подходах – как психофизическое существо), в котором духовное выступает в качестве «рулевого».

Сложность человека приводит к сложности в определении понятий, его описывающих. Стремление отобразить сущностные элементы терминов характерно для разграничения их содержания в разных подходах, а также для уточнения дефиниций в русле одного подхода.

Для части введенных Виктором Франклом логотерапевтических терминов им были предложены четкие дефиниции, для части определений требуются уточнения; помимо этого, подход развивается и появляются новые термины. Работа над формулированием, уточнением дефиниций ведется исследователями-логотерапевтами (в русскоязычном пространстве это А.И. Аверьянов, М.К. Пиядина, С.В. Штукарева и др.).

Существующие логотерапевтические глоссарии

Логотерапевтические глоссарии содержатся в англоязычной работе “Logotherapy and existential analysis: a glossary of English terms” (далее – LEAGET) [1] и в работе на русском языке «Логотерапия и экзистенциальный анализ: теория личности» (далее – ЛЭАТЛ) [2].

В англоязычной работе содержится 78 терминов, в русскоязычной – даны дефиниции 32 терминам. Отметим, что в предыдущем издании англоязычного глоссария (2014 г.) было 79 заголовочных единиц (был также включен термин *Franklian psychology*), однако в актуальной публикации 2016 г., на которую мы опираемся, автор указывает, что она заменяет предшествующую.

В табл. 1 приведен список терминов русскоязычного глоссария [2], соотносящихся со списком терминов в англоязычном [1].

Табл. 1

Совпадающие единицы в русскоязычном и англоязычном глоссариях

ЛЭАТЛ	LEAGET
Воля к смыслу	Will to meaning
Гиперинтенция	Hyperintention
Гиперрефлексия	Hyperreflection
Дерефлексия	Dereflection
*Коллективный невроз	Collective neuroses
Логос	Logos
*Логотерапия	Logotherapy в статье <i>Logotherapy and existential analysis</i>
Массовая невротическая триада	Mass neurotic triad
Нигилизм	Nihilism
*Ноогенный невроз	Noogenic neuroses
Ноодинамика	Noodynamics
*Ноэтическое измерение личности	Noetic dimension
Парадоксальная интенция	Paradoxical intention
Психологизм	Psychologism
Психиатрическое кредо	Psychiatric Credo
Редукционизм	Reductionism
Самодистанцирование	Self-distancing
Самотрансценденция	Self-transcendence
Сверх-смысл	Supra-meaning
Свобода воли	Freedom of the will
Смысл жизни	Meaning in life
Совесть	Conscience
Сократический диалог	Socratic dialogue
Трагический оптимизм	Tragic optimism
Трагическая триада	Tragic triad
Упрямство духа	Defiant power of the human spirit
Ценности	Values
Экзистенциальный вакуум	Existential vacuum
Экзистенциальная фрустрация	Existential frustration

В левом столбце таблицы звездочкой отмечены расхождения в заголовочных единицах в русскоязычном и англоязычном глоссариях: термины *коллективный невроз*, *ноогенный невроз* в англоязычном глоссарии указаны в форме множественного числа (*collective neuroses*, *noogenic neuroses*); термин *logotherapy* (логотерапия) приводится внутри статьи *Logotherapy and existential analysis*; термин *noetic dimension* не содержит указания на то, что это характеристика личности (*ноэтическое измерение личности* в русскоязычном глоссарии).

Видим, что в русскоязычном и англоязычном глоссариях даны определения соотносящимся 29 терминам. При этом три термина русскоязычного глоссария отсутствуют в англоязычном, в котором также содержится 50 терминов, не описанных в русскоязычном (см. табл. 2).

Табл. 2

Не совпадающие единицы в русскоязычном и англоязычном глоссариях

Единицы русскоязычного глоссария (ЛЭАТЛ), отсутствующие в англоязычном (LEAGET)	Единицы англоязычного глоссария (LEAGET), отсутствующие в русскоязычном (ЛЭАТЛ)
Ответственность Смысл любви Смысл страдания	Attitude modulation Attitudinal value Categorical imperative of logotherapy Categorical values Creative value Demand characteristic *Dimensional ontology **First law of dimensional ontology **Second law of dimensional ontology Endogenous psychoses Existential Existential analysis Existential dream analysis Existential-phenomenological psychotherapy Experiential value Functional pseudoneuroses Iatrogenic neuroses Instinctual unconscious Logoanalysis *Logotherapy and existential analysis **Existential analysis **General existential analysis **Special existential analysis Logotherapy and existential hermeneutics Maieutic question Meaning-centered therapy Meaning of the moment Meaning triad Medical ministry Neurotic triad Noological dimension Organ neuroses Phenomenology Psychogenic neuroses Psychophysical organism Psychosomatic illnesses Psychotherapeutic Credo Purpose in Life Test Reactive neuroses Religio Self-detachment Spiritual unconscious Ten Theses on the Human Person Third School of Viennese Psychiatry Transcendent unconscious Ultimate meaning Unconscious Will to pleasure Will to power

В правом столбце табл. 2 двумя звездочками отмечены заголовочные единицы, расположенные по тематико-алфавитному принципу (в целом в глоссарии единицы организованы в алфавитном порядке). В этих статьях отражены иерархические связи между единицами: одной звездочкой отмечены контекстуальные термины-гиперонимы, двумя звездочками – термины-гипонимы.

Далее в статье на примере LEAGET [1] и ЛЭАТЛ [2] осуществляется анализ задач, стоящих перед исследователем при составлении языкового справочника, а также возможных трудностей применительно к работе над справочником логотерапевтических терминов.

Проблемы составления языкового справочника по логотерапии

При работе над словарем решаются две главные задачи (от этого зависят ценность и качество словаря):

1) принцип отбора заголовочных единиц для словника (уровень макроструктуры словаря);

2) определение принципов подачи заголовочных единиц (уровень микроструктуры словаря).

1. Проблемы и пути их решения на уровне макроструктуры словаря

К макроструктуре словаря относится структура всего словаря в целом: построение (наличие и расположение предисловия, руководства по использованию, помет, списка сокращений, приложений, дополнительных материалов), оформление словаря, структура словника (слова могут быть расположены по алфавиту, по тематике, по гнездовому принципу) [3, с. 84; 4, с. 231; 5, с. 104; 6, с. 142].

«Качество словника в значительной мере предопределяет качество словаря» [7, с. 16]. Довольно сложно предписать, какие единицы должны входить в словник, в «современной лингвографии четко определенного, объективного критерия отбора слов для языкового справочника пока нет» [8, с. 10], однако существуют требования по включению **замкнутых лексических групп** [9, с. 226–227, 256], **высокочастотных слов** [9, с. 255] и т. п.

По отношению к логотерапевтической терминосистеме замкнутыми лексическими группами могут выступать:

1) антонимические пары, включая контекстуальные/авторские антонимы (*ноэтическое измерение – психофизическое измерение; интенция – гиперинтенция; рефлексия – гиперрефлексия*);

2) единицы, характеризующие то или иное измерение, тот или иной феномен (например, *воля к удовольствию* на физическом уровне – *воля к власти* на психическом уровне – *воля к смыслу* на ноэтическом уровне).

Здесь важно учитывать две стороны:

А) гипонимы, характеризующие гиперонимы (трагическая триада включает в себя *страдание, вину, смерть*; способности человека включают *способность любить, страдать, творить*; вина может быть рациональной и иррациональной; три столпа логотерапии представляют собой свободу *воли* – волю к смыслу – смысл жизни);

Б) гиперонимы, объединяющие группу гипонимов (*ценность* – ценности на ноэтическом уровне (categorical values) – ценности творчества, переживания, отношения; *чувства* – классификацию чувств в логотерапевтическом подходе предстоит осуществить; *воля* – к удовольствию, к власти, к смыслу и др.);

3) единицы, относящиеся к одному словообразовательному гнезду. Часто это прилагательные, образованные от существительных (*логотерапия – логотерапевтический, логотерапевтический; ценность – ценностный; ориентация на смысл – смыслоориентированный* и т. п.).

К **высокочастотным словам** в отношении логотерапевтической терминосистемы можем отнести базовые понятия логотерапии, как, например, *логотерапия, димензиональная онтология, воля к смыслу, ноэтическое измерение* и др.

На этапе формирования словника могут возникать нижеследующие ошибки:

1. Неоправданное (или малооправданное) включение единиц в состав словника.

Например, в словник, содержащий логотерапевтические термины, могут быть включены без достаточного обоснования термины из других подходов.

Включение в такой словник, скажем, термина *психологические защиты* может быть оправдано в том случае, когда мы вписываем его в контекст подхода: А) с одной стороны, учитывая все три измерения личности, – как то, что в определенной степени помогает личности справляться с вызовами на определенных этапах, а также как то, что личность может превосходить, когда влияние защит становится разрушительным; Б) с другой стороны, объясняя обращение к термину тематически – например, важностью учета психологических защит в контексте профилактики кризисов, причин/проявлений неврозов, при модификации установок и др.

2. Неоправданное отсутствие слов в составе словника.

Избежать подобной ошибки может помочь внимательное отношение к формированию перечня единиц: учет замкнутых лексических групп (см. подробнее выше), составление перечня базовых терминов (без обращения к которым описание подхода будет невозможным или ущербным).

Приведем примеры на основе LEAGET [1] и ЛЭАТЛ [2].

Мы можем видеть, что в русскоязычном глоссарии отсутствуют (курсивом выделены единицы, не вошедшие в словник):

А) антонимические пары или их члены: *свобода – ответственность, свобода – судьба; целостность – уязвимость; личность – характер; ориентация на смысл – ориентация на влечение, ценность – антиценность; интенция – гиперинтенция, рефлексия – гиперрефлексия; ноогенный невроз – психогенный невроз, психиатрическое кредо – психотерапевтическое кредо, коллективные позиции (ведущие к неврозу) – индивидуальные позиции (ведущие к неврозу), психосоматика – ноопсихосоматика; жизнь – смерть;*

Б) единицы, относящиеся к замкнутым лексическим группам на основе отношений гиперо-гипонимии: трагическая триада – *страдание, вина, смерть*; парадоксальная интенция – *дерефлексия – модуляция установок (методы в логотерапии);* сверх-смысл – *смысл жизни – смысл в жизни (смысл момента) (виды смысла);* редукционизм – *психологизм – пандетерминизм – коллективизм (то, к чему ведет искаженная проекция духовного), физическое – психическое – ноэтическое (измерения личности);*

В) базовые термины логотерапии: *димензиональная онтология, (духовная) личность, логотерапия и экзистенциальный анализ; метод, невроз, решение, позиция, смысл* и др.

Недочеты той же природы можем обнаружить в англоязычном глоссарии [1] (курсивом выделены единицы, не вошедшие в словник):

А) отсутствие антонимических пар или их членов: *intention* – *hyperintention*, *reflection* – *hyperreflection*, *collective attitudes* – *individual attitudes*, *psychosomatics* – *noopsychosomatics*;

Б) отсутствие единиц, относящихся к замкнутым лексическим группам на основе отношений гиперо-гипонимии (*Tests* – *Purpose in life test*; *Viennese Psychiatry Schools* – *First School of Viennese Psychiatry*, *Second School of Viennese Psychiatry*, *Third School of Viennese Psychiatry*; *tragic triad* – *pain*, *guilt*, *death*; *neurose* – *noogenic neuroses*, *psychogenic neuroses*, *iatrogenic neuroses*, *functional pseudoneuroses*);

В) отсутствие терминов, составляющих мировоззренческую основу логотерапевтического подхода: *meaning*, *method*, *neurose*, *position*, (*spiritual*) *person*, *solution* и др. При этом, например, вынесен в отдельную заголовочную единицу следующий термин: “**Unconscious**: see instinctual unconscious, spiritual unconscious”.

3. Нарушение алфавитного порядка слов – в этом случае усложняется поиск лексемы в перечне единиц.

Это может быть выражено также в формировании части словника по алфавитному принципу, а части – по гнездовому или тематическому без оформления ссылок на единицы в алфавитном перечне.

В существующих русскоязычном и англоязычном глоссариях выдержан алфавитный принцип организации единиц. При этом, например, в англоязычном глоссарии [1] содержится статья *Logotherapy and existential analysis*, внутри нее расположены четыре подстатьи *Logotherapy*, *Existential analysis*, *General existential analysis*, *Special existential analysis*, три из которых не вынесены в качестве заголовочных единиц в словник с отсылкой к статье *Logotherapy and existential analysis* (например, *Logotherapy*, see *Logotherapy and existential analysis*), в связи с чем их поиск и обнаружение являются затруднительными для человека, который ищет единицы по алфавиту.

Подобную ситуацию можем наблюдать в подстатье *Existential analysis*, в составе которой две единицы *General existential analysis*, *Special existential analysis* (обе не вынесены в качестве заголовочных в словник по алфавиту).

4. Орфографические ошибки.

Они также могут затруднять нахождение лексемы в перечне единиц.

В контексте системы логотерапевтических терминов, скорее, могут возникать трудности с их переводом, который будет корректно, адекватно отражать содержание термина в языке оригинала (большинство терминов являются переводом с немецкого или английского языка).

Например, какое употребление будет корректным: *бизнес-логотерапия* / *логотерапия бизнеса* или *логотерапия в бизнесе*? *Сверх-смысл*, *сверхсмысл* или *Сверхсмысл*? *Димензиальный* или *дизимензиональный*?

Каждый конкретный случай потенциальной вариативности требует отдельного рассмотрения с содержательной стороны и с точки зрения языковой нормы.

Когда мы прибегаем к термину *бизнес-логотерапия*, первой частью термина оказывается единица *бизнес*, но логотерапия – это самостоятельный подход, корректнее будет оставить в начале полилексемного терминологического сочетания эту единицу. У варианта *логотерапия бизнеса* появляется коннотация, что в бизнесе применяется особая форма логотерапии (это не так) или что осуществляется психотерапия бизнеса (по аналогии с *психотерапией человеческого до-*

стоинства, см. употребление в [10]). В таком случае требуется уточнение, что понимается под бизнесом – предприятие, группа людей или нечто иное. Употребление *логотерапия в бизнесе/бизнес-среде*, вероятно, лучше остальных отвечает содержанию термина, поскольку речь идет о применении логотерапевтического подхода в бизнес-среде, бизнес-процессах. Однако терминологически сочетание может выглядеть более громоздким.

Термин *Сверхсмысл*, будучи существительным, в немецком языке пишется с заглавной буквы (*Übersinn*). При переводе на русский язык возникает несколько вопросов. Во-первых, будем ли мы писать термин с заглавной буквы в соответствии с немецкоязычной традицией или со строчной – в соответствии с русскоязычной? Под *Сверхсмыслом* понимается окончательный смысл, который непостижим человеческому пониманию во всей полноте. В. Франкл и Э. Лукас указывают, что в религиозном сознании Сверхсмысл соотносится с верой в Бога [11, S. 32; 12, с. 170], что может выступать одним из аргументов в пользу написания термина с заглавной буквы.

Во-вторых, в русскоязычной традиции вариативно написание термина: слитно либо через дефис. Литературная норма предписывает слитное написание с приставкой *сверх-*. К дефисному написанию, возможно, стали прибегать по аналогии с записью термина *Сверх-Я* (отметим, что в русском языке написание его частей с заглавной/строчной буквы также сохраняет вариативность).

Димензиональная онтология предполагает, что человеческая сущность трехмерна – существует одновременно в физическом, психическом и духовном измерениях [13, с. 16]. В немецком языке слово *dimension* означает ‘измерение’. В подобных случаях при образовании прилагательных основа иноязычного существительного сохраняется и в языке-источнике, и в русском языке (ср. *intention* – интенциональный). Однако в части переводов работ по логотерапии встречается нежелательная вариативность в употреблении термина *димензиальная онтология* (см. [14, с. 214]).

Итак, на уровне **макроструктуры словаря** логотерапевтических терминов при определении границ словника важно определить:

1) по какому принципу будет структурирован словник (алфавитному, гнездовому, алфавитно-гнездовому, тематическому, тематико-алфавитному). Мы планируем организацию терминов по алфавиту;

2) какие единицы будут в него включены.

В частности, помимо учета проанализированных выше нюансов, связанных с формированием словника, необходимо принять решение, будут ли оформляться в качестве самостоятельных статей:

2.1) названия направлений логотерапии (лого-арт-терапия, логотерапия в бизнесе, логотерапия при неустрашимом страдании, логотерапия при неврозах, логотерапия при психозах);

2.2) имена собственные. В данном аспекте важно определить, будет ли приводиться справочная информация о наиболее значимых фигурах в подходе? Если да, то о каких (В. Франкл, Э. Лукас, А. Баттиани, другие исследователи)? Будут ли включены в словник имена основателей первых двух Венских школ психотерапии (а если также имена других представителей этих школ – то чьи именно?);

2.3) термины, относящиеся к общей психологии, другим подходам психотерапии и др. единицы.

Избранный принцип отбора единиц для словника определит, к какому типу будет относиться словарь – лингвистическому или энциклопедическому.

2. Проблемы и пути их решения на уровне микроструктуры словаря

Под **микроструктурой словаря** понимается структура словарной статьи [3, с. 84; 4, с. 231–232; 5, с. 109; 6, с. 142; 7, с. 16].

Вопросы, требующие решения на этом уровне, связаны:

1) с характером статей – будут они толкового типа или энциклопедического типа? В толковых словарях объясняются значения терминов, в справочниках энциклопедического типа дается описание значения, история возникновения феноменов, их бытования в обществе;

2) с включением/невключением информации пояснительного характера.

В русскоязычном [2] и англоязычном [1] глоссариях логотерапевтических терминов представлены статьи толкового типа.

Рассмотрим структуру словарной статьи на примере семантизации термина *Сверх-смысл (Ultimate meaning)*.

«Сверх-смысл – безусловный, окончательный смысл, который превышает и превосходит ограниченные интеллектуальные способности человека и поэтому не может быть постигнут логически. “В поисках предельного смысла человек в основном опирается на эмоциональные, а не только на интеллектуальные ресурсы, как мы знаем; иными словами, он должен верить в предельный смысл бытия. Более того, эта вера должна быть опосредована верой в *кого-то...*” [34, с. 315]. *Чем более всеобъемлющ смысл, тем менее он постижим* [34, с. 88]» [2, с. 83–84].

В данной статье мы можем выделить следующие компоненты: (1) заголовочная единица, (2) толкование, (3) цитата из источника, (4) ссылка на источник.

“**Ultimate meaning:** meaning that can only be understood in a world beyond the human world. The human person is incapable of understanding it, but may believe in it through faith (Frankl, 1969, p. 145). Also called supra-meaning” [1, p. 116].

В приведенном примере мы можем выделить следующие компоненты словарной статьи: (1) заголовочная единица, (2) толкование, (3) ссылка на источник, (4) синонимичный термин.

При описании логотерапевтических терминов, на наш взгляд, необходимо обратить внимание на следующие характеристики терминов:

А) акцентологические (ударение);

Б) грамматические (указание на морфологические свойства; например, у существительных – род, возможность образовывать формы множественного числа и др.);

В) семантизацию единицы (толкование, переводные эквиваленты в немецко-язычной/англоязычной литературе);

Г) сочетаемость (примеры сочетаемости термина);

Д) информацию энциклопедического характера (авторство термина, в какой работе был впервые применен и др.);

Е) а также на наличие синонимов.

На уровне микроструктуры одним из ключевых требований к качеству справочника является **единообразие** оформления словарных статей. Это означает, что выбранные для описания компоненты словарной статьи должны присутствовать в каждой словарной статье (если в конкретной статье характеристику дать невозможно, приводится пояснение). Определить эти компоненты нам предстоит при работе над справочником логотерапевтических терминов.

Заключение

Таким образом, мы обозначили вызовы, стоящие перед авторами, проводящими исследования в области логотерапии, рассмотрели публикации, содержащие логотерапевтическую терминологию, определили вопросы, связанные с формированием логотерапевтического словаря, и наметили направления работы.

Помимо решения вопросов, связанных с формированием словника логотерапевтических терминов, определением компонентов статьи, перед нами стоит задача семантизации терминов: часть из них не имеет четкой дефиниции в силу сложности описываемых понятий, часть существующих толкований требует уточнения в контексте подхода, содержащего определенный взгляд на человека (дизонимная онтология) и на мир (ориентация на смысл).

Данная публикация может быть одним из первых шагов на пути создания единого логотерапевтического терминологического аппарата в русскоязычном пространстве и, возможно, впоследствии, в мировом.

Литература

1. *Lewis M.H.* Logotherapy and existential analysis: A glossary of English terms // *Int. Forum Logother.* 2016. V. 39, No 2. P. 108–118.
2. *Аверьянов А.И.* Глоссарий // *Аверьянов А.И.* Логотерапия и экзистенциальный анализ: теория личности. М.: Московский институт психоанализа; Согласие, 2014. С. 79–87.
3. *Балканов И.В.* Макроструктура двуязычного словаря // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* Тамбов: Грамота, 2017. № 1(67): в 2-х ч. Ч. 2. С. 84–87.
4. *Будкова С.С.* Определение параметров терминологического справочника на основе анализа словарных источников // *Молодой ученый.* 2011. № 12(35). Т. I. С. 230–232.
5. *Космакова И.В.* О структуре английского энциклопедического словаря // *Языки. Культуры. Перевод.* 2017. № 1. С. 104–111.
6. *Ссорина М.С.* Словарь как мультиструктурная организация // *Ярослав. педагогич. вестн.* 2011. № 1. Т. I (Гуманит. науки). С. 142–146.
7. *Берков В.П.* Двуязычная лексикография. М.: Астрель; АСТ: Транзиткнига, 2004. 236 с.
8. *Каримуллина Р.Н.* Двуязычная татарская лингвография второй половины XX – начала XXI века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2011. 26 с.
9. *Галиуллин К.Р.* Русская и татарская лингвография: Научно-информационное обеспечение: Дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2000. 351 с.
10. *Деккерс А.* Психотерапия человеческого достоинства / Пер. с нем. Д. Корнилова. Киев: Наир, 2020. 480 с.
11. *Lukas E.* Lebensbesinnung. Wie Logotherapie heilt. Die wesentlichen Texte aus dem Gesamtwerk. Freiburg – Basel – Wienn: Herder, 1995. 236 S.
12. Франкл В. Воля к смыслу. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 228 с.
13. *Лукас Э.* Учебник логотерапии: Представление о человеке и методы. М.: Когито-Центр, 2020. 256 с.
14. *Баттиани А., Лукас Э.* Логотерапия и экзистенциальный анализ сегодня: Актуальная характеристика. М.: Когито-Центр, 2021. 262 с.

Поступила в редакцию 25.12.2022

Принята к публикации 27.02.2023

Гизатуллина Азалия Ришатовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: azaliya_rysh@mail.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.3.55-66

**Problems of the Logotherapeutic Terminological System Formation
(A Linguistic Aspect)**

A.R. Gizatullina

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: azaliya_rysh@mail.ru

Received December 25, 2022; Accepted February 27, 2023

Abstract

This article considers the formation and arrangement of the logotherapeutic terminological system. The latter developed after Viktor Frankl had introduced his logotherapy, a psychotherapeutic approach that revolves around the search for meaning; however, since that time, the advance of psychology and logotherapy has been accompanied by the emergence of many new terms and the growing need for clarification of some of the already established concepts. Now, it is getting increasingly important to create a more complete system of logotherapeutic terms that would be in line with the modern logotherapeutic idea of a human, as well as with the phenomena defining our personality from multiple angles and the world in general. Here, based on two logotherapeutic glossaries (one in Russian from A.I. Averyanov's "Logotherapy and Existential Analysis: A Theory of Personality", the other in English from M.H. Lewis' "Logotherapy and Existential Analysis: A Glossary of English Terms"), the above need was justified. It was concluded that such a system should be structured as a glossary with regard to certain aspects (the presence of closed lexical groups, high-frequency words, and consistency of descriptions in all entries). Some problems and difficulties that arise at the macrostructural (including or ignoring items in the glossary without a clear reason, violating the alphabetical order, and spelling errors) and microstructural (in relation to defining the components of an entry) levels of the future glossary of logotherapeutic terms were identified and analyzed.

Keywords: logotherapy, terminological system, glossary, language guide, macrostructure of a dictionary, microstructure of a dictionary

References

1. Lewis M.H. Logotherapy and existential analysis: A glossary of English terms. *The International Forum for Logotherapy*, 2016, vol. 39, no. 2, pp. 108–118.
2. Averyanov A.I. Glossary. In: Aver'yanov A.I. *Logoterapiya i ekzistentsial'nyi analiz: teoriya lichnosti* [Logotherapy and Existential Analysis: A Theory of Personality]. Moscow, Mosk. Inst. Psikhosanal., Soglasie, 2014, pp. 79–87. (In Russian)
3. Balkanov I.V. Macrostructure of a bilingual dictionary. *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki*. Tambov, Gramota, 2017, no. 1(67), pt. 2, pp. 84–87. (In Russian)
4. Budkova S.S. Determining the parameters of a terminological dictionary based on the analysis of dictionary sources. *Molodoi Uchenyi*, 2011, vol. I, no. 12(35), pp. 230–232. (In Russian)
5. Kosmakova I.V. On the structure of an English encyclopedic dictionary. *Yazyki. Kul'tury. Perevod*, 2017, no. 1, pp. 104–111. (In Russian)
6. Ssorina M.S. Dictionary as a multicultural setup. *Yaroslavskii Pedagogicheskii Vestnik*, 2011, vol. I, no. 1, pp. 142–146. (In Russian)

7. Berkov V.P. *Dvuyazychnaya leksikografiya* [Bilingual Lexicography]. Moscow, Astrel', AST, Tranzitkniga, 2004. 236 p. (In Russian)
8. Karimullina R.N. Bilingual Tatar linguography of the second half of the 20th–early 21st centuries. *Extended Abstract of Cand. Philol. Diss.* Kazan, 2011. 26 p. (In Russian)
9. Galiullin K.R. Russian and Tatar linguography: Research and informational support. *Doct. Philol. Diss.* Kazan, 2000. 351 p. (In Russian)
10. Dekkers A. *Psikhoterapiya chelovecheskogo dostoinstva* [A Psychology of Human Dignity]. Kyiv, Nairi, 2020. 480 p. (In Russian)
11. Lukas E. *Lebensbesinnung. Wie Logotherapie heilt. Die wesentlichen Texte aus dem Gesamtwerk.* Freiburg, Basel, Wienn, Herder, 1995. 236 S. (In German)
12. Frankl V. *Volya k smyslu* [The Will to Meaning]. Moscow, Al'pina Non-Fikshn, 2021. 228 p. (In Russian)
13. Lukas E. *Uchebnik logoterapii: Predstavlenie o cheloveke i metody* [Logotherapy Textbook: Concept of Human Beings and Methods]. Moscow, Kogito-Tsentr, 2020. 256 p. (In Russian)
14. Batthyány A., Lukas E. *Logoterapiya i ekzistentsial'nyi analiz segodnya: Aktual'naya kharakteristika* [Logotherapy and Existential Analysis Today: A Current Standpoint]. Moscow, Kogito-Tsentr, 2021. 262 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Гизатуллина А.Р. Проблемы формирования логотерапевтической терминосистемы (лингвистический аспект) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 3. С. 55–66. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.55-66>. ⟩

⟨ **For citation:** Gizatullina A.R. Problems of the logotherapeutic terminological system formation (a linguistic aspect). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 3, pp. 55–66. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.55-66>. (In Russian) ⟩

ОНТОЛИНГВИСТИКА

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'23

doi: 10.26907/2541-7738.2023.3.67-78

КАРКАС РУССКОЙ ГРАММАТИКИ

Н.М. Введенская¹

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, 196084, Россия*

Аннотация

В статье представлен обзор детской речевой системы на раннем этапе. Особенности такой системы – с её особым отношением к категории рода, упрощенными правилами формообразования и свободным словообразованием – можно назвать своего рода «каркасом» русской грамматики, который лежит в основе работы всего языкового механизма. Очерчена структура каркаса – искусственная модель, которая заостряет и доводит до логического завершения тенденции, свойственные детской речи на разных этапах освоения языка. Следуя правилам каркаса, дети иногда создают речевую продукцию, совершенно не соответствующую норме, но именно возможность опереться на твердые, пусть и упрощенные, правила позволяет ребенку справиться с освоением непростой грамматической системы русского языка. Правила каркаса следует принимать во внимание, проводя диагностику речевого развития. На него можно опираться при изучении русского как иностранного и при работе с билингвальными детьми.

Ключевые слова: онтолингвистика, речевой онтогенез, освоение языка ребенком, морфология, формообразование, словообразование, категория рода, русский как иностранный, билингвизм

Введение

Грамматика любого языка меняется со временем, но в речи иногда сохраняются следы устаревших грамматических структур. Такие структуры описываются в справочниках как отдельные исключения либо особые группы исторически обусловленных форм. Есть в языке и сложные парадигмы, предполагающие, например, для одного вида формообразования следование множеству различных правил. Можно ли представить русскую грамматику в упрощенном виде? Выделить своего рода каркас, подчиняющийся глубинным и единообразным правилам?

Онтолингвисты знают, что похожую упрощенную языковую систему используют дети на этапе освоения языка. Сразу нужно сказать, что это слишком общее утверждение: на самом деле ни один ребенок не использует все компоненты упрощенной системы, и тем более одновременно. Но в речи детей есть тенденции, которые мы можем отметить и сложить из них идеальную конструкцию

¹ Проект реализуется победителем грантового конкурса для преподавателей магистратуры 2021/2022 Стипендиальной программы Владимира Потанина.

цию – каркас русской грамматики, такую систему языка, где, например, «искать» превращается не в «ищу», а в логичное «искаю».

Иностранец, погрузившийся в изучение русской грамматики, в первый момент ощущает беспомощность перед сотнями правил и сотнями же исключений – кажется, усвоить их совершенно невозможно. Но маленький ребенок выхватывает основное ядро и, опираясь на него, постепенно и уверенно усложняет парадигму.

В лингвистике этот процесс описывается противопоставлением «система – норма»: «Система заучивается гораздо раньше, чем норма: прежде чем узнать традиционные реализации для каждого частного случая, ребенок узнает систему “возможностей”...» (Э. Косериу) [1, с. 237]. Об этом же пишет исследователь детской речи Д. Слобин: «Правила, предназначенные для широких классов явлений, формируются раньше, чем правила, относящиеся к подклассам: общие правила усваиваются раньше, чем частные правила» [2, с. 191].

С.Н. Цейтлин формулирует так: «...Сначала постигаются самые глубинные закономерности языка и связанные с ними наиболее общие, системные, функционально ориентированные правила, затем частные, являющиеся конкретизацией общих...» [3, с. 64].

Проиллюстрировать это явление можно следующим примером. Поначалу дети стараются сохранять основу слова нетронутой – это самое общее правило (подробнее об этом ниже). На этой стадии ребенок скажет «нет совока» вместо «нет совка». Однако спустя какое-то время он обнаружит более частную закономерность, связанную с беглым гласным в суффиксе -ок, и мы убедимся в том, что это именно новое правило, когда он перенесет обнаруженный принцип на неподходящие слова. Например, на слово «сапог» или «осьминог» (ведь «г» на конце слова оглушается). Так появятся инновации «без сапка», «нет осьминка» и даже «из Владивостка» [3, с. 90]. Позже в систему будет снова внесена поправка, и для таких слов будут освоены нормативные варианты.

Мы знаем, как выглядит норма – она изменчива, но её современное состояние описано и закреплено в словарях и грамматиках. Сложнее ответить на вопрос, как выглядит «система» («общие правила», «глубинные закономерности»), на которые ориентирована детская речь. С точки зрения С.Н. Цейтлин, система имеет сложную структуру, но «можно выделить её основу, ядро, совокупность наиболее общих закономерностей, максимально отвлеченных от лексического воплощения» [3, с. 68].

Впервые ранние этапы освоения морфологии и детское словообразование были очень подробно проанализированы А.Н. Гвоздевым в монографии «Формирование у ребенка грамматического строя русского языка» [4]. С.Н. Цейтлин в «Очерках по словообразованию и формообразованию в детской речи» [3] на обширном материале рассматривает способы овладения морфологическими единицами и глубинными языковыми правилами, описывает стратегию конструирования ребенком собственной языковой системы. Ранние этапы речевого онтогенеза описаны в монографии М.Б. Елисеевой «Становление индивидуальной языковой системы ребенка» [5]. Освоению ребенком семантики и грамматики именных частей речи посвящена книга М.Д. Воейковой «Становление имени: Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка» [6].

Опираясь на эти и другие исследования детской речи, мы попытаемся реконструировать ядро русской грамматики – собрать воедино самые базовые, глубинные правила, служащие основой для построения детьми собственной языковой системы. Несмотря на то что отдельные закономерности были освещены в работах онтолингвистов, такая реконструкция раньше не проводилась.

В настоящей статье все примеры из речи детей относятся к возрасту от 2 до 3 лет (если не указано иное) и взяты из Фонда данных детской речи Лаборатории онтолингвистики РГПУ им. А.И. Герцена², в том числе из «Словаря-справочника «Говорят дети?»» (Гов.д.). Некоторые примеры взяты из дневника А.Н. Гвоздева [7] и монографии М.Б. Елисеевой [5].

Итак, сформулируем основные положения упрощенной модели русской грамматики.

Бинарные модели небинарных грамматических категорий

В русской грамматике есть некоторое количество бинарных категорий. Это единственность/множественность, одушевленность/неодушевленность, совершенный/несовершенный вид глагола. Категории с небинарной парадигмой будут поначалу упрощены³.

Категория рода будет представлена в виде противопоставления слов, оканчивающихся на -а («женский род»), словам, оканчивающимся на твердый или мягкий согласный («мужской род») [3, с. 147]. Это разделение основано на фонетическом, а не семантическом критерии⁴.

Средний род находится дальше от ядра системы и в упрощенной модели отсутствует, слова среднего рода переходят в одну из двух указанных категорий (*какая красивая неба, яблоч плохой, моя ведро*)⁵.

Система склонений, следуя первичной парадигме рода, тоже устроена бинарно: поначалу слова третьего склонения либо переходят во второе и меняют род (*игрушечный мышшь, на свой кровать*), либо остаются в женском роде, но смещаются в первое склонение (*такую глупостью*)⁶.

Слова мужского рода первого склонения (*папа, дядя, дедушка*, многие уменьшительные мужские имена) согласно первичной модели должны относиться к женскому роду. Но, видимо, папа, дедушка, имена членов семьи так часто встречаются в инпуте, что согласовательные модели осваиваются гештальтно и способны «уцелеть» под давлением формирующихся схем формального согласования [3, с. 148]. Тем не менее детские ошибки такого типа изредка встречаются (Женя Гвоздев: *моя папа* (2,3), у *Лениной папы* (2,9) [4, с. 104, 164]). В дальнейшем для правильного согласования таких слов требуется формирование семантического отношения к категории рода [10, р. 110]⁷.

² Фонд данных детской речи представляет собой хранилище аудио-, видео- и письменных записей детской речи, хранящихся на электронных и бумажных носителях в Лаборатории онтолингвистики РГПУ им. А.И. Герцена.

³ Возможно, сведение грамматических категорий до бинарных оппозиций есть универсальное свойство освоения грамматики. Благодарим М.Б. Елисееву, поделившуюся с нами этим предположением.

⁴ Интересно, что русско-английские билингвальные дети соотносят даже английские существительные, оканчивающиеся на закрытый слог, с мужским родом, а существительные, оканчивающиеся гласным звуком, – с женским, когда используют их в русской речи (см. [8, с. 77]).

⁵ Освоение наиболее частотных слов среднего рода происходит приблизительно к возрасту пяти лет [9].

⁶ Ошибки в согласовании редких слов среднего рода и третьего склонения могут встречаться и в позднем дошкольном, и в раннем школьном возрасте: настоящую почти невозможно – вспомним безнадёжную борьбу за мужской род слова «кофе». Английский лингвист Г. Корбетт приводит и другие примеры – некоторые аббревиатуры, которые воспринимаются носителями не как сокращение, а как единое слово. Например, ЖЭК расшифровывается как «жилищно-эксплуатационная контора», но обычно согласовывается и склоняется в мужском роде [11, р. 218]. Вот еще некоторые примеры – из романа Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда» (СПб.: Вита Нова, 2022): «От этого ТЭЦа один пшик останется» (с. 106) (согласование по мужскому роду, ориентированное на произношение, хотя «теплоэлектроцентраль» – слово женского рода), «КП ихнее – дивизионное» (с. 130) (командный пункт, [КэПэ]; согласование по среднему роду), «...К пяти ноль-ноль чтоб новое НП было

Семантический аспект, то есть представление о том, что категория рода отражает биологический пол, находится чуть дальше от ядра детской языковой системы⁸. Это видно и по примеру выше, и по тому, как часто на раннем этапе дети ошибаются в согласовании при использовании личных местоимений единственного числа первого и второго лица с прошедшим временем глагола. В этом случае грамматика не подсказывает ребенку, какое окончание нужно выбрать (как подсказывает для третьего лица, поскольку «он» и «она» маркированы формально), – выбор должен быть основан лишь на осознании биологического пола субъекта. Вот примеры из речи Жени Гвоздева в возрасте от 2,6 до 2,8 (о себе): *я приготовила; я нашла; искрасила; поиграла; о других: ты хотела (об отце); ты спряталась (об игрушечном мишке)* [4, с. 149].

К трем годам, когда осваивается элементарная половая идентичность [13, с. 366], подобные ошибки исчезают. Теперь случаи несовпадения грамматического рода (в его бинарной парадигме) с полом одушевленных существительных могут вызывать у ребенка недоумение. Трудности появляются, во-первых, при употреблении слов общего рода, которые, следуя формальным признакам, дети относят к женскому роду и при необходимости образуют родовой коррелят: *Я не умница, я умниц!; Дедушка, ты ябед; этот пьяниц*. Во-вторых, существительные мужского рода, обозначающие лица по роду занятий, получают феминитивные формы (*врачка, рыцарька, командирщица*). Эта же логика заставляет детей формировать пары для зоонимов (*Синица – тетенька, дяденька – синиц; бульдогиня*) или для других существительных, которым придаются свойства одушевленности: *Нет, я не пенё. Эта только ты пенё и мама пеня* [14, с. 120–121].

Глагольные формы первого, второго и третьего лица тоже появляются неодновременно. Описание себя и мира предваряет обращение к собеседнику, и формы второго лица появятся несколько позже форм третьего и первого [15, с. 50].

Формирование категории времени, как и семантического аспекта рода, связано с развитием психики и становлением соответствующих концепций. Поначалу ребенок не умеет «отправляться» по времени как в отдаленное прошлое, так и в отдаленное будущее. Однако исследования показали, что предвосхищение **ближайших событий** будущего на доморфологическом этапе вербализуется довольно рано и опережает обращение к событиям прошлого [16].

Тем не менее на этапе становления грамматики будущее время не войдет в первую бинарную оппозицию, а противопоставлены будут формы настоящего времени, выраженные глаголами несовершенного вида, и формы прошедшего времени, выраженные глаголами совершенного вида (точнее сказать, перфектного значения: *упал, сломалась* и т. д.). «Так, было доказано на большом количестве материала и на примере разных языков, что дети – на ранних этапах онтогенеза – употребляют глаголы типа *найти* исключительно в прошедшем времени, а глаголы, обозначающие продолжительные действия типа *бежать, петь*, – в настоящем времени для наблюдаемых или производимых действий. Анализ наших данных показал... что результативные глаголы СВ употреблялись только в прошедшем времени, а глаголы состояния и конструктивные глаголы употреблялись только в настоящем времени» [15, с. 51]. Простое будущее появится в

готово» (с. 290) (наблюдательный пункт, [эНПэ], согласование по среднему роду). Важно, что в романе такое разговорное согласование встречается только в репликах героев, в авторской речи аббревиатуры согласовываются и склоняются правильно: «...Ишу себе КП, хотя бы временный, чтобы установить телефон» (с. 183) (курсив наш. – Н.В.).

⁸ Для описания идеальной модели ядра более позднее освоение семантики рода не имеет особенного значения, ведь эта задержка – феномен не языковой системы, а развития психики ребенка. Есть и другие черты детской речи, которые связаны с незрелостью представлений о себе и мире, например, позднее освоение некоторыми детьми личных местоимений [12, с. 58–66], эти факты нам тоже не кажутся свойствами каркаса языка.

речи детей чуть позже, а самыми последними будут освоены формы сложного будущего времени [15, с. 45]⁹.

Раннее противопоставление форм прошедшего и настоящего времени, вероятно, обусловлено инпутом. Если обратиться к устному разделу Национального корпуса русского языка, то можно увидеть, что глагольных форм прошедшего времени примерно столько же, сколько форм настоящего времени, тогда как форм будущего времени в устной речи в три раза меньше¹⁰.

Итак, в ядре грамматической системы два рода – мужской и женский, два склонения – первое и второе, а семантический аспект рода обязательно отображается с помощью формального грамматического оформления.

Вероятно, ближе к ядру:

- глагольные формы первого и третьего лица;
- глагольные формы настоящего и прошедшего времени (в значении перфекта).

Упрощенные правила формо- и словообразования

В самом общем виде создание новых слов или форм слова представляет собой конструктор, где к основе прибавляются подходящие детали – аффиксы. Вот главные пункты такого конструирования¹¹:

1. Основа слова не должна изменяться.

Формо- и словообразование в русском языке иногда требует изменения основы слова для лучшей сочетаемости с определенными морфемами. Такие явления принято называть морфонологическими. Грамматика описывает разные типы вторжения в «словесный костяк»: чередования согласных, беглые гласные и др., но дети пренебрегают этими дополнительными средствами и стараются сохранить основу слова неизменной.

Это проявляется в игнорировании беглых гласных (*нет пёса, давай выте-ремся*), чередования согласных (*посидю, ухи, чистее*). Руководствуясь этим же правилом, дети стараются избежать перемещения ударения (*река́/на реку́, но́ги/но́гами*) и наращения основы (*имя/с имен*). Полная замена основ также игнорируется: *хорош́ее, человеки* и т. д.

Следование данному правилу можно заметить в образовании многих глагольных форм: окончания, отвечающие за форму глагола, присоединяются к унифицированной основе, предложенной в конкретных обстоятельствах (иногда с добавлением либо удалением йота или добавлением «и», некоторых других гласных) [3, с. 247–253]. Так, из реплики взрослого «*не приставай к коту*» получается детское «*я не приставаю*», а из «*ночевать*» – «*ночевают*», из «*придвинь*» – «*придвинить*», из «*взять*» – «*взямю*» или «*взяю*» и т. д.

Эта тенденция заметна при образовании видовых пар – дети предпочитают формам с изменениями основы формы с унифицированной основой: *не сгибать/согнуть, а сгибать/сгибнуть, не искать/найти, а искать/наискать*.

⁹ Таким образом, детям в возрасте освоения грамматики свойственно говорить о том, что произошло только что или произойдет в ближайшее время, и не свойственно говорить о продолжительных действиях в прошлом (прошедшее время глаголов несовершенного вида) и планах на будущее (аналитическая форма будущего).

¹⁰ Глагольные формы настоящего времени в устном корпусе – 853 238 вхождений (в 4 313 документах), прошедшего времени – 836 938 вхождений (в 4 276 документах), будущего – 279 351 (в 4 193 документах). Примерно таким же будет разрыв между настоящим и будущим в подкорпусе детской литературы (он называется «От 2 до 15»). При этом форм прошедшего времени будет в 3,5 раза больше, чем форм настоящего времени, – что ожидаемо для нарративов (НКРЯ. URL: <http://www.ruscorpora.ru>).

¹¹ Кратко основные закономерности развития речи от 0 до 7 лет собраны М.Б. Елисейевой в статье «Развитие речи ребенка: взгляд лингвиста» [17].

При образовании новых слов дети также стремятся сохранять основу неизменной (*героиница, выступайка, молоковый, мужчинский*), но это не выражено так заметно, как при формообразовании¹².

Таким образом, в ядре грамматической системы всё формо- и словообразование должно производиться только с помощью добавления аффиксов к неизменной основе, а ударение должно быть закреплено.

2. Стремление использовать один формо- и словообразующий элемент для создания одного типа форм или слов.

Точнее было бы сказать «стремление использовать минимальный набор» таких элементов. Но в идеале элемент действительно должен быть один.

Этот пункт проявляется в первую очередь в «экспансии флексий» [18, с. 394–395], когда при образовании падежных форм с особенно сложной парадигмой (твор. ед., род. множ.) дети стремятся использовать один или несколько доминирующих типов. Например, в творительном падеже окончание мужского и среднего рода *-ом* применяется и для женского рода – *ест ложком*; в родительном множественного – окончание *-ов/ев* может поглощать другие варианты (*нет лампов, нет соседев, играть в конов* (коней)). Иногда унифицируются окончания предложного падежа ед. ч. (*на снеге, в роте* (во рту)) (обзор см. [6, с. 143–144]).

Формы именительного падежа множественного числа также имеют тенденцию к образованию одним доминирующим способом – с помощью флексии *-и/-ы* (*роги, окны, братьи, чудовищи*).

При счете выбирается родительный падеж множественного числа как основной способ управления любым множеством (не *четыре лягушки, а четыре лягушек, не три цветочка, а три цветочков*).

Этим правилом объясняются и иные ошибки, которые допускают дети. Например, при образовании причастий доминирует один определенный суффикс – так получаются формы вроде *машина сломата*, при образовании притяжательных прилагательных суффикс *-ин* перевешивает все другие суффиксы (*волшебнин рубин, мальчикина машинка*).

В словообразовании заметна тенденция к использованию не всего разнообразия моделей, а только тех, что являются продуктивными. Например, один продуктивный суффикс для выражения одного смысла: *жаркость, доброть, отважность* или *жаркотá, мокротá* и т. п.

Итак, в ядре грамматической системы для создания одной формы всегда будет использоваться единственный формообразующий элемент. Словообразование стремится к тому, чтобы выразить определенную семантику с помощью одного аффикса или одного набора аффиксов.

3. Морфологические правила применяются всегда.

В русском языке встречаются слова, к которым морфологические правила не применяются – частично или полностью. Это несклоняемые существительные, а также существительные, употребляемые только в единственном или только во множественном числе (*pluralia* и *singularia tantum*). Дети такой способ обращения со словами игнорируют (*на пианине, нет музыков, отрежем ножницаей*), для них морфологические правила тотальны, а исключений не бывает. Исследователи называют это явление грамматической сверхгенерализацией [3, с. 437].

Морфологические правила применяются и там, где в нормативном языке существуют лакуны – такие, например, как отсутствие будущего времени для

¹² Вероятно, суффикс *-тель* дает большое число детских окказиональных словообразований [3, с. 335] именно потому, что полученные слова всегда полностью включают производящую глагольную основу (выбирать – выбиратель, курить – куритель, ходить – ходитель). Это же касается суффиксов *-льщик* и *-льник* (игральщик, подметальник).

глагола «победить» или родительного падежа множественного числа для существительного «мечта». Пробелы дефектных парадигм будут закрыты детскими инновациями (*я победу, нет мечтов*)¹³.

Словообразование в каком-то смысле так же тотально, как и словоизменение. Если продуктивная словообразовательная модель существует, ребенок будет её использовать для образования любых нужных слов. Женщина-повар может называться *поварницей* (по модели «учительницы»), а от прилагательного *вкусный* отлично можно образовать глагол *вкуснить* (как от *веселый* – *веселить*). И если есть *бездомная* собака, то почему не быть *домной* (по модели *радостный* – *безрадостный*)? Представление о том, что некоторые позиции в языке заняты словами, созданными по другой словообразовательной модели, а для некоторых явлений вовсе не существует подходящих слов, ребенку чуждо. Как уже было сказано, язык представляется конструктором, и с помощью добавления к основе правильных деталей всегда можно получить нужный результат¹⁴.

Итак, в ядре грамматической системы могут быть образованы любая форма и любое слово по существующей модели. Запреты, исключения, лакуны отсутствуют.

Синтаксис

Синтаксис каркаса требует отдельного изучения. Единственное, что можно сказать с уверенностью: ядру свойственно правило «Первое имя – агент». «...Оно [правило] объяснялось сверженерализацией статистической закономерности, согласно которой первое имя существительное (N) в последовательности NVN (имя, глагол, имя) чаще всего является именем деятеля (агента)» [19, с. 17]. Пик использования этого правила русскоязычными детьми приходится на 4 года – как раз на период освоения грамматики [19, с. 17–18].

Выводы

Ядро, или каркас, русской языковой системы – искусственная модель, созданная с помощью обобщения типичных явлений детской речи, свойственных разным периодам освоения языка. Это своего рода русский эсперанто, глубинная структура которого чрезвычайно логична и максимально упрощена.

В ней для грамматических категорий предпочтительны бинарные модели, в том числе категория рода сведена к противопоставлению мужского и женского, а склонения упрощены до первого и второго. Семантика категории рода всегда выражается с помощью грамматики, и, наоборот, грамматика всегда отражает семантику, если речь идет об одушевленных существительных.

Словоизменение и словообразование не затрагивают основу (в том числе не сдвигают ударение) и происходят только с помощью добавления аффиксов.

¹³ Этот пункт, возможно, до некоторой степени объясняет частотные ошибки, связанные с употреблением неодушевленных существительных в качестве одушевленных (обратное – перевод одушевленного в неодушевленное – встречается крайне редко). Причиной таких ошибок считается детское отношение к неживым объектам как к живым. Но можно предположить, что ребенок скажет: «Возьми бульдозера» вместо «Возьми бульдозер» еще и потому, что первая форма, в отличие от второй, отчетливо демонстрирует применение морфологического правила. Дети вообще стараются избегать нулевых окончаний при формообразовании. С точки зрения ребенка – отсутствие окончания = отсутствие морфологии. При этом нулевая суффиксация как словообразовательное средство используется активно: библик (от «библикать»), лепь (от «лепить»), но это сознательное словотворчество по готовой модели (как «свист – свистеть») и в более старшем возрасте.

¹⁴ Все приведенные в данном параграфе примеры взяты из речи детей старше 4 лет.

Причем для создания формы, представляющей ту или иную грамматическую категорию, должен использоваться единственный формообразующий элемент. Словообразование также стремится к тому, чтобы выразить определенную семантику с помощью одного аффикса или одного набора аффиксов. Исключения из морфологических правил невозможны.

В чем цель описания модели, являющейся чрезвычайным упрощением взрослой языковой системы? Во-первых, наблюдение за прототипом помогает понять принципы работы сложного механизма. Во-вторых, мы точно знаем, что человек, овладевший каркасом грамматики, будет без особенных затруднений понят собеседником, и значит, на каркас можно ориентироваться при изучении русского языка как иностранного. В-третьих, нужно принимать во внимание, что правила ядра системы весомее периферийных правил грамматики. Например, при тестировании лучше не спрашивать ребенка о словах, подчиняющихся более редким правилам (множественное число слова «стул»), после слов, находящихся ближе к ядру системы («диван»), – велика вероятность, что основное правило перевесит более редкое (и ответ будет «стулы»).

Норма в противоположность системе, а тем более её каркасу, разнообразна, полна исключений и устоявшихся форм, и в свою речь ребенок впускает её не сразу, а постепенно. Скорость такого «шлифования» зависит от разнообразия и качества окружающей ребенка речи и наличия обратной связи. Ребенок должен услышать нормативное слово или форму не единожды, прежде чем он внесет поправку в грамматический каркас¹⁵.

Что касается детей, осваивающих русский как второй, упрощенные правила формообразования, о которых было сказано выше, характерны и для их речи. Необычные формы слов, получающиеся в ходе такого конструирования, – не ошибки, а свидетельство того, что ребенок осваивает язык естественным образом, создавая рабочий прототип и совершенствуя его. Но такой словообразовательной свободы, как монолингвы, иноязычные дети обычно не демонстрируют. И категорию рода они осваивают несколько по-другому: для тех, в чьём родном языке нет такого явления, базовая русская модель будет «однородовой», где мужской род окажется родом по умолчанию. Сначала ребенок освоит противопоставление мужского и женского рода, а после установления двухродовой системы отношения со средним родом и прочее будут описываться уже в рамках монолингвального каркаса (игнорирование среднего рода, третьего склонения и т. д.) [9, с. 144].

Вероятно, все это в той или иной степени верно и для взрослых людей, осваивающих русский как иностранный.

¹⁵ Здесь уместно вспомнить о явлении, называемом «U-shaped development» [20] (к сожалению, удачный перевод этого названия на русский язык еще не придуман), которое зафиксировано в когнитивной психологии; психологи все еще спорят о том, свойственно ли оно любым когнитивным процессам.

U-shaped development включает три стадии: первоначальные правильные действия (основанные на недостатке знаний), последовательно неправильные действия (в результате неполного знания) и, наконец, правильные действия (в результате освоения знания). График результата таких действий будет выглядеть как буква «U».

Для речи явление U-shaped development впервые было описано в работах, посвященных освоению англоязычными детьми глаголов прошедшего времени. Большинство глаголов, которыми дети овладевают на первых этапах, – такие как go, eat, speak, give, run – относится к неправильным, с нерегулярной формой прошедшего времени. Тем не менее поначалу дети используют неправильные глаголы совершенно правильно (I ran, he went). Но затем в их навыках наступает временный регресс, и они начинают употреблять регулярные, но неверные формы (I runned, he goed). Это происходит из-за усвоения «правил» – способа, с помощью которого образуется прошедшее время для правильных глаголов. Проходит некоторое время, прежде чем дети оказываются способны блокировать это правило для определенных слов и возвращаются к верному употреблению неправильных глаголов. Таким образом, сначала наступает фаза подражания, затем приходит время обобщений и только потом время исключений.

Подчеркнем, что в настоящей статье описывается идеальная модель, которая заостряет и доводит до логического завершения тенденции, свойственные детской речи на разных этапах освоения языка. Обширный фонд данных, собранный исследователями детской речи за долгие годы, позволяет суммировать характерные явления и увидеть объединяющую их конструкцию, которую мы и назвали каркасом русской грамматики.

Источники

Гов.д. – Говорят дети: Словарь-справочник / Сост.: С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева, Л.Н. Галактионова, Т.А. Трифонова. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2022. 176 с.

Литература

1. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1963. Вып. 3. С. 143–343.
2. Слобин Д. Когнитивные предпосылки развития грамматики // Психолингвистика: Сб. ст. / Сост. А.М. Шахнарович. М.: Прогресс, 1984. С. 143–207.
3. Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009. 592 с.
4. Гвоздев А.Н. Формирование у ребенка грамматического строя русского языка: в 2 т. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1949. Т. 1. 268 с.
5. Елисеева М.Б. Становление индивидуальной языковой системы ребенка: Ранние этапы. М.: Яз. слав. культуры, 2015. 344 с.
6. Воейкова М.Д. Становление имени: Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М.: Фонд «Развития фундаментальных лингвистических исследований», 2015. 352 с.
7. Гвоздев А.Н. От первых слов до первого класса: Дневник научных наблюдений. М.: Ленанд, 2019. 324 с.
8. Цейтлин С.Н., Чиршева Г.Н., Кузьмина Т.В. Освоение языка ребенком в ситуации двуязычия. СПб.: Златоуст, 2014. 140 с.
9. Введенская Н.М. Средний род в речи монолингвов, билингвов-эритажников и инофонов: Данные эксперимента // Проблемы онтолингвистики-2022: Речевой мир ребенка (универсальные механизмы и индивидуальные процессы): Материалы ежегод. междунар. науч. конф. СПб.: Изд-во «ВВМ», 2022. С. 140–146.
10. Corbett G. Gender typology // The Expression of Cognitive Categories. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2015. Vol. 6: The expression of gender. P. 87–130. URL: <https://doi.org/10.1515/9783110307337>.
11. Corbett G. Gender in Russian: An account of gender specification and its relationship to declension // Russ. Linguist. 1982. V. 6, No 2. P. 197–232.
12. Доброва Г.Р. Вариативность речевого развития детей М.: Яз. слав. культуры, 2018. 264 с.
13. Ньюкомб Н. Развитие личности ребенка. СПб.; М.; Харьков: Питер, 2003. 640 с.
14. Цейтлин С.Н. Язык и ребенок. Освоение ребенком родного языка. М.: Владос, 2021. 240 с.
15. Гагарина Н.В. Формирование грамматических категорий вида и времени, лица и числа на ранних этапах речевого онтогенеза // Acta Linguist. Petropolitana: Труды Ин-та лингв. исследований. 2007. Т. 3, ч. 3. С. 7–65.
16. Елисеева М.Б. Когнитивные предвестники развития детской грамматики по материалам Макартуровского опросника и case study // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 3. С. 91–104.

17. *Елисеева М.Б.* Развитие речи ребенка: взгляд лингвиста // Логопед. 2005. № 4. С. 18–28.
18. *Гвоздев А.Н.* Вопросы изучения детской речи. СПб.: Детство-пресс, 2007. 472 с.
19. *Ахутина Т.В., Корнеев А.А., Матвеева Е.Ю.* Возрастная динамика понимания логико-грамматических конструкций у младших школьников и ее мозговые механизмы // Специальное образование. 2017. № 3. С. 15–31.
20. *Цейтлин С.Н.* U-shaped development при усвоении ребенком родного языка (анализ случаев мнимого регресса) // Материалы XXVII межвуз. науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов. / Отв. ред. В.Б. Касевич. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. Вып. 13. С. 76–80.

Поступила в редакцию 16.03.2023

Принята к публикации 16.05.2023

Введенская Наталья Михайловна, лаборант-исследователь Лаборатории онтолингвистики
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
Наб. р. Мойки, д. 48, г. Санкт-Петербург, 196084, Россия
E-mail: vnata@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 3, pp. 67–78

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.3.67-78

Russian Grammar Framework

N.M. Vvedenskaya

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, 196084 Russia

E-mail: vnata@yandex.ru

Received March 16, 2023; Accepted May 16, 2023

Abstract

This article provides an overview of the early stages in the development of children's speech system. Its main features (specific ways of gender identification, simplified inflectional rules, and free derivation) constitute the backbone of Russian grammar, which in turn defines the functioning of the entire mechanism of the Russian language. These are the underlying linguistic patterns and the most general rules. Children learn them at the earliest stage of language acquisition and then modify them using more intricate and complex patterns as they continue to develop their language system. Based on the results obtained, the structure of the Russian grammar framework, an artificial model that summarizes the tendencies inherent in children's speech at different stages of language acquisition and brings them to a logical conclusion, is outlined. When young children follow the rules of this framework, they sometimes create unique speech products that deviate substantially from the norm. However, they rely on the fixed, albeit simplified, rules and thus master the tricky issues of the grammatical system of the Russian language. Therefore, the framework of Russian grammar, or the core of the Russian language system, should be taken into account in diagnosing the level of speech development, learning Russian as a foreign language, and working with bilingual children.

Keywords: developmental linguistics, speech ontogenesis, language acquisition by children, morphology, inflection, derivation, category of gender, Russian as a second language, bilingualism

References

1. Coşeriu E. Synchrony, diachrony, and history. In: *Novoe v lingvistike* [Something New in Linguistics]. Vol. 3. Moscow, Progress, 1963, pp. 143–309. (In Russian)
2. Slobin D. Cognitive prerequisites for the development of grammar. In: *Psikholingvistika: Sb. st.* [Psycholinguistics: A Collection of Articles]. Moscow, Progress, 1984, pp. 143–207. (In Russian)
3. Tseitlin S. N. *Ocherki po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoj rechi* [Essays about Inflection and Derivation in Children's Speech]. Moscow, Znack, 2009. 592 p. (In Russian)
4. Gvozdev A. N. *Formirovanie u rebenka grammaticheskogo stroya russkogo yazyka* [Acquisition of the Grammatical Structure of the Russian Language by a Child]. Vol. 1. Moscow, Izd. Akad. Pedagog. Nauk RSFSR, 1949. 268 p. (In Russian)
5. Eliseeva M.B. *Stanovlenie individual'noi yazykovoi sistemy rebenka: rannie etapy* [Language System Development in Children: Early Stages]. Moscow, Yazyki Slavyan. Kul't., 2015. 344 p. (In Russian)
6. Voeikova M. D. *Stanovlenie imeni: Rannie etapy usvoeniya det'mi imennoi morfologii russkogo yazyka* [The Development of the Noun: Early Stages of Russian Nominal Morphology Acquisition by Children]. Moscow, Fond "Razvit. Fundam. Lingvist. Issled.", 2015. 352 p. (In Russian)
7. Gvozdev A.N. *Ot pervykh slov do pervogo klassa: Dnevnik nauchnykh nablyudenii* [From the First Words to the First Class: A Diary of Scientific Observations]. Moscow, Lenand, 2019. 324 p. (In Russian)
8. Tseitlin S.N., Chirsheva G.N., Kuz'mina T.V. *Osvoenie yazyka rebenkom v situatsii dvuyazychiya* [Language Acquisition by Bilingual Children]. St. Petersburg, Zlatoust, 2014. 140 p. (In Russian)
9. Vvedenskaya N.M. Neuter gender in speech of monolingual and bilingual children: Experimental data. *Problemy ontolingvistiki–2022: Rechevoi mir rebenka (universal'nye mekhanizmy i individual'nye protsessy): Materialy ezhegod. mezhdunar. nauch. konf.* [Problems of Ontolinguistics–2022: The Speech World of a Child (Universal Mechanisms and Individual Processes): Proc. Annu. Int. Sci. Conf.]. St. Petersburg, Izd. "VVM", 2022, pp. 140–146. (In Russian)
10. Corbett G. Gender typology. In: *The Expression of Cognitive Categories*. Vol. 6: The expression of gender. Berlin, Boston, Walter de Gruyter GmbH, 2015, pp. 87–130. URL: <https://doi.org/10.1515/9783110307337>.
11. Corbett G. Gender in Russian: An account of gender specification and its relationship to declension. *Russian Linguistics*, 1982, vol. 6, no. 2, pp. 197–232.
12. Dobrova G.R. *Variativnost' rechevogo razvitiya detei* [Variability of Children's Speech Development]. Moscow, Yazyki Slavyan. Kul't., 2018. 264 p. (In Russian)
13. Newcombe N. *Razvitie lichnosti rebenka* [Child Development: Change over Time]. St. Petersburg, Moscow, Kharkiv, Piter, 2003. 640 p. (In Russian)
14. Tseitlin S.N. *Yazyk i rebenok. Osvoenie rebenkom rodnogo yazyka* [Language and the Child. Native Language Acquisition by Children]. Moscow, Vlado, 2021. 240 p. (In Russian)
15. Gagarina N.V. Acquisition of the grammatical categories of aspect and time, person and number at the early stages of speech ontogenesis. *Acta Linguistica Petropolitana: Trudy Instituta Lingvisticheskikh Issledovaniy*, 2007, vol. III, pt. 3, pp. 7–65. (In Russian)
16. Eliseeva M.B., Vershinina E.A. Cognitive prerequisites for the acquisition of grammar in children based on the materials of the MacArthur-Bates CDI and *case study*. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 3, pp. 91–104. URL: <https://doi.org/...> (In Russian)
17. Eliseeva M.B. Speech development in children: A linguistic perspective. *Logoped*, 2005, no. 4, pp. 18–28. (In Russian)
18. Gvozdev A.N. *Voprosy izucheniya detskoj rechi* [Problems of Studying Children's Speech]. St. Petersburg, Detstvo-Press, 2007. 472 p. (In Russian)

19. Akhutina T.V., Korneev A.A., Matveeva E.Yu. Age dynamics of understanding logical and grammatical constructions by younger schoolchildren and its brain mechanisms. *Spetsial'noe Obrazovanie*, 2017, no. 3, pp. 15–31. (In Russian)
20. Tseitlin S.N. U-shaped development in native language acquisition by children (analysis of pseudoprogression cases). *Materialy XXVII mezhevuz. nauch.-metod. konf. prepodavatelei i aspirantov* [Proc. XXVII Interuniv. Sci. Methodol. Conf. of Lecturers and Postgraduate Students]. Kasevich V.B. (Ed.). St. Petersburg, Izd. SPbGU, 1998, no. 13, pp. 76–80. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Введенская Н.М. Каркас русской грамматики // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 3. С. 67–78. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.67-78>. ⟩

⟨ **For citation:** Vvedenskaya N.M. Russian grammar framework. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 3, pp. 67–78. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.67-78>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'23

doi: 10.26907/2541-7738.2023.3.79-90

О РОЛИ ГЕНЕРАЛИЗАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ОНТОГЕНЕЗА ТЕМПОРАЛЬНОГО ДЕЙКСИСА

Г.Р. Доброва¹, О.И. Петелина²

*¹Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, 191086, Россия*

²ГБДОУ Детский сад № 51 Калининского района, г. Санкт-Петербург, 195274, Россия

Аннотация

В статье представлены результаты исследования процесса освоения детьми-дошкольниками темпорального дейксиса. Определены причины, по которым овладение дейксисом до определенного возраста вызывает затруднения. Выдвинуто предположение, что для понимания данного лингвистического феномена ребенок дошкольного возраста опирается на один из ключевых механизмов освоения языка – генерализацию. На основе проведенного эксперимента, а также анализа данных спонтанной речи детей проанализированы примеры проявления генерализации на разных этапах овладения темпоральным дейксисом. Рассматриваются примеры «ярлыкового» использования детьми темпоральных слов, смешения ассоциативных рядов и смешения антонимов, обозначения прошедшего и будущего времени одним темпоральным словом и др. На основе произведенного анализа сделан вывод, что генерализация способствует освоению детьми темпорального дейксиса. Она помогает ребенку дошкольного возраста понять семантику дейктических единиц и прийти к общепринятому использованию в речи дейктических слов.

Ключевые слова: дейксис, темпоральный дейксис, темпоральные единицы, речевой онтогенез, генерализация, точка отсчета, наречия времени

Термин «дейксис» довольно хорошо известен в лингвистике. Между тем не существует единого подхода к его пониманию. Не будем подробно останавливаться на дискуссионных вопросах о том, что же относится к дейксису, и, в частности, на проблеме связи его с грамматикой (подробнее см. в [1; 2]), а будем руководствоваться наиболее традиционной его трактовкой, при которой под дейксисом понимается «указание как значение или функция языковой единицы, выражаемое лексическими и грамматическими средствами» (ЛЭС).

Как известно, различаются три основных вида дейксиса – персональный, локативный (пространственный) и темпоральный (временной). Базовые языковые единицы, которые соответствуют данным трем видам, – это местоимения первого и второго лица (*я, вы*), локативные (*здесь*) и временные выражения (*сейчас*). Эти три типа относятся к «прагматическим переменным речевого акта» [3, с. 39–40], или эгоцентрическому дейктическому центру, на который ориентируются участники речевого акта.

На начальных этапах дети дошкольного возраста не используют дейктические элементы. Когнитивной предпосылкой овладения дейксисом является появление способности понимать чужую зрительную, пространственную точку

зрения [1; 4; 5]. Как показали наши исследования, проведенные на материале освоения детьми персонального дейксиса (например [1]), в процессе речевого онтогенеза ребенок сначала преодолевает так называемый ярлыкковый этап (на котором дейктические единицы не воспринимаются как таковые), затем – «эгоцентрический» (на котором ребенок начинает осознавать единственную точку отсчета – свою собственную) и лишь затем приходит к узуальному пониманию дейктических единиц.

В настоящем исследовании речь пойдет о темпоральном (временном) дейксисе и процессе его освоения детьми. К средствам выражения темпоральности в русском языке относятся существительные с темпоральной семантикой (типа *миг, мгновение, секунда*), темпоральные наречия, предложно-падежные конструкции и др. Освоение детьми дошкольного возраста указанных языковых единиц и будет объектом нашего внимания.

Понятие времени является для дошкольников довольно сложным, время воспринимается ими опосредованно, через такие объективные показатели, как режимные моменты, смена времен года, дней недели, частей суток и т. п. Сложности в восприятии времени связаны с индивидуальными и возрастными особенностями дошкольников: память и внимание у детей данного возраста носят произвольный характер, мышление преимущественно наглядно-действенное и наглядно-образное. Кроме этого, восприятие времени осложнено отсутствием одного определенного анализатора, «текучестью», а также субъективностью восприятия. Наконец, существенной причиной возникновения сложностей у детей при освоении темпорального дейксиса является их неспособность до определенного возраста, в силу известного детского эгоцентризма, встать на другую (не свою, не соответствующую своей нынешней) точку отсчета: например, ребенку сложно понять, что если речь идет о событиях вчерашнего дня, то словом «вчера» обозначается то, что по отношению к дню сегодняшнему было бы позавчера.

Поскольку осознание темпорального дейксиса и освоение дейктических языковых средств достаточно сложны для детей дошкольного возраста, естественно предположить, что в осознании этого лингвистического феномена ключевую роль должны играть базовые механизмы освоения языка, к которым мы относим генерализацию, дифференциацию и имитацию (подробнее см. [6]).

Освоение языка всегда происходит с опорой на генерализацию: в процессе речевого онтогенеза ребенку важно самому прийти к мысли о наличии в нем неких «классов». С.Н. Цейтлин отмечает, что генерализация помогает при минимальном объеме лексикона назвать как можно больший спектр явлений [7]. Однако она не всегда приводит к формированию в сознании детей категорий, соответствующих узуальной категоризации. Не говоря уже о лексико-семантических сверхгенерализациях на самых ранних этапах речевого онтогенеза, дети и в дальнейшем могут производить ошибочные обобщения, приводящие к неверному использованию языковых единиц. Вместе с тем, даже делая неверные обобщения, ребенок все равно продвигается в своем постижении языка, поскольку подобные генерализации позволяют ему включать в свой речевой арсенал единицы, семантика которых ему еще не совсем понятна.

Как показывает материал, самый существенный, самый ключевой механизм освоения языка – генерализация – помогает детям и в освоении темпорального дейксиса. Слово «помогает» вовсе не означает, что благодаря генерализации они сразу и безошибочно начинают понимать и использовать дейктические единицы; скорее, как ни парадоксально это звучит, наоборот – генерализация поначалу часто приводит детей к неверному выбору дейктических средств из числа возможных и к неверному их восприятию в речи окружающих, однако, начав так

или иначе воспринимать (пусть и ошибочно, неточно) семантику дейктических единиц и использовать их в речи (поначалу нередко тоже ошибочно и неточно), дети постепенно осваивают эти единицы и движутся к узуальному их пониманию и использованию.

В настоящем исследовании мы опирались на записи речи детей в работах различных авторов, а также на собственные записи, произведенные в 2020–2022 гг. в детском саду № 51 Калининского района Санкт-Петербурга¹.

Рассмотрим примеры, которые демонстрируют проявления генерализации в процессе освоения дейктических темпоральных единиц дошкольниками. На ранних этапах освоения темпоральных единиц дети могут понимать и использовать их как недейктические слова.

Например, как отмечается в дневнике М.Б. Елисеевой, Лиза в возрасте 2;10 «очень часто неправильно употребляет слово “сегодня”. Говорит, например, о папе, бабушке, которые сегодня что-то делали. При этом “сегодня” не означает “вчера” или “завтра”; это какое-то общее “временное” слово, тоже только что начавшее осваиваться» (Елисеева, дневник)². Мы полагаем, что этот и ему подобные примеры свидетельствуют о «ярлыковом» (ср. с онтогенезом персонального дейксиса) этапе освоения темпорального дейксиса: слово «сегодня» уже обозначает темпоральность, но еще не стало дейктической единицей, его релятивность, зависимость от точки отсчета еще никак не осознается.

Интересный пример встретился и нам в спонтанной речи детей. Так, Арина С. (4;6), одна из девочек, участвовавших в проводимом нами эксперименте на понимание семантики и использование единиц темпорального дейксиса, на все вопросы, связанные с определением времени, отвечала с помощью наречия *утром*. В ее спонтанной речи также встретилось высказывание, свидетельствующее о том, что данное слово является для нее неким универсальным маркером обозначения времени (любого времени): «Утром мы тоже такое делали» (о событии, произошедшем на прошлой неделе, не утром). Данный пример любопытен тем, что ребенок в данном случае не только не отсчитывает от точки отсчета «сейчас» (как в приведенном выше примере со словом *сегодня*), но даже не ориентируется и в движении по шкале суток, что в принципе проще, поскольку связано и к природным явлениям (утром восход солнца, вечером заход и т. п.), и к так называемым режимным моментам (утром иду в детский сад, днем нахожусь там и т. п.).

В дальнейшем дети начинают осознавать наличие некоей точки отсчета, но поначалу – только одной, собственной. В этот период они еще не способны мысленно перемещаться по шкале времени, принимать другие (не свои нынешние) точки отсчета. Примеры, демонстрирующие это, крайне редко можно наблюдать в спонтанной речи, поскольку это явление связано с пониманием и восприятием; такого рода примеры обычно получают в результате экспериментов. Наш эксперимент проводился на базе детского сада № 51 Калининского района города Санкт-Петербурга в 2021 г. В нем принимало участие 54 ребенка 4–5 лет (18 человек), 5–6 лет (18 человек) и 6–7 лет (18 человек). Всего было получено 1080 детских ответов. В частности, в эксперименте было несколько заданий, проверяющих способность детей встать на точку отсчета, не совпадающую на шкале времени с их точкой отсчета в момент ответа на вопрос. Так, в одном из заданий

¹ В тех случаях, когда пример принадлежит какому-либо автору, далее указывается источник; если пример был зафиксирован в детской речи нами – источник не указывается.

² При цитировании неопубликованного (однако используемого во множестве научных онтолингвистических исследований) дневника речи Лизы Е. (автор – М.Б. Елисеева) здесь и далее указываем: Елисеева, дневник.

Незнайка предлагает детям завершить предложение одним словом: «Вчера я виделся со своим другом Гунькой, и он сказал, что придет ко мне в гости завтра. Когда же мне его ждать в гости? (**сегодня**)». Детям всех трех возрастных групп оказалось тяжело встать на нужную точку отсчета, поэтому справились с заданием только трое детей 4–5 лет, четверо детей 5–6 лет и двое детей 6–7 лет. В большинстве неправильных ответов звучало наречие *завтра*: такой ответ был дан семью детьми 4–5 лет (38.8%), 11 детьми 5–6 лет (61.1%) и 12 детьми 6–7 лет (66.6%). Иными словами, анализируя информацию о завтрашнем походе Гуньки в гости, дети выбирают в качестве точки отсчета сегодняшний день (момент говорения), а не вчерашний, либо просто повторяют прозвучавшее в задании наречие *завтра*, даже не вдумываясь в смысл задания. Интересно, что с возрастом процент таких ответов не уменьшается, а возрастает, что говорит о том, что онтогенез темпорального дейксиса к 6–7 годам еще совсем не завершается.

Представляется, что подобные примеры демонстрируют, что и в процессе онтогенеза темпорального дейксиса (как и в процессе онтогенеза персонального дейксиса) после «ярлыкового» этапа (когда точки отсчета детьми еще не осознаются вообще), наступает «эгоцентрический» этап, на котором точка отсчета появляется, но пока она – единственная, генерализованная, совпадающая с точкой отсчета самого ребенка в момент ответа на вопрос. При этом, в отличие от онтогенеза персонального дейксиса, переход от «эгоцентрического» этапа к этапу узального понимания и использования дейктических единиц происходит существенно позднее: как видно из приведенных выше данных, к 6–7 годам этот процесс еще совсем не завершен.

При освоении детьми темпорального дейксиса встречаются и случаи другого рода, которые также свидетельствуют о выходящей за рамки узуса генерализации. Так, выявляются примеры, демонстрирующие, что дошкольники нередко путают единицы измерения времени, а средства выражения временных отношений часто остаются в недифференцированном виде. Дети часто заменяют друг на друга слова, называющие дни недели, времена года и т. п., однако самый факт использования средств обозначения темпоральности свидетельствует о начальном этапе их освоения с опорой на генерализацию, поскольку средство обозначения темпоральности уже используется, хотя еще в недифференцированном, генерализованном виде – указывая, например, на «время года вообще» или на «прошедшее время вообще»:

«А немножко лёда остается **летом**? Я точно, да, точно видел в окошко: летом оставался!» (Миша Т., 3,8) (уточнение от мамы, ведущей дневник: имеет в виду – **весной**) [8, с. 47];

«Мы **в прошлом году, в пятницу** этот мультик смотрели» (речь идет о событии прошлой недели) (Лена М., 4,2).

Обратимся к интересному примеру, демонстрирующему динамику генерализации в процессе освоения темпоральности.

В «Дневнике развития дочери» Н.А. Менчинской встречаются записи, демонстрирующие, что поначалу у ребенка представления о единицах измерения времени еще не сформированы, различные ассоциативные ряды, в том числе – темпоральный, смешиваются друг с другом:

«Спрашиваю ее, какой завтра день. Отвечает: **“Четверг”**. – “А дальше?” – **“Пятнадцать, шестнадцать”**. Спутались два ассоциативных ряда» (Наташа М., 3,3) [9, с. 46].

У этого же ребенка в 3 г. 9 мес. мама отмечает смешение различных ассоциативных рядов, но уже принадлежавших к одной категории времени: «Апрель, четверг, пятница» [9, с. 51].

Как видим, генерализация сохраняется, но спускается на более низкий (относительно более точный) уровень.

Через два года, когда девочке уже 5,8, ее спрашивают, сколько одной знакомой девочке лет: «Я не знаю, в каком **марте** она родилась» [9, с. 75]. Здесь ребенок в своей генерализации спускается на еще более низкий (и потому более точный в данном случае) уровень, однако генерализация как таковая сохраняется: название согипонима (*март*) служит для генерализованного обозначения гиперонима (*месяц*).

Такие примеры демонстрируют динамику – изменение характера и уровня генерализации в процессе освоения темпоральности.

Интересные факты выяснились и при анализе того, как дети дошкольного возраста воспринимают наречие *скоро*. Поскольку оно характеризует действие, которое произойдет через короткий промежуток времени, важно было проверить: а) понимают ли дети, что речь идет о событиях, которые произойдут в будущем, и б) осознают ли они, что это относительно близкое будущее. С этой целью детям всех трех возрастных групп был задан вопрос, какое событие, по мнению ребенка, произойдет скоро.

Дети 4–5 лет дали ответы: «День рождения будет скоро» (Аня П. (4,6); день рождения у ребенка через полгода), «скоро в школу пойду» (два человека – Рома Д. (4,4) и Ксюша В. (4,1); возможно, это повтор фразы, услышанной от родителей), «скоро я танцами ходила заниматься, на шпагат почти села» (Диана И. (4,10); вообще неверное понимание наречия). Таким образом, часть детей 4–5 лет еще не понимает даже того, что данное наречие относится к событиям, которые произойдут в будущем, а некоторые дети не осознают, что речь должна идти о событиях ближайшего будущего.

Совсем иные ответы были получены от детей 5–6 лет: «Скоро будут выходные» (Рома Л. (5,10); вопрос задавался во вторник), «мы с мамой на дачу скоро поедem» (Лера П. (5,10); речь идет о ближайших выходных), «мама с папой обещали, что скоро купят собаку» (Костя В., 5,7), «скоро буду в шахматном турнире участвовать» (Костя Ж. (6,0); это событие должно состояться на самом деле через неделю). Таким образом, все дети 5–6 лет продемонстрировали понимание, что речь должна идти о событии, которое состоится в будущем, однако это будущее для некоторых детей сначала предстает в несколько генерализованном виде, как относительно недалекое, но не обязательно действительно ближайшее будущее (например, о том, что выходные скоро, ребенок заявляет во вторник).

Что касается детей 6–7 лет, то многие в этом возрасте уже осознают, что наречие *скоро* должно относиться к событию, которое произойдет через действительно короткий промежуток времени. Так, в этом возрасте появляются ответы: «Скоро спать ляжем» (Настя К., 6,9), «мама должна меня скоро забрать» (Стас С., 7,2), «скоро в магазин пойдем с мамой» (Света К. (6,9); то есть ‘вечером’). Вместе с тем один ребенок данной группы заявил, что скоро будет его день рождения (Максим П. (6,5); день рождения будет через семь месяцев), что свидетельствует о том, что не все дети к этому возрасту уже преодолели стадию генерализованного восприятия наречия *скоро* в значении ‘вообще в будущем, не обязательно в ближайшем будущем’.

Итак, семантика наречия времени *скоро* осваивается детьми постепенно. Сначала она может восприниматься вообще неверно (без понимания значения будущего времени), затем возникает генерализованное восприятие этого наречия (*скоро* – ‘в будущем, но не обязательно в ближайшем будущем’), и лишь затем появляется понимание его значения, соответствующее узуальному. Таким обра-

зом, вновь можно отметить, что генерализация играет заметную роль в постижении ребенком семантики наречий времени: на определенном этапе она помогает осознать примерное, неточное значение наречия, после чего дети могут уточнять это приблизительное понимание, сводя его к узуальному.

В процессе освоения темпорального дейксиса у детей дошкольного возраста встречается довольно много ошибок, связанных со смешением антонимов.

Смешение антонимов также следует считать явлением, базирующимся на генерализации. Нам уже приходилось отмечать [6], что примеры типа *каши много* (в значении ‘мало’) или *ботинки велики* (в значении ‘малы’) в речи девочки Оли С. (3,10) демонстрируют, что для данного ребенка в определенный момент речевого онтогенеза более существенным оказывается фактор достаточности/недостаточности (в примере о каше) и фактор несоответствия размера (в примере о ботинках), чем дифференцирующие признаки различных типов – направленность в ту или иную сторону от «точки достаточности» или «точки соответствия размера». Иными словами, самый факт релятивности – как более генерализованный, интегрирующий фактор – оказывается более существенным для ребенка, чем «направление» релятивности – дифференцирующий фактор.

Подобные ошибочные замены слов их антонимами весьма частотны и на начальных этапах употребления наречий времени.

В данном случае речь идет об объединении двух антонимов на основе общих признаков и последующей замене в речи одного слова на другое. На основе анализа дневниковых данных и наших собственных записей спонтанной детской речи можно видеть, что дети часто смешивают такие слова, как *завтра* и *вчера*. Появляется сверхгенерализованное понятие дня, который отличается на один от сегодняшнего, причем направление движения (в прошлое или будущее), являющееся дифференцирующим фактором, не учитывается. В этом случае ребенком осознается ядерная сема, которая является общей для этих двух наречий, и наречия-антонимы могут использоваться как взаимозаменяемые. Приведем примеры таких детских высказываний:

«Мы к вам **вчера** придем» (4,0) (ГД, с. 25);

«**Вчера** мы будем готовиться к даче, собирать вещи всякие» (Лера К., 6,2);

«Я **завтра** мылся» (Алеша Е., 4,5) [8, с. 16];

«**Завтра** Витя упал и плакал» (Наташа М., 4,2) [9, с. 57];

«Я **завтра** с Мишей играл в шахматы» (Егор С., 5,1).

При этом, по нашим данным, следствием смешения антонимов *вчера* и *завтра* в речи детей чаще становится использование наречия *завтра* в значении ‘вчера’. Аналогичную ситуацию можно видеть и в отношении взаимозамены слов *послезавтра* и *позавчера* (сверхгенерализованное обозначение дня, отличающегося на два от сегодняшнего) – *послезавтра* в значении ‘позавчера’ встречается чаще:

«Я Лидию Николаевну **послезавтра**, когда на выходных, видел» (Егор С., 5,9);

«Это **послезавтра** Костя дал мне в глаз» (Лука Ш., 5,8).

Встречается в детской речи и смешение таких темпоральных наречий, как *еще* и *уже*:

«Ни памиись **узи**. Ты **узи** ипкая. **Узи** ты ипкая» (Не помылась **уже**. Ты **уже** липкая. **Уже** ты липкая. *Уже* в значении ‘еще’. О себе) (Лиза Е., 2,7) [10, с. 189];

«Я **еще** взрослая совсем» (3 г.) (ГД, с. 41);

«Ванечка **уже** не пришел» (наречие уже употреблено в значении ‘еще’, Лиза Е., 2,9). Мама Лизы Е. в своем дневнике добавляет комментарий: «Слова “еще” и “уже” употребляет и правильно, и одно вместо другого» (Елисеева, дневник);

«Папа биится... Папа итисся. Изитька итиссяи **ися**» (Папа бреется, папа причесался. Лизочка причесалась **еще**. Еще в значении 'уже') (Лиза Е., 2,1) (Елисеева, дневник).

Отметим, что наречие *еще* имеет временное значение 'до сих пор' и невременное значение 'опять, в добавление' (ТС). Ребенок же, как видно из примеров, путает с *уже* наречие *еще* именно во временном значении. В некоторых записях встречаются примеры попыток детей дифференцировать эти два временных понятия через вопрос: «Почему *будет* – это 'еще нет', а *было* – это 'уже нет'?» (Настя Т., 4,10) [11, с. 109].

В случае же употребления наречия *еще* в других, невременных значениях, ошибок в употреблении, а также смешения со словом *уже* нам не встречалось; *еще* используется верно:

Лиза Е. (2,7) в ванночке: «Вынимать тебя?» – «Нет, я **ися** памаюсь...» (Нет, я **еще** помоюсь) (Елисеева, дневник);

«Съела кусочек яблочка: “Дать ябителька”. Я дала, она говорит: “Иси ти опять сись, я **ися** тебе даду”» (Если ты опять съешь, я **еще** тебе даду=дам) (Лиза Е., 2,9) [10, с. 207];

Х. пытается вернуть кошачий корм обратно в тарелку: «**Ищй, ищй!** Не, ни фсё! Ни фсё! Няма! Тама, тама! Кома!» (**Еще! Еще!** Нет, не всё! Не всё! Кот! Там, там! Корм!) (Тимофей Р., 2,0) [12, с. 68];

«Х. долго рассматривал [картину], а когда мы уходили, несколько раз возвращался с криком “**Ищй**”» ('еще') (Тимофей Р., 2,0) [12, с. 73];

«Я папаль, **исё** буду пать» (я поспал, **еще** буду спать) (Боря М., 2,5) [13, с. 43];

«Кончилось печенье. Аня (2,08): “Надо **иссё** купить!”» [13, с. 33].

В детской речи выявляются ошибки и в употреблении слов *рано* и *поздно*. Генерализация, свойственная ребенку дошкольного возраста, препятствует дифференциации данных наречий, поэтому отмечается ряд случаев их взаимозамены. Отрезок времени «до какого-то периода» или «после какого-то периода» обозначается одним из этих слов – либо *поздно*, либо *рано*:

«Мне **поздно** говорить такие слова» (то есть 'рано') (Лиза Е., 4,8) (Елисеева, дневник);

«Съешь ладью, пока не **рано**» ('поздно') (Матвей М., 6,5);

«**Рано** уже эту деталь сюда совать, видишь, здесь другая стоит» ('поздно') (Никита Г., 5,10).

Генерализация в процессе освоения темпорального дейксиса также проявляется в обозначении будущего или прошедшего времени одним темпоральным словом.

Так, для обозначения абстрактного будущего дети, как правило, используют наречия *завтра* или *скоро*. При этом для них не имеет значения, насколько событие удалено от сегодняшнего дня:

«**Скоро** папа придет! Нужно подождать два времени года, мама сказала» (Маша М., 6,2);

«Когда будет праздник?» – «Через месяц». – «Ааа, это только **завтра** наступит» (Миша К. 5,10).

Последний пример интересен тем, что ребенок употребляет наречие *завтра* как окказиональный синоним к *через месяц*, наглядно демонстрируя, что *завтра* для него – это 'в будущем', безотносительно к сроку ожидания события, то есть обозначает генерализованное будущее время.

Заметим, кстати, что дети иногда употребляют в качестве антонима к наречию *скоро* (в значении 'через небольшой, недлительный промежуток времени')

слово *долго* (в окказиональном значении ‘через большой, длительный промежуток времени’):

«Когда я вырасту до неба, я буду всех – больших и маленьких – на руках носить». – «А когда это будет? **Скоро?**» – спрашивает отец. – «Нет, **долго**, когда все дома поломаются» (Наташа М., 4,2) [9, с. 57];

«Скоро в школу пойдем, будем на переменах в телефоне играть». – «Это **не скоро, а долго**, много месяцев пройдет» (Даня Х., 6,8).

Иногда, говоря о каком-то временном отрезке, дети употребляют вместо *долго* слово *долго* в синонимичном слову *долго*, но в окказиональном значении. Смещение этих наречий происходит на основе генерализации – как обозначение чего-то продолжительного:

«Мне все снилось, потому что я очень **долго** (‘долго’) спал» (Алеша Д., 4,7) [8, с. 11].

В спонтанной речи детей также встречаются высказывания с использованием предлога *через* для передачи темпоральных отношений. Нельзя сказать, что все дошкольники точно понимают значение словосочетания *через X минут*, однако подобного рода конструкции в их речи служат для выражения темпоральных отношений и правильно передают общее значение будущего времени:

«Да я ого-го большой. **Через семь минут** я ка-а-к вырасту, выше Вас буду» (Семен Е., 4,3);

«А можно я не буду запеканку есть? **Через минуту** нас уже заберут домой» (Тимофей Х., 6,3).

Для генерализованного обозначения прошлого дети нередко используют наречия времени *вчера*, *давно* или *давным-давно*:

«На дачу едут! А мы **давно, давно** приехали». – «Когда? Вчера?» – «Нет». – «Сегодня?» – «Нет». – «Завтра?» – «Нет. Мы **давно, а не севоня** приехали!» (Наташа М., 4,2) [9, с. 57];

«Я **давным-давно** приносила куклу LOL» (Лиза З., 6,6);

«Мы библиотеку видели, она **давно** разрушена, камни обвалились» (Артем Х., 6,9);

«**Давным-давно**, когда я была маленькая, я с папой ходила в лес за грибами» (Таня Г., 5,3);

«У нас **вчера** сестренка родилась!» (Соня С., 4,6) (на самом деле, сестра у Сони родилась месяц назад);

«Мне Витя **вчера** глаза засыпал» (это было летом). – «Чем засыпал?» – «Песоцком» (Наташа М., 2,7) [9, с. 38].

Иногда для обозначения действия в прошлом дети используют такие слова, как *зимой*, *ночью* и т. п. Подобные примеры встречаются в книге «Детство Хомы: дневник научных наблюдений»:

«Сесь били **симой**» (Тимофей Р., 2,4) (Примеч. мамы: «Здесь были **зимой**». Потом говорил, что «здесь была лужа зимой», и вообще периодически вспоминал про зиму. Не уверена, что имел в виду именно зиму, думаю, это скорее означало «мы были здесь раньше, тогда погода была другая») [12, с.150–151];

«Сережа не пойдет гулять, потому что болеет». – «Циму касиит?» (почему кашляет?) – «Потому что простудился». – «А агони... Гулял **ночью!**» (в вагоне; гулял **ночью**) (Тимофей Р., 2,4). Мама Тимофея отмечает, что *ночью* (как и *зимой*) – часто значит не ‘ночью’ и даже не ‘в темное время суток’, а является универсальным маркером прошедшего времени (‘когда-то раньше’). Оказываясь в тех местах, где мама с Тимофеем уже были (вчера, на днях, довольно давно), мальчик все время утверждал, что они были здесь ‘ночью’ или ‘зимой’. Автор дневника предполагает, что ночью относится к недавнему прошлому (вчера, не-

делю назад), а зимой – к достаточно отдаленному (весной, в начале лета и др.) [12, с. 157];

«Мусях **ночью** асипали, нада ухах нисьци била» (Мусор **ночью** ('когда-то раньше') рассыпали, надо в руках нести было) (Тимофей Р., 2,6) (Примеч. мамы: «Проходя мимо помойки, вспомнил, как у нас несколько дней назад лопнул мусорный мешок и мы действительно таскали мусор на помойку руками») [12, с. 173].

Примеры смешения средств выражения временных отношений мы находим в дневнике М.Б. Елисеевой у ее дочери Лизы. Ранее мы уже описывали случаи смешения средств выражения персональности в речи Лизы [3], в приводимом же ниже примере происходит смешение средств выражения темпоральности. В дневнике можно найти запись, которая показывает, каким образом Лиза употребляет новое для нее наречие времени в новой ситуации:

«Утром.

– На горшочек не хочешь?

– Нет. **Яна** я написая (**рано** я пописала).

Было сказано не впервые. Я поправляю: “**Недавно**”. Вечером: “*Это ся ипия. Нидана ипия*” (Это все выпила. **Недавно** выпила)» (Лиза Е., 2,7) (Елисеева, дневник).

Наречие, которое Лиза услышала утром, она уже к вечеру самостоятельно употребляет в другой ситуации, притом делает это верно. Это говорит о том, что ребенок оказывается способен использовать услышанное слово не только в том контексте, в котором его употребила утром мама, но тут же включает его в активную речь, что свидетельствует о понимании семантики этого наречия и способности ребенка отвлечься от конкретного контекста. Вероятно, причиной этого является очевидная склонность данного ребенка к генерализации, описанная нами ранее [1].

Итак, генерализация помогает детям осваивать темпоральность. Средства обозначения темпоральности постепенно входят в активную речь детей – пусть вначале и в неточном (обычно генерализованном) значении. Постепенно их семантика уточняется, пока не начинает соответствовать узуальной.

Источники

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/index.html>, свободный.

ГД – Говорят дети: словарь-справочник / Сост. С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева, Л.Н. Галактионова, Т.А. Трифонова. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2021. 172 с.

ТС – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Аз, 1996. 928 с.

Литература

1. Доброва Г.Р. Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства). СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. 492 с.
2. Доброва Г.Р. Русская грамматика и место исследований детской речи в ее изучении (на материале персонального дейксиса) // Russian Grammar: System – Usus – Variation / Ed. by Warditz V. Berlin: Peter Lang – GmbH Int. Verlag Wiss., 2021. V. 1. С.79–92.
3. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений / Отв. ред. В.А. Успенский. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 296 с.
4. Loveland K. Learning about points of view: Spatial perspective and the acquisition of ‘I/you’ // J. Child Lang. 1984. V. 11, No 3. P. 535–556. URL: <https://doi.org/10.1017/S0305000900005948>.

5. *Dobrova G.* The acquisition of spatial points of view as a cognitive prerequisite for the acquisition of deixis: Evidence from Russian children's speech perception and production // *Psychol. Lang. Commun.* 1999. V. 3, No 2. P. 73–82.
6. *Доброва Г.Р.* Базовые и вспомогательные механизмы освоения языка в аспекте вариативности речевого онтогенеза // *Acta Linguist. Petropolitana. Труды института лингвистических исследований.* 2017. Т. 13, № 3. С. 651–679.
7. *Цейтлин С.Н.* Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М.: Владос, 2000. 240 с.
8. *Детская речь. Тексты, дневники, наблюдения. Вып. I (Учебные материалы) / Сост. М.Д. Воейкова, М.Б. Елисеева.* СПб.: Образование, 1993. 143 с.
9. *Менчинская Н.А.* Психическое развитие ребенка от рождения до 10 лет. М.: Ин-т практической психологии, 1996. 184 с.
10. *Елисеева М.Б.* Становление индивидуальной языковой системы ребенка: ранние этапы. М.: Яз. слав. культуры, 2015. 344 с.
11. *Дети о языке: метаязыковая деятельность и языковая рефлексия / Сост. С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева, Т.В. Кузьмина, Л.Н. Галактионова, Т.А. Трифонова, М.П. Итальяни (Ташман).* СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2022. 242 с.
12. *Рыко А.И.* Детство Хомы: Дневник научных наблюдений. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. 288 с.
13. *От двух до трёх: Дневниковые записи / Сост. С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева.* СПб.: ТОО «Бионт», 1998. 158 с.

Поступила в редакцию 15.01.2023

Принята к публикации 15.03.2023

Доброва Галина Радмировна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкового и литературного образования ребенка

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

наб. реки Мойки, д. 48, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия

E-mail: galdobr@peterlink.ru

Петелина Ольга Игоревна, воспитатель детского сада

Детский сад № 51 Калининского района

ул. Демьяна Бедного, д. 16, к. 3, г. Санкт-Петербург, 195274, Россия

E-mail: petelina72@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 3, pp. 79–90

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.3.79-90

On the Role of Generalization in the Process of Temporal Deixis Ontogenesis

G.R. Dobrova, O.I. Petelina***

**Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, 191186 Russia*

***Kindergarten No. 51 of the Kalininsky District, St. Petersburg, 195274 Russia*

E-mail: *galdobr@peterlink.ru, **petelina72@mail.ru

Received January 15, 2023; Accepted March 15, 2023

Abstract

This article examines the role of generalization in the process of mastering temporal deixis in preschool children. Up to a certain age, children have difficulty in the acquisition of deixis, which is due to their individual and age-related characteristics, subjective perception of time, and inability to adjust to an actual starting point when it fails to match their “I-here-now” understanding. Here, the results of an analysis of children’s statements (from our notes and the diary entries by various authors) and the experimental data from 54 children aged 4 to 7 years are discussed and summarized. A number of examples are provided that prove the key importance of generalization skills in the acquisition of temporal deixis by preschool children. Detailed investigation of children’s statements reveals that most preschool children make incorrect generalizations in the early stages of speech ontogenesis: they often use “labels” (certain general “temporal” words that do not depend on the reference point) to mark time intervals, confuse and interchange antonyms like “tomorrow” and “yesterday”, use the same temporal word to refer to all past or future events, or mix up various associative series that belong to the category of time. However, through the incorrect choice and use of deictic means, young children gradually begin to recognize the meaning and correct use of deictic units. Thus, generalization facilitates children’s ability to comprehend language and its phenomena, such as the use of temporal deixis. The obtained results may be helpful for further psycholinguistic and ontolinguistic research, for teaching special courses on psycholinguistics, and for the work of specialists in the field of preschool education and speech ontogenesis.

Keywords: deixis, temporal deixis, temporal units, speech ontogenesis, generalization, reference point, adverbs of time

References

1. Dobrova G.R. *Ontogenez personal'nogo deiksisa (lichnye mestoimeniya i terminy rodstva)* [Ontogenesis of Personal Deixis (Personal Pronouns and Kinship Terms)]. St. Petersburg, Izd. RGPU im. A.I. Gerzena, 2003. 492 p. (In Russian)
2. Dobrova G.R. Russian grammar and the place of child language research in its study (based on personal deixis). In: Warditz V. (Ed.) *Russian Grammar: System – Usus – Variation*. Vol. 1. Berlin, Peter Lang GmbH – Int. Verlag Wiss., 2021, pp. 79–92. (In Russian)
3. Paducheva E.V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu: Referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii* [Speech and Its Correlation with Reality: Referential Aspects of the Semantics of Pronouns]. Uspenskii V.A. (Ed.). Moscow, Izd. LKI, 2010. 296 p. (In Russian)
4. Loveland K. Learning about points of view: Spatial perspective and the acquisition of ‘I/you’. *Journal of Child Language*, 1984, vol. 11, no. 3, pp. 535–556. URL: <https://doi.org/10.1017/S0305000900005948>.
5. Dobrova G. The acquisition of spatial points of view as a cognitive prerequisite for the acquisition of deixis: Evidence from Russian children’s speech perception and production. *Psychology of Language and Communication*, 1999, vol. 3, no. 2, pp. 73–82.
6. Dobrova G.R. Basic and auxiliary mechanisms of language acquisition in terms of speech ontogenesis diversity. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta Lingvisticheskikh Issledovaniy*, 2017, vol. 13, no. 3, pp. 651–679. (In Russian)
7. Tseitlin S.N. *Yazyk i rebenok: Lingvistika detskoi rechi* [Language and the Child: Linguistics of Children’s Speech]. Moscow, Vldos, 2000. 240 p. (In Russian)
8. Voeikova M.D., Eliseeva M.B. *Detskaya rech'. Teksty, dnevniki, nablyudeniya. Vyp. I (Uchenbye materialy)* [Children’s Speech. Texts, Diaries, Observations. Issue I (Study Materials)]. St. Petersburg, Obrazovanie, 1993. 143 p. (In Russian)
9. Menchinskaya N.A. *Psikhicheskoe razvitiye rebenka ot rozhdeniya do 10 let* [Mental Development of the Child from Birth to 10 Years]. Moscow, Inst. Prakt. Psikhol., 1996. 184 p. (In Russian)
10. Eliseeva M.B. *Stanovlenie individual'noi yazykovoi sistemy rebenka: rannie etapy* [Individual Language System Formation by the Child: Early Stages]. Moscow, Yazyki Slav. Kul't., 2015. 344 p. (In Russian)
11. Tseitlin S.N., Eliseeva M.B., Kuz'mina T.V., Galaktionova L.N., Trifonova T.A., Italiani (Tashman) M.P. (Eds.). *Deti o yazyke: metayazykovaya deyatel'nost' i yazykovaya refleksiya* [Children about

- Language: Metalinguistic Activity and Reflection on Language]. St. Petersburg, Izd. RGPU im. A.I. Gertsena, 2022. 242 p. (In Russian)
12. Ryko A.I. *Detstvo Khomy: Dnevnik nauchnykh nablyudenii* [Khoma's Childhood: A Diary of Scientific Observations]. St. Petersburg, ILI Ross. Akad. Nauk, 2018. 288 p. (In Russian)
 13. Tseitlin S.N., Eliseeva M.B. *Ot dvukh do trekh: Dnevnikovyie zapisi* [From Two to Three: Diary Entries]. St. Petersburg, TOO "Biont", 1998. 158 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Доброва Г.Р., Петелина О.И. О роли генерализации в процессе онтогенеза темпорального дейксиса // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 3. С. 79–90. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.79-90>. ⟩

⟨ **For citation:** Dobrova G.R., Petelina O.I. On the role of generalization in the process of temporal deixis ontogenesis. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 3, pp. 79–90. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.79-90>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81`23

doi: 10.26907/2541-7738.2023.3.91-104

КОГНИТИВНЫЕ ПРЕДВЕСТНИКИ РАЗВИТИЯ ДЕТСКОЙ ГРАММАТИКИ ПО ДАННЫМ МАКАРТУРОВСКИХ ОПРОСНИКОВ И CASE STUDY

М.Б. Елисеева^{*1}, Е.А. Вершинина^{**}

**Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, 191186, Россия*

***Институт физиологии им. И.П. Павлова РАН, г. Санкт-Петербург, 199034, Россия*

Аннотация

В статье рассмотрено развитие явлений, предшествующих формированию морфологического компонента языковой способности детей. Работа основана на анализе ответов родителей на вопросы «Теста речевого и коммуникативного развития детей раннего возраста: слова и предложения» (Макартуровского опросника). Были использованы данные 1037 опросников для детей в возрасте 18–36 мес. (550 девочек, 487 мальчиков). Второй тип анализируемых данных – дневниковые записи речи одного ребенка. Исследование подтвердило положение о приоритете когнитивного над языковым в развитии ребенка. Отмечается, что сначала у детей возникает интенция выразить некие идеи (об отсутствующем обладателе предмета, о предмете вне поля зрения, о будущем, о прошлом), а впоследствии они учатся выражать их с помощью языковых средств. Иерархия появления в речи ребенка высказываний указанных типов обусловлена не языковыми, а когнитивными факторами. Проще всего назвать отсутствующего в данный момент взрослого при виде его вещи. Высказывания об отсутствующих в поле зрения предметах или о ближайшем будущем появляются позже. Наиболее сложны (поскольку менее необходимы) высказывания о прошлом. Неморфологические способы выражения указанных смыслов постепенно заменяются морфологическими.

Ключевые слова: речевой онтогенез, когнитивное развитие ребенка, ранний возраст, когнитивные предпосылки усвоения морфологии, языковая способность, гендерные нормы, Макартуровский опросник, дневниковый метод, case study

Введение

Идеи Д. Слобина о «первичности развития познавательных процессов» [1, с. 154] чрезвычайно значимы в контексте настоящей статьи: «...Язык используется только для выражения того, что ребенок уже знает» [1, с. 156]. Д. Слобин пишет о том, что «развитие познавательных процессов вызывает появление семантических намерений, для которых должны быть получены новые средства выражения. <...> ...Развитие семантики у ребенка опережает развитие формальной грамматики» [1, с. 158].

На этапе однословных высказываний в речи детей возникают простейшие – еще не грамматические – способы обозначения времени (прошлого и будущего), принадлежности и семантики отсутствия предмета. Эти способы предшествуют гораздо более сложным – грамматически оформленным высказываниям с тем же значением. Таким образом, специфически детские способы передачи этой се-

¹ Проект реализуется победителем грантового конкурса для преподавателей магистратуры 2021/2022 Стипендиальной программы Владимира Потанина.

мантики предшествуют формированию грамматического компонента языковой способности детей и началу формирования грамматических категорий.

В статье анализировались данные двух типов.

Во-первых, это раздел Макартуровского опросника для детей от 18 до 36 мес. «Как ребенок использует слова?», занимающий место между разделами «Слова» и «Грамматика» и включающий четыре вопроса, которые оценивают «степень того, как ребенок употребляет слова, чтобы отнести их к прошлому, к будущему или пропущенным или отсутствующим предметам или людям²» [2, р. 74]. Это те же самые пункты, которые оценивают авторы первоисточника (*MacArthur-Bates Communicative Development Inventories*): 1. Говорит ли Ваш ребенок об уже прошедших событиях? 2. Были ли случаи, когда ребенок говорил о событиях, которые должны случиться в ближайшем будущем? 3. Говорит ли ребенок об объектах, отсутствующих в данный момент в поле зрения? 4. Называет ли ребенок обладателя вещи в его отсутствие, когда видит эту вещь?

Все вопросы проверяют активную речь ребенка, как и в первоисточнике³, но не имеют цели выяснить, возникли ли какие-либо морфологические категории: употребляются ли глаголы в форме прошедшего/будущего времени и притяжательные прилагательные. Указанные пункты можно назвать когнитивными предпосылками, формирующими базу будущей грамматики. Готов ли ребенок к освоению содержания категории времени глагола или семантической категории посессивности? Способен ли он не только думать, но и говорить о прошлом, будущем, об исчезнувших из поля зрения предметах, а также вспоминать и обозначать вербально взрослого, увидев принадлежащую ему вещь? В каком порядке происходит вербализация определенных когнитивных умений?

Другой тип материала, на основе которого рассмотрены упомянутые выше вопросы, – дневниковые данные речи одного ребенка (Лизы Е.), проанализированные в ряде публикаций, например [3].

Количественные данные, характеризующие высказывания детей обоих полов о прошлом, о будущем, о предмете вне поля зрения и об отсутствующем обладателе предмета

Для детей, достигших 18 мес., фиксируется следующий порядок формирования указанных умений:

- 1) 69% детей называют владельца вещи в его отсутствие по принадлежащему ему предмету;
- 2) 54.8% говорят о ближайшем будущем;
- 3) 45.2% вспоминают об отсутствующем предмете;
- 4) 19% говорят о прошедших событиях.

В 24 мес. показатели первых трех умений практически одинаковы, а показатель четвертого (самого труднодостижимого), хотя и ниже, приближается к остальным:

- 1) 88.5% детей называют владельца вещи в его отсутствие по принадлежащему ему предмету;
- 2) 88.5% называют отсутствующий объект;
- 3) 86.9% говорят о ближайшем будущем;
- 4) 70.5% упоминают прошедшие события.

В целом определенная иерархия степени сложности данных явлений сохраняется до 30 мес.: первым возникает умение назвать отсутствующего взрослого

² Перевод в цитатах наш. – М.Е., Е.В.

³ В MacArthur-Bates CDI в соответствующем разделе (“How children use words”) есть ещё один, пятый, вопрос, несколько выпадающий из списка, поскольку касается другой важной области – понимания речи взрослого: «Понимает ли ребёнок, когда вы спрашиваете его о чем-то, чего нет в комнате?» В русской версии опросника аналога для этого вопроса нет.

по принадлежащему ему объекту; последними появляются высказывания о прошлом.

Если говорить о возрасте, когда более 90% детей усваивают указанные умения, то мы увидим следующее: дети называют

- 1) владельца вещи в его отсутствие в 22 мес.;
- 2) отсутствующий в поле зрения объект – в 25 мес.;
- 3) будущие события – в 30 мес.;
- 4) прошлые события – в 31 мес. (см. табл. 1 и рис. 1⁴).

Табл. 1

Как ребенок использует слова: процент утвердительных ответов

Age in months	combined	boy	girl	Past	Future	absent object	absent owner
18	42	18	24	19.0	54.8	45.2	69.0
19	41	19	22	26.8	56.1	56.1	70.7
20	45	27	18	31.1	68.9	60.0	86.7
21	43	21	22	48.8	65.1	74.4	81.4
22	51	22	29	54.9	74.5	86.3	92.2
23	56	19	37	67.9	83.9	89.3	94.6
24	61	33	28	70.5	86.9	88.5	88.5
25	66	27	39	78.8	84.8	92.4	95.5
26	52	26	26	76.9	84.6	92.3	90.4
27	60	23	37	63.3	88.3	86.7	91.7
28	60	32	28	78.3	86.7	95.0	98.3
29	58	28	30	86.2	89.7	98.3	96.6
30	77	35	42	88.3	93.5	96.1	98.7
31	61	29	32	95.1	95.1	98.4	98.4
32	55	26	29	76.4	74.5	94.5	96.4
33	55	28	27	96.4	96.4	98.2	100.0
34	58	27	31	93.1	98.3	96.6	98.3
35	47	25	22	89.4	87.2	97.9	93.6
36	49	22	27	95.9	83.7	98.0	100.0

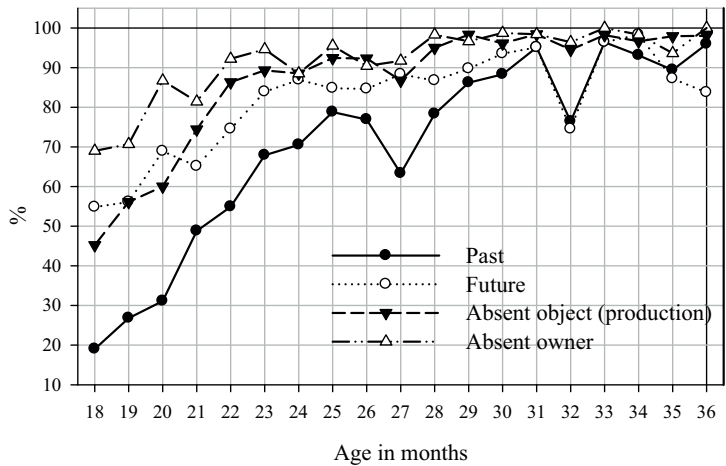

Рис. 1. Называние прошедших событий, будущих событий, отсутствующего в поле зрения объекта и обладателя предмета в его отсутствие (мальчики и девочки)

⁴ Мы оставляем в таблице и внутри графиков названия рассматриваемых явлений по-английски: это представляется более удобным и компактным. – М.Е., Е.В.

Думая о том, что сейчас отправится на прогулку, ребенок легко произносит «гулять» (гить или топ-топ), но, когда это действие уже в прошлом, вспомнить о нем и назвать его – гораздо сложнее. Это особенно интересно, если учесть два факта. Во-первых, для того чтобы сказать о будущем (пусть и ближайшем), нужно вспомнить прошлое. Ребенок не раз гулял, и он помнит об этом. Глядя на ботинки, которые надевают на улицу, ребенок вспоминает о прошлых прогулках, но говорит не о них, а об актуальном – о будущей прогулке. Во-вторых, в русской детской речи грамматические формы прошедшего времени всегда появляются параллельно с формами настоящего и раньше, чем формы будущего времени [3].

**Иерархия сложности вербализации различных представлений
(о прошлом, о будущем, о предмете вне поля зрения, об отсутствующем
обладателе предмета) в речи англоязычных детей в сопоставлении
с русским материалом**

Сопоставим русские данные с данными англоязычных детей. В Table 4.20 [2, р. 76] приведен процент утвердительных (иногда или часто) ответов на эти вопросы американских детей в возрасте от 16 до 30 мес. Ожидаемо легче всего ребенку не высказаться самому, а понять речь взрослого: в 16 мес. уже 90.5% детей обнаруживают реакции, свидетельствующие о понимании вопроса взрослого об отсутствующем объекте, в дальнейшем этот показатель устойчиво превышает 90% и к 30 мес. достигает 98.8%.

Что касается продуцирования, иерархия сложности вербализации выстраивается поначалу так же, как у русскоговорящих детей, хотя скорость усвоения указанных явлений у американских детей несколько выше.

Так, в возрасте 18 мес.:

- 1) 74.8% говорят о предмете, принадлежащем отсутствующему взрослому;
- 2) 65.4% называют отсутствующий объект;
- 3) 43.7% упоминают о будущем;
- 4) 37.9% – о прошлом.

В 24 мес. показатели перечисленных умений англоязычных детей сближаются и несколько отличаются от русских данных (см. предыдущий раздел):

- 1) 97.8% называют отсутствующий объект;
- 2) 94.8% упоминают предмет, принадлежащий отсутствующему взрослому;
- 3) 80% детей говорят о прошлом;
- 4) 78.5% – о будущем.

В 30 мес. почти все показатели одинаковы и превышают 90%.

Более 90% американских детей называют владельца вещи в его отсутствие в 22 мес. (этот показатель точно совпадает с показателем русскоговорящих детей), отсутствующий в поле зрения объект – в 23 мес. (на два месяца раньше), говорят о будущем – в 30 мес. (что совпадает с нашими данными), о прошлом – в 30 мес. (на месяц раньше).

Для сопоставления данных наиболее важен начальный, «доморфологический» этап – 18 мес.

Вне зависимости от того, какой язык дети осваивают – русский или английский, порядок появления в речи определенных типов высказываний неизменен.

Проще всего, вследствие наибольшей актуальности для ребенка, назвать отсутствующего взрослого при виде хорошо знакомой вещи, ему принадлежащей.

На втором месте – высказывания об отсутствующих в данный момент предметах или о будущих событиях.

На третьем месте в этой иерархии – высказывания о прошлом.

Прежде чем будет сформулировано предположение о причинах именно такого порядка появления определенных типов высказываний в речи детей, рассмотрим каждый из пунктов отдельно.

Предпосылки усвоения семантической категории посессивности

Уже «в конце первого года жизни предметы окружающего мира перестают быть изолированными в восприятии ребенка, он все чаще сам или с помощью взрослого начинает устанавливать между ними различные отношения и связи» [4, с. 175]. Однако вербализовать эти отношения большинство детей начинают позже – в возрасте около полутора лет.

С.Н. Цейтлин пишет об усвоении детьми категории посессивности, характеризуя ее как одну «из самых сложных как в семантическом, так и в формальном отношении категорий» [5, с. 201].

Когда ребенок говорит *баба* при виде бабушкиных очков, он называет субъект посессивности, а имеет в виду объект, при этом связка, указывающая на характер отношений между ними, отсутствует. Подобные голофразы – путь к возникновению атрибутивных посессивных высказываний (когда объект принадлежит субъекту)⁵. Л. Рескола называет подобные случаи *predicate statements* [6, р. 321] («предикативными утверждениями») и считает их одним из типов лексико-семантических сверхгенерализаций (первые два – «категориальные» и «аналогические», об этом см. подробно [3, с. 90–91]). Таким образом ребенок пытается обозначить связь между имеющимся и отсутствующим предметом, свойством, состоянием, а не назвать сам референт. Некоторые авторы не признают сверхгенерализациями «предикативные утверждения», так как это результат зарождающейся грамматической системы [7, р. 487].

Среди подобных примеров могут быть и посессивные, и реляционные. С.Н. Цейтлин пишет, что «категория посессивности может быть рассмотрена как частный случай более широкой категории реляционности. В основе категории реляционности лежит установление отношений между любыми предметами и явлениями» [5, с. 207]. Приведем примеры из *case study* [8, с. 136–171]. Лиза Е. говорила *nana* не только о папиных плаще и шляпе, но и о мяче, который надувал отец. Интересно, что слово *nana*, появившееся в 9 мес., таким («посессивным») образом ребенок стал употреблять только в 1,6⁶. В 1,9 слово *nana* стало обозначать только папу: в 1,8–1,9 в речи ребенка произошел лексический взрыв, сразу вслед за этим – морфологический: появились морфологические категории существительного и глагола [3]. Протослово *ай/анка* (о брате) возникло в речи Лизы в 1,6 и использовалось и реляционно, и посессивно: так назывались и ремень, который ел брат (1,6), и книга М. Пришвина, которую он читал (1,9; реляционные употребления), и его мячик, и дерево, которое в семье называли «Алешина яблонька» (1,8), посаженное в год его рождения (посессивные употребления). Слово исчезло в 1,10.

С.Н. Цейтлин пишет о «сложных отношениях между релятивностью и посессивностью»: сначала дети выражают общую идею отношения одного предмета к другому, а позже конкретизируют это отношение, выделяя посессивное как один из возможных вариантов [5, с. 207]. В дневнике наблюдений за речью ребенка отмечено, что употребление слов *мама*, *nana*, *баба* с указанием на принадлежность предмета довольно часто встречается в возрасте 1,6.

Притяжательные прилагательные с суффиксом *-ин(а)* активно воспроизводятся ребенком, согласно дневнику, с 1,8,15: *мамин(а)*, *папин(а)*, *Алешин(а)*, *те-*

⁵ О разных типах посессивности, вслед за Э. Бенвенистом, пишет С.Н. Цейтлин [5, с. 205].

⁶ Возраст ребенка в дневнике указан следующим образом: количество лет, месяцев, и, если нужно, дней.

тин(а), Катин(а), Костин(а) и т. п. Одной из двух первых словообразовательных моделей, по которой образуются окказионализмы, является отсубстантивное образование притяжательных прилагательных с помощью суффикса *-ин(а)* – к двум годам это 9 слов: *апкин(а,ы), бабин(а), дедин(а), конин, братин(а), сумочкин, котин, котикин, собакин* [3, с. 218]. Это свидетельство когнитивной и языковой доступности данной модели.

Высказывания ребенка об отсутствующем предмете

Высказывания о предметах, находящихся вне поля зрения ребенка, как следует из результатов анализа, оказались на втором месте по порядку появления в речи ребенка.

Ж. Пиаже пишет: «...Иметь понятие об объекте – значит приписывать воспринятую фигуру субстанциальной основе, благодаря чему фигура и представляемая ею субстанция продолжают существовать вне поля восприятия» [9, с. 49]. До достижения этой стадии развития сенсомоторного интеллекта «ребенок совсем не стремится отодвинуть платок, положенный на объект, который он хочет взять... он ведет себя так, словно предмет исчез в платке и прекратил свое существование как раз в тот момент, когда вышел из поля восприятия» [9, с. 50]. С 9 мес. до полутора лет ребенок переходит ко второму подпериоду развития сенсомоторного интеллекта: «происходит объективация схем практического интеллекта в пространственной сфере» и «появляется представление о независимом и постоянном существовании других предметов. “Постоянство” объекта состоит в том, что теперь вещь для ребенка – не только перцептивная картинка, а имеет свое независимое от восприятия существование. Ранее исчезнувший предмет как бы “прекращал свое существование”, теперь младенец проявляет активность в поиске предмета, спрятанного на его глазах» [4, с. 117].

В дневниковых записях речи Лизы Е. в 7 мес. читаем, что ребенок сразу забывает о предмете, как только теряет его из виду, а в 8 мес. активно начинает его искать. Отмечено, что в этом же возрасте «ее интерес к окружающему столь велик, что на него обращают внимание и посторонние – в трамвае, в метро» [8, с. 123]. Подобный этап «предметного фетишизма», когда «непосредственное эмоциональное общение с взрослым становится менее существенным для ребенка, чем действия с предметами» [10, с. 39], подтверждается дневниковой записью: «Если очень заинтересована каким-нибудь предметом, совсем не смотрит на меня, даже если я усиленно пытаюсь обратить на себя ее внимание» [8, с. 123].

Что касается словесных упоминаний ребенком отсутствующих предметов, впервые, согласно дневнику, они фиксируются в речи девочки в возрасте 1,1. К этому моменту в активном словаре ребенка было 10 слов, и единственным частотным словом было *мама*, употребляемое и в отсутствие матери, но не для называния: когда хотела есть («пожелательное слово», в терминологии Р. Гауппа). В 1,4 девочка стала называть *дядя* ворота и часть трассы, по которой едет лыжник (в его отсутствие).

Современные психологи критикуют мнение Ж. Пиаже о том, что безуспешный поиск невидимого объекта свидетельствует об отсутствии его репрезентации у ребенка: «Эксперименты показывают, что младенцы в возрасте 4-х месяцев понимают, почему объект перемещается... Исследования Е.А. Сергиенко показали, что предвосхищение непрерывного движения объекта наблюдается уже у младенцев 3-недельного возраста» [11, с. 246].

Так или иначе, но представления ребенка о постоянстве объекта возникают значительно раньше, чем умение о нем высказаться: назвать предмет, исчезнувший из виду.

Высказывания ребенка о будущем и о прошлом

Хотя, по теории Ж. Пиаже, дети проявляют первые признаки умения предвосхитить события (например, плачут при виде йода) уже в 8–12 мес. [4, с. 172], говорить о будущем (даже ближайшем) они начинают значительно позже.

В последнюю очередь в речи детей раннего возраста появляется вербализация мысли о прошлом.

Р. Аткинсон и др. пишут о том, что «наличие способности к научению и запоминанию в самом раннем возрасте подтверждается рядом исследований» [12, с. 88]. Авторы приводят разнообразные примеры, свидетельствующие о том, что хорошая память характерна не только для трехмесячных младенцев – кое-что ребенок помнит и из своего предродового опыта: «женские голоса нравятся младенцам больше, чем мужские голоса, а голоса своих матерей они предпочитают голосам других женщин» [12, с. 89], поскольку ребенок слышал голос матери, находясь в ее утробе.

Предполагаем, что причина более позднего возникновения в речи детей высказываний о прошлом не в том, что у них недостаточно развита память, а в отсутствии насущной необходимости таких упоминаний. Обозначение отсутствующего объекта или указание на взрослого, которому принадлежит данный предмет, также требуют памяти о том, чего нет «здесь и сейчас». Однако это гораздо более актуальные темы для ребенка раннего возраста, нежели обозначение того, что некий факт, некое событие произошли.

Приведем примеры из дневниковых записей. В речи Лизы Е. отмечено употребление слова языка нянь *бай* по отношению к событию, которое произойдет в ближайшем будущем. В дачном доме бабушка и дедушка поднимались по лестнице наверх, чтобы ложиться спать (второй этаж использовался только для этого). Видя это, ребенок прокомментировал: *Баба бай* (бабушка идет спать), 1,9,6; *Дида бай* (дедушка идет спать), 1,9,7. Заметим, что это предложения телеграфного стиля, хотя в этом возрасте появились первые словоизменительные оппозиции. Несколько ранее слово *бай* использовалось для обозначения действия, происходящего в настоящем: одно из первых двусловных высказываний: *Папа бай* (папа спит), 1,8,13. Однако слово *бай* никогда не употреблялось в значении уже совершившегося действия.

После морфологического взрыва изредка начинают использоваться глаголы в форме будущего времени: *упадет* (1,9), *упаду*, *выйдем*, *помоем*, *попишет* (1,10). Любопытно, что в разных формах прошедшего времени – в женском и мужском роде, в единственном и множественном числе в морфологический период глаголы используются гораздо чаще, чем в форме будущего времени: *ускакала*, *упала* (1,8), *упали*, *упал*, *ускалал*, *выпила*, *села*, *съела* (1,9), *убежал*, *вытерла*, *залез* и др. [3]. Вероятно, семантическая трудность выражения определенного смысла уже преодолена, а формально образование формы прошедшего времени проще.

Если развитие грамматической категории времени – это появление форм времени глагола, то дальнейшее развитие диалогической речи приводит к появлению предложений, в которых каким-то образом упоминается и описано прошлое. В речи Лизы после двух лет многочисленны конструкции со словом *помнишь* (иногда вводным, а иногда выступающим как сказуемое в определенно-личном предложении).

Формирование предвестников грамматики: гендерный аспект

На рис. 2 и 3 представлен процесс появления высказываний о прошлом и будущем, а также об отсутствующих в поле зрения объекте и обладателе предмета в речи мальчиков и девочек по отдельности.

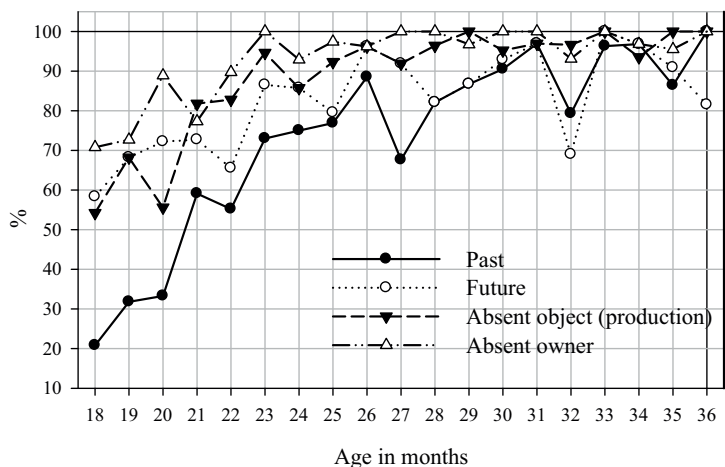

Рис. 2. Называние прошедших событий, будущих событий, отсутствующего в поле зрения объекта и обладателя предмета в его отсутствие (девочки)

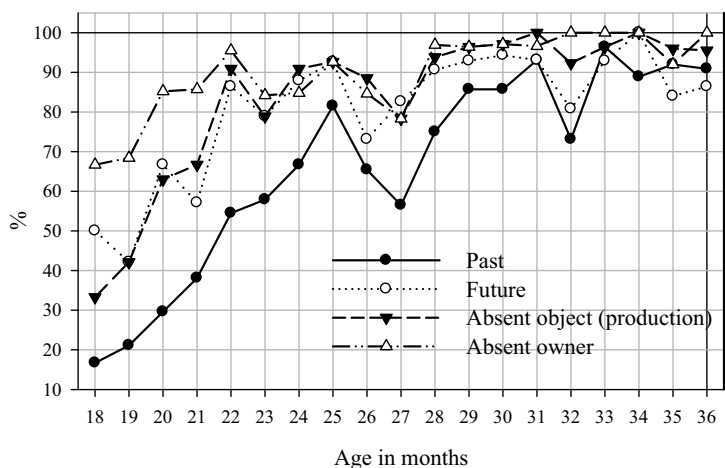

Рис. 3. Называние прошедших событий, будущих событий, отсутствующего в поле зрения объекта и обладателя предмета в его отсутствие (мальчики)

Мальчики и девочки оказываются примерно на равных, однако в некоторые месяцы есть значимые различия (по критерию χ^2) – в основном в пользу девочек и только однажды (в высказываниях о будущем) в пользу мальчиков.

1. Легче всего, как уже было указано, ребенку вспомнить и сообщить об обладателе предмета в его отсутствие, глядя на принадлежащий ему предмет. Значимые различия в речи детей разного пола зафиксированы в определенном возрасте:

в 23 мес. 100% девочек и только 84.2% мальчиков способны упоминать обладателя предмета в его отсутствие (значимость, $*p<0.05$);

в 27 мес. – 100% девочек и только 78.3% мальчиков (значимость, $**p<0.01$)⁷.

⁷ k – число положительных ответов (абсолютная частота), n – общее число наблюдений в группе, % – относительная частота в процентах.

23 мес., мальчики: k=16, n=19, 84.2%, девочки: k=37, n=37, 100%.

$\chi^2(df=1, n=56) = 6.173, p=0.013$, точный критерий Фишера (Точера) $p=0.035$.

27 мес., мальчики: k=18, n=23, 78.3%, девочки: k=37, n=37, 100%.

$\chi^2(df=1, n=60) = 8.775, p=0.003$, точный критерий Фишера (Точера) $p=0.006$.

2. Упоминание отсутствующего в поле зрения объекта имеет тенденцию к различию:

в 19 мес. это умение развито у 68.2% девочек и 42.1% мальчиков ($p < 0.1$ – тенденция к различию);

в 23 мес. – у 94.6% девочек и 78.9% мальчиков ($p < 0.1$ – тенденция к различию).

3. В высказываниях о будущих событиях тенденция к различию фиксируется, как и в предыдущем пункте, в 19 мес., причем процентные показатели по этим двум пунктам совпадают: 68.2% девочек и 42.1% мальчиков не только называют отсутствующий объект, но и способны говорить о будущем ($p < 0.1$ – тенденция к различию).

В 22 мес. наблюдается тенденция к различию в пользу мальчиков (!!): строить высказывания о будущем могут 65.5% девочек и 86.4% мальчиков ($p < 0.1$), причем это опережение вряд ли можно считать совсем случайным: для данного вопроса процент ответов «иногда или часто» у мальчиков и в дальнейшем нередко оказывается несколько выше, хотя статистической значимости больше нигде не обнаружено.

Значимость отмечается также в 26 мес., но в пользу девочек: в этом возрасте говорить о будущем способны 96.2% девочек и 73.1% мальчиков ($*p < 0.05$).

4. Сложнее всего и менее необходимо для детей обоих полов обозначать прошлое, но в данном случае девочки опережают, причем значимые различия в этом пункте проявляются после двух лет:

в 26 мес. говорить о прошлом могут 88.5% девочек и 65.4% мальчиков (значимость, $*p < 0.05$);

в 36 мес. – 100% девочек и 90.9% мальчиков (есть почти тенденция к различию, $p = 0.11$).

Далее на графиках (рис. 4–7) представлено количество положительных ответов (в процентном соотношении) на приведенные выше вопросы отдельно для речи мальчиков и девочек по каждому из пунктов.

Видно, что по всем пунктам мальчики в какие-то моменты начинают опережать девочек, однако эти различия, как правило, не являются статистически значимыми.

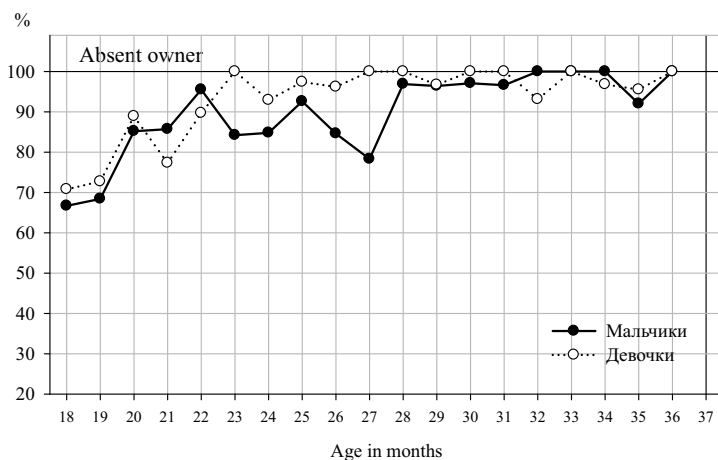

Рис. 4. Называние обладателя предмета в его отсутствие (мальчики и девочки)

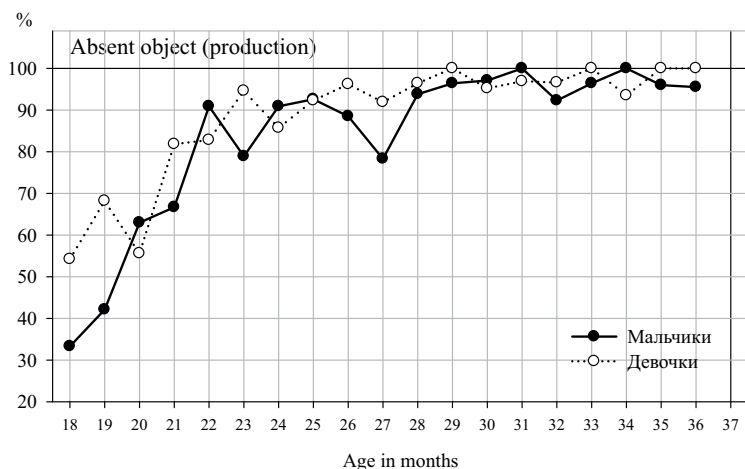

Рис. 5. Называние отсутствующего в поле зрения объекта (мальчики и девочки)

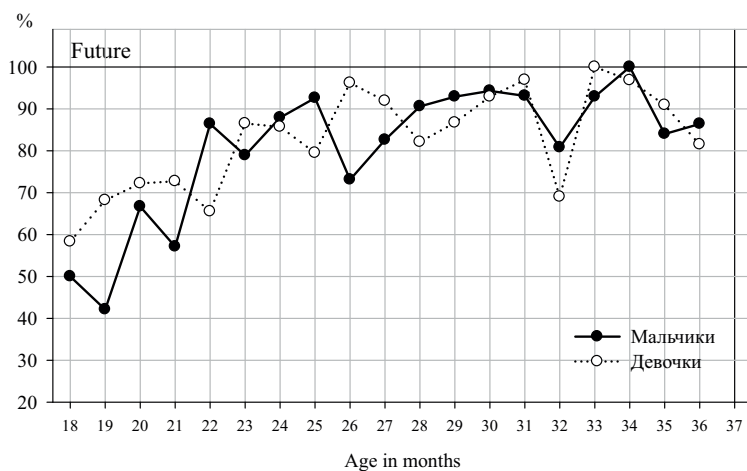

Рис. 6. Называние будущих событий (мальчики и девочки)

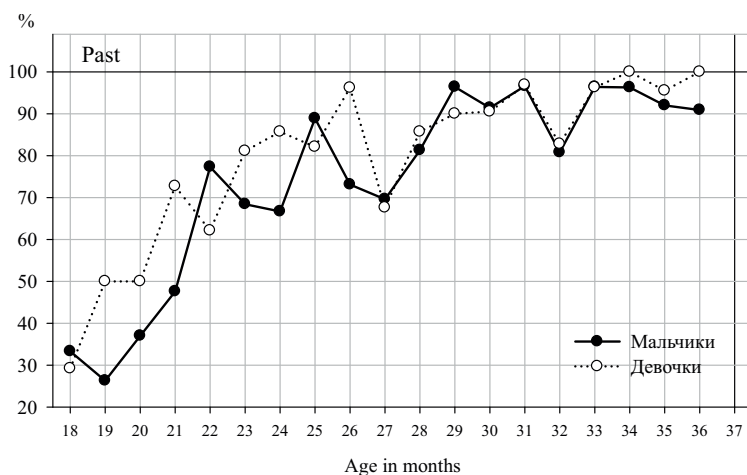

Рис. 7. Называние прошедших событий (мальчики и девочки)

Выводы

Мысль Д. Слобина о приоритете когнитивного над языковым в развитии детей подтверждается настоящим исследованием. Сначала у ребенка возникает намерение выразить определенные идеи, потом он выражает их с помощью языковых средств, но неморфологично, а затем – посредством словоизменятельных аффиксов родного языка.

Самое простое для ребенка – вследствие наибольшей актуальности – назвать отсутствующего взрослого при виде знакомой вещи, имеющей к нему отношение. На втором месте по порядку появления в детской речи оказываются высказывания об отсутствующих в данный момент в поле зрения предметах или о ближайшем будущем, а самым сложным и, следовательно, позже всего возникающим речевым феноменом – высказывания о прошлом.

Описанная выше иерархия появления в речи детей высказываний разных типов обусловлена не языковыми, а когнитивными и прагматическими факторами.

Рост указанных высказываний в речи мальчиков и девочек происходит примерно одинаково, хотя в некоторые месяцы есть значимые различия (по критерию χ^2) в основном в пользу девочек и только однажды (в высказываниях о будущем) в пользу мальчиков.

К тому моменту, когда начинают усваиваться морфологические категории, когнитивные предпосылки возникновения грамматики сформированы: ребенок уже давно называет отсутствующего обладателя предмета, объект, исчезнувший из поля зрения, говорит о будущем, начинает высказываться о прошлом⁸.

Литература

1. Слобин Д. Когнитивные предпосылки развития грамматики // Психолингвистика. М.: Прогресс, 1984. С. 143–207.
2. Fenson L., Marchman V.A., Thal D.J., Dale P.S., Reznick J.S., Bates E. MacArthur-Bates Communicative Development Inventories: User's Guide and Technical Manual. Baltimore, London, Sydney: Brookes Publ. Co., 2007. 208 p.
3. Елисеева М.Б. Становление индивидуальной языковой системы ребенка: ранние этапы. М.: Языки славянских культур, 2015. 344 с.
4. Шаповаленко И.В. Возрастная психология (Психология развития и возрастная психология). М.: Гардарики, 2005. 349 с.
5. Цейтлин С.Н. Семантическая категория посессивности в русском языке и ее освоение ребенком // Семантические категории в детской речи. СПб.: Нестор-История, 2007. 436 с.
6. Rescorla L. Overextensions in early language development // J. Child Lang. 1980. V. 7, No 2. P. 321–335. URL: <https://doi.org/10.1017/S0305000900002658>.
7. Hoek D., Ingram D., Gibson D. Some possible causes of children's early word overextensions // J. Child Lang. 1986. V. 13, No 3. P. 477–494. URL: <https://doi.org/10.1017/S0305000900006838>.
8. Елисеева М.Б. Фонетическое и лексическое развитие ребенка раннего возраста. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. 143 с.
9. Пиаже Ж. Психология интеллекта. СПб.: Питер, 2003. 191 с.
10. Исенина Е.И. Теория и методика развития речи у детей. Дословесный период. – М.: Юрайт, 2023. – 149 с.
11. Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Прусакова О.А. Модель психического как основа становления понимания себя и другого в онтогенезе человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 415 с.

⁸ О нормах усвоения грамматических категорий мальчиками и девочками раннего возраста см. [13–15].

12. *Аткинсон Р.Л., Аткинсон Р.С., Смит Э.Е., Бем Д.Дж., Нолен-Хоэксема С.* Введение в психологию. М.: Изд. дом Нева, 2003. 816 с.
13. *Елизеева М.Б., Вершинина Е.А.* Нормы усвоения грамматических категорий мальчиками и девочками раннего возраста (по данным Макатуровского опросника) // *Специальное образование*. 2020. № 1 (57). С. 120–135.
14. *Елизеева М.Б., Вершинина Е.А., Рыскина В.Л.* Макатуровский опросник: русская версия. Оценка речевого и коммуникативного развития детей раннего возраста. Нормы развития. Образцы анализа. Комментарии. Иваново: ЛИСТОС, 2021. 80 с.
15. *Елизеева М.Б., Вершинина Е.А.* Умеет ли ребенок отвечать на вопросы? (По материалам анализа Макатуровских опросников и case study) // *Изв. РГПУ им. А.И. Герцена*. 2018. № 189. С. 28–43.

Поступила в редакцию 25.12.2022

Принята к публикации 27.02.2023

Елизеева Марина Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой языкового и литературного образования ребенка

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

наб. реки Мойки, д. 48, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия

E-mail: *melyseeva@yandex.ru*

Вершинина Елена Андреевна, старший научный сотрудник

Институт физиологии им. И.П. Павлова РАН

наб. Макарова, д. 6, г. Санкт-Петербург, 199034, Россия

E-mail: *ver_elen@mail.ru*

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 3, pp. 91–104

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.3.91-104

Cognitive Prerequisites for the Acquisition of Grammar in Children Based on the Materials of the MacArthur-Bates CDI and Case Study

M.B. Eliseeva^{a}, E.A. Vershinina^{b**}*

aHerzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, 191186 Russia

bPavlov Institute of Physiology, St. Petersburg, 199034 Russia

*E-mail: *melyseeva@yandex.ru, **ver_elen@mail.ru*

Received December 25, 2022; Accepted February 27, 2023

Abstract

This article considers the phenomena preceding the development of grammar acquisition in young children. The study is based on the analysis of questionnaires completed by parents (MacArthur-Bates Communicative Development Inventories). Estimates from 1037 questionnaires on children aged 18–36 months (550 girls, 487 boys) were entered into the database. Additional data were also obtained from a *case study*. The results of our analysis support the view on the priority of the cognitive component over the linguistic one in young children. At first, they develop the intention to convey certain ideas (about the missing owner of an object, as well as about the future and past) and then learn to express these ideas with specific linguistic means. The hierarchy of mastering utterances by children is determined by cognitive

rather than linguistic factors. Most children find it easiest to name the adult who is not there at the moment when they see that adult's things, and the ability to produce utterances about the objects they do not see or about the near future develops later. The utterances about the past are the most difficult because they are less important to children at an early age. Therefore, the non-morphological ways of expressing the meanings are gradually replaced by the morphological ones as children grow older.

Keywords: speech ontogenesis, cognitive development of a child, early age, cognitive prerequisites for morphology acquisition, language ability, gender norms, MacArthur-Bates CDI, diary method, *case study*

Figure Captions

Fig. 1. Naming past events, future events, the object out of sight, and the owner of an object in their absence (boys and girls).

Fig. 2. Naming past events, future events, the object out of sight, and the owner of an object in their absence (girls).

Fig. 3. Naming past events, future events, the object out of sight, and the owner of an object in their absence (boys).

Fig. 4. Naming the owner of an object in their absence (boys and girls).

Fig. 5. Naming the object out of sight (boys and girls).

Fig. 6. Naming future events (boys and girls).

Fig. 7. Naming past events (boys and girls).

References

1. Slobin D. Cognitive prerequisites for the development of grammar. In: *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow, Progress, 1984, pp. 143–207. (In Russian)
2. Fenson L., Marchman V.A., Thal D.J., Dale P.S., Reznick J.S., Bates E. *MacArthur-Bates Communicative Development Inventories: User's Guide and Technical Manual*. Baltimor, London, Sydney, Brookes Publ. Co., 2007. 208 p.
3. Eliseeva M.B. *Stanovlenie individual'noi yazykovoi sistemy rebenka: rannie etapy* [Language System Development in Children: Early Stages]. Moscow, Yazyki Slav. Kul't., 2015. 344 p. (In Russian)
4. Shapovalenko I.V. *Vozrastnaya psikhologiya (Psikhologiya razvitiya i vozrastnaya psikhologiya)* [Age Psychology (Developmental Psychology and Age Psychology)]. Moscow, Gardariki, 2005. 349 p. (In Russian)
5. Tseitlin S.N. The semantic category of possessiveness in the Russian language and its acquisition by children. In: *Semanticheskie kategorii v detskoj rechi* [Semantic Categories in Child Speech]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2007. 436 p. (In Russian)
6. Rescorla L. Overextensions in early language development. *Journal of Child Language*, 1980, vol. 7, no. 2, pp. 321–335. URL: <https://doi.org/10.1017/S0305000900002658>.
7. Hoek D., Ingram D., Gibson D. Some possible causes of children's early word overextensions. *Journal of Child Language*, 1986, vol. 13, no. 3, pp. 477–494. URL: <https://doi.org/10.1017/S0305000900006838>.
8. Eliseeva M.B. *Foneticheskoe i leksicheskoe razvitie rebenka rannego vozrasta* [Phonetical and Lexical Development in the Early Childhood]. St. Petersburg, Izd. RGPU im. A.I. Gertsena, 2008. 143 p. (In Russian)
9. Piaget J. *Psikhologiya intellekta* [The Psychology of Intelligence]. St. Petersburg, Piter, 2003. 191 p. (In Russian)
10. Isenina E.I. *Teoriya i metodika razvitiya rechi u detei. Doslovesnyi period* [The Theory and Technique of Speech Development in Children. The Pre-Word Period]. Moscow, Yurait, 2023. 149 p. (In Russian)
11. Sergienko E.A., Lebedeva E.I., Prusakova O.A. *Model' psikhicheskogo kak osnova stanovleniya ponimaniya sebya i drugogo v ontogeneze cheloveka* [The Theory of Mind as a Basis for Developing an Understanding of Self and Others in the Human Ontogenesis]. Moscow, Izd. Inst. Psikh. Ross. Akad. Nauk, 2009. 415 p. (In Russian)

12. Atkinson R.L., Atkinson R.C., Smith E.E., Bem D.J., Nolen-Hoeksema S. *Vvedenie v psikhologiyu* [Hilgard's Introduction to Psychology]. Moscow, Izd. Dom Neva, 2003. 816 p. (In Russian)
13. Eliseeva M.B., Vershinina E.A. Norms of grammatical categories acquisition by boys and girls at an early age (based on MacArthur questionnaire). *Spetsial'noe Obrazovanie*, 2020, no. 1 (57), pp. 120–135. (In Russian)
14. Eliseeva M.B., Vershinina E.A., Ryskina V.L. *Makarturovskii oprosnik: russkaya versiya. Otsenka rechevogo i kommunikativnogo razvitiya detei rannego vozrasta. Normy razvitiya. Obraztsy analiza. Kommentarii* [The MacArthur CDI: A Russian Version. Assessing the Speech and Communication Development of Young Children. Development Standards. Samples for Analysis. Commentaries]. Ivanovo, LISTOS, 2021. 80 p. (In Russian)
15. Eliseeva, M.B., Vershinina E.A. Can a child respond to questions? (Based on the analysis of MacArthur questionnaires and case study). *Izvestiya RGPU imeni A.I. Gertsena*, 2018, no. 189, pp. 28–43. (In Russian)

⟨ Для цитирования: Елисеева М.Б., Вершинина Е.А. Когнитивные предвестники развития детской грамматики по данным Макатуровских опросников и case study // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 3. С. 91–104. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.91-104>. ⟩

⟨ For citation: Eliseeva M.B., Vershinina E.A. Cognitive prerequisites for the acquisition of grammar in children based on the materials of the MacArthur-Bates CDI and case study. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 3, pp. 91–104. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.91-104>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'23

doi: 10.26907/2541-7738.2023.3.105-118

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕФЛЕКСИИ ДЕТЕЙ С РАЗЛИЧНЫМИ СТРАТЕГИЯМИ ОСВОЕНИЯ ЯЗЫКА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Т.А. Трифонова¹

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, 191186, Россия*

Аннотация

В статье описаны результаты изучения особенностей языковой рефлексии детей с различными стратегиями освоения языка. Предлагается использовать критерий вербальной эксплицированности как основной для разграничения языковой рефлексии и метаязыковой деятельности; с учетом данного критерия формулируются дефиниции данных терминов. В результате анализа ответов детей сделан вывод о том, что к языковой рефлексии в большей степени способны референциальные дети и дети из семей с высоким социокультурным статусом. Поскольку по результатам экспериментов значимые различия в особенностях языковой рефлексии девочек и мальчиков выявлены не были, возможно говорить только о тех или иных тенденциях, которые связаны с полом детей. Наименьшее количество проявлений языковой рефлексии обнаруживается у детей из семей с низким социокультурным статусом и у экспрессивных детей, следовательно, таким детям в первую очередь необходима помощь по развитию языковой рефлексии и ее предпосылок.

Ключевые слова: онтолингвистика, языковая рефлексия, метаязыковая деятельность, стратегии освоения языка, референциальные дети, экспрессивные дети, социокультурный статус семьи, вариативность речевого развития

Языковая рефлексия детей изучается на протяжении долгого времени как отечественными (например, [1, 2] и др.), так и зарубежными авторами ([3, 4] и др.). Интерес к данной теме не случаен и вызван в первую очередь важностью метаязыковых процессов для усвоения языка ребенком, что отмечается во многих работах, например в [4–6].

Несмотря на то, что проблеме изучения особенностей языковой рефлексии детей посвящено большое количество исследований, работ, в которых рассуждения детей о языке рассматривались бы в аспекте вариативности речевого развития, практически не существует [7]. В связи с этим нами была предпринята попытка изучить особенности рассуждений о языке детей с различными стратегиями освоения языка (мальчиков и девочек, экспрессивных и референциальных детей, детей из семей с высоким и низким социокультурным статусом). В данной статье описываются наиболее значимые результаты серии экспериментов по изучению особенностей языковой рефлексии таких детей (в исследовании участвовали русскоязычные монолингвальные дети с нормальным речевым развитием).

¹ Проект реализуется победителем грантового конкурса для преподавателей магистратуры 2021/2022 Стипендиальной программы Владимира Потанина.

Ряд результатов исследования подтвержден методами математической статистики (были использованы t-критерий Стьюдента для несвязанных совокупностей, U-критерий Манна – Уитни)².

Прежде всего, уточним понимание наиболее значимых для данной работы терминов – *языковая рефлексия и метаязыковая деятельность*. Для проведения границ между ними предлагается использовать критерий вербализованности/невербализованности размышлений о языке (анализ различных критериев приводится в [8]). С учетом данного критерия как ключевого, а также с опорой на трактовку указанных понятий, предлагаемую С.Н. Цейтлин [9], Т.В. Шмелевой [10] и Г.Р. Добровой [7], к метаязыковой деятельности относятся как вербализованные размышления ребенка о языке, так и менее словесно эксплицированные, «свернутые», а языковая рефлексия представляет собой высказывания индивида о языке, склонность к анализу как своего языкового поведения, так и языкового поведения других индивидов. Метаязыковая деятельность наблюдается у всех детей (хотя и в различной степени), а проявления языковой рефлексии выражены не у всех детей в полной мере [7].

В серии проведенных нами экспериментов приняли участие 60 детей; сравнивались ответы 6 мальчиков и 6 девочек, 12 детей из семей с высоким и 12 – из семей с низким социокультурным статусом, а также 12 экспрессивных и 12 референциальных детей.

Экспрессивные и референциальные дети³ в возрасте с 2;6 до 3;7⁴ были выявлены нами с помощью авторских методик Г.Р. Добровой (игра «Попугайчик», задание «ПАК и РУП»; см. подробнее в [7]).

Выявление семей с высоким и низким социокультурным статусом (далее – ВСС и НСС) проводилось с помощью анкеты, разработанной Г.Р. Добровой и опубликованной в [7]; в анкету нами были внесены незначительные изменения.

Следующий этап исследования заключался в разработке и проведении серии экспериментов по изучению особенностей языковой рефлексии детей с различными стратегиями освоения языка. Задания и игры, входящие в серию экспериментов, должны были способствовать вербализации детьми рассуждений о языке.

Задание «Исправь меня» имело целью проверить способность детей к исправлению ошибок в речи окружающих и склонность к рассуждениям о причинах таких исправлений; в данном задании ребенок становился учителем и исправлял ученика (эта часть не оценивалась нами), а после отвечал на вопрос о том, зачем нам правильно говорить. Следующие два задания имели целью уточнить отношение детей к другим языкам (кроме родного) и проверить знание о них. В задании «Переведи на бубурский язык» дети узнавали об инопланетянах (бубурчиках), в рассказ о которых были включены примеры слов их языка. После этого нужно было «перевести» некоторые русские слова на язык инопланетян. В задании «Толкование существующих в языке слов» детям предлагалось дать определения девяти словам. В задании «Профессии бубурчиков» требовалось сформулировать определения 13 квазислов – названий выдуманных профессий, а в задании «Толкование словообразовательных инноваций» – определения таких инноваций (квазислов). В задании «Яблокинский» дети прослушивали рассказ о несуществующем городе Яблокинске (в тексте присутствовали шесть квазис-

² Далее t-критерий Стьюдента обозначается как t, U-критерий Манна – Уитни – как U.

³ Референциальность и экспрессивность – два «пути» вхождения в язык. Если для детей первого типа характерна склонность к «логике» при освоении языка, то для экспрессивных типично ее отсутствие (подробнее о данных стратегиях см. в [7]).

⁴ Возраст детей указывается в статье следующим образом: количество лет; месяцев, дней (например, 2;1,2 – два года, один месяц и два дня).

лов с корнем *-яблок-*), после чего им предлагалось рассмотреть картинки с изображением этого города и дать определение каждому квазислову.

В задании «Переназови» экспериментатор сначала разыгрывал перед ребенком диалог с куклой о том, какое еще название можно было бы дать дубу, и предлагал вариант **желудёвик* (идея игры и инновация-образец **желудёвик* взяты из [11]), спрашивая куклу, почему дуб можно так назвать. После этого ребенку предлагалось переименовать другие растения сходным образом, а также ответить на вопросы о причине выбора того или иного названия. Переименования, придуманные детьми и наиболее важные для целей нашего исследования, должны были представлять собой словообразовательные инновации и игровые переименования (термин используется нами вслед за [12]). Таким образом, это задание позволяло выявить склонность/несклонность детей с той или иной стратегией освоения языка к созданию инноваций и к игре с языком.

Целью заданий «Какое слово длиннее?», «Сделано ли слово... из...?», а также «Сколько слов я тебе назову?» являлось выявление отношения детей к слову: каким образом и в каком возрасте дети с различными путями вхождения в язык воспринимают языковую оболочку слова и соответствующий слову референт. В задании «Какое слово длиннее?» исследователь одну за другой называл пары слов и после каждой из них задавал вопрос о том, какое из двух слов длиннее (задание разработано на основе материалов, представленных в [4, 13]). В задании «Сделано ли слово... из...?» дети должны были ответить, состоят ли языковые оболочки слов из «фрагментов», из которых состоят референты, ими обозначаемые (задание разработано на основе диалога, приведенного в [4, S. 105]). В задании «Сколько слов я тебе назову?» экспериментатор последовательно спрашивал детей о количестве слов в каждой из трех названных групп (например, *игрушка, два, книжка*). Задание «Женихи и невесты» (авторство данной игры принадлежит Т.А. Гридиной) позволяло побудить детей к языковой рефлексии, посвященной родовым различиям существительных [14, с. 122–123]. В этой игре ребенку задавались вопросы о том, на ком можно было бы «женить» или за кого можно было бы «выдать замуж» референты, обозначаемые существительными женского или мужского рода.

Перейдем к описанию результатов исследования, полученных при сопоставлении особенностей языковой рефлексии экспрессивных и референциальных детей. В ходе экспериментального исследования были выявлены следующие различия у детей, прибегающих к разным речевым стратегиям: языковая рефлексия и ее предпосылки у референциальных детей возникают раньше, чем у экспрессивных, а проявления такой рефлексии более многочисленны и разнообразны. Кроме того, референциальные дети по сравнению с экспрессивными способны более удачно толковать слова, используя при этом большее количество тактик.

Обратимся к заданиям, в которых детям необходимо было дать толкования словам. В задании «Профессии бубурчиков» наиболее явные различия были отмечены в основном в двух группах ответов, описанных ниже. Верные толкования с полной опорой на внутреннюю форму слова были обнаружены в основном у референциальных детей (19 толкований, 12.18%⁵) в отличие от экспрессивных (шесть толкований, 3.85%), например, «шляпкарь – шляпу одевает» (Прохор П.). Ответы с частичной опорой на внутреннюю форму слова (только на значение корня) встречались только у референциальных детей (восемь ответов, 5.13%), например, «носовщик – нос» (Паша С.).

В результате анализа ответов на задание «Толкование словообразовательных инноваций» были выявлены некоторые тенденции в особенностях тактик толко-

⁵ Здесь и далее расчет процентных значений (округление до сотых) проведен с помощью формулы в программе Microsoft Excel.

ваний квазислов экспрессивными и референциальными детьми. Верные толкования с полной опорой на внутреннюю форму слова оказались характерны только для референциальных детей, но в небольшом количестве (4.17%), например, «хоботёнок – слонёнок» (Паша С.). Кроме того, к толкованиям с частичной опорой на внутреннюю форму слова (на значение корня/корней (в сложных словах) были способны в основном референциальные дети (12.5%, у экспрессивных – 4.17%), например, «соплястик – это сопли» (Костя Б.).

В результате анализа ответов экспрессивных и референциальных детей в задании «Яблокинск» было установлено, что референциальные дети, в отличие от экспрессивных, при толковании квазислов в большей степени были способны к опоре на внутреннюю форму слова и намного чаще ориентировались на общий для всех квазислов корень (25% у референциальных и 9.72% – у экспрессивных детей), например, «уяблочиваться – яблоко» (Катя К.). К толкованиям с учетом опоры на словообразовательные аффиксы оказались несколько более способны по сравнению с экспрессивными референциальные дети (8.33%, у экспрессивных – 1.39%), например, «яблочить – кушать» (Катя Ч.) (ответ отнесен нами к данному типу, поскольку вербальная экспликация слова *яблоко* отсутствует в данном толковании).

В результате классификации ответов экспрессивных и референциальных детей в задании «Толкование существующих в языке слов» статистически значимые различия были выявлены в количестве толкований детей двух групп с опорой на паронимические ассоциации, а также на омонимию корней. Ответы первого типа наблюдались в основном у референциальных (12.96%), а не у экспрессивных детей (2.78%); $U=36 < U_{\text{критич.}}=37$ при уровне значимости $p=0.05$. Название данной группы ответов используется вслед за [15]; под ними понимаются реакции-толкования, представляющие собой слова-ассоциации к толкуемому слову, сходные с ним по звучанию (например, «окулист – похож на куличика» (Лев А.)). Толкования с опорой на омонимию корней оказались достаточно характерными для референциальных (13.89%), но не для экспрессивных детей (0.93%), различия статистически значимы ($U=27.5 < U_{\text{критич.}}=37$ при $p=0.05$); например, «окулист – это такая акула есть, мы ее в океяне видели» (Катя К.). Верные толкования с опорой на внутреннюю форму слова (3.7%, например, «потомок – потом который... ну... потом он будет что ли?» (Макс Л.)) и ответы с частичной опорой на внутреннюю форму слова (только на корень) (4.63%, например, «домушница – дома делает уборку» (Прохор П.)) были обнаружены в незначительном количестве только у референциальных детей.

Итак, при толковании вымышленных слов референциальные дети намного чаще экспрессивных используют наиболее успешную тактику – опираются на внутреннюю форму слова. Тем не менее небольшое количество ответов позволяет предположить, что ни референциальные, ни экспрессивные дети (последние – в большей степени) в силу их возраста (с 2;6 до 3;7) пока еще не способны осуществлять в полной мере операции по морфемному членению слов. При толковании существующих в языке слов было установлено, что ответы, мотивированные омонимией корней, оказались наиболее характерными для референциальных детей, различия подтвердились статистически, тогда как ничем не мотивированные ответы встречались в основном у экспрессивных детей. Таким образом, именно референциальные дети лучше, чем экспрессивные, способны опираться на внутреннюю форму слова, а также мотивированно модифицировать слова (по типу детской этимологии).

Анализ ответов экспрессивных и референциальных детей в задании «Переназови» (придумывание другого названия для растений) позволил сделать следующие выводы: а) референциальные дети по сравнению с экспрессивными в большей степени склонны к созданию словообразовательных инноваций –

типа *зеленка (об арбузе) (10.42% инноваций у референциальных, 2.08% – у экспрессивных); б) при переименовании предметов только референциальные дети использовали диминутивы (4.17%): например, *арбузик* (об арбузе) (Прохор П.). Более выраженная склонность референциальных детей к созданию словообразовательных инноваций и использование ими, в отличие от экспрессивных детей, диминутивов в качестве переименований позволяют выдвинуть гипотезу об особенностях метаязыковой деятельности референциальных детей. Предполагаем, что в возрасте с 2;7 до 3;7 именно референциальные дети в большей степени склонны к метаязыковой деятельности (поскольку словообразовательные инновации – одно из ее проявлений), а также лучше экспрессивных способны конструировать слова и «раскладывать» их на морфемы.

Анализ ответов в задании «Женихи и невесты» показал, что и референциальным, и экспрессивным детям пока еще сложно установить грамматический род существительного и подобрать к нему пару – существительное «противоположного» (женского к мужскому и наоборот) рода. Несмотря на это, референциальные дети дали больше ответов с учетом верного грамматического рода существительного и в рамках заданной темы (8.33%), например, «еда (о невесте для холодильника)» (Прохор П.). Экспрессивные дети дали всего 2.08% таких ответов: например, «кровать (о невесте для стола)» (Саша В., мальчик). Только для референциальных детей были характерны ответы – языковые протесты (4.17%), а также ответы, в которых детьми учитывалась принадлежность к лексико-семантической группе, но не грамматический род (10.42%): «Жених у юбки – платье» (Миша К.). Несколько большее, чем у экспрессивных, количество тактик ответов референциальных детей (пять и семь тактик соответственно) в данном задании может свидетельствовать о наличии у последних более ранних предпосылок вербализованной языковой рефлексии.

Отдельно сравним количество отказов от ответа, полученных от детей двух групп в некоторых заданиях. В задании «Женихи и невесты» и «Переназови» разница в отказах от ответа между детьми двух групп оказалась статистически значимой («Женихи и невесты»: $U=24 < U_{\text{критич.}}$ при $p=0.05$ ($U_{\text{критич.}}=37$) и даже при $p=0.01$ ($U_{\text{критич.}}=27$): 8 отказов (16.67%) (референциальные) и 28 (58.33%) отказов (экспрессивные); «Переназови»: 30 таких ответов (62.5%) у экспрессивных и 4 – у референциальных (8.33%); $U=21 < U_{\text{критич.}}$ (при $p=0.05$ ($U_{\text{критич.}}=37$) и при $p=0.01$ ($U_{\text{критич.}}=27$). В заданиях «Профессии бубурчиков», «Толкование словообразовательных инноваций» и «Толкование существующих в языке слов» разница в количестве ответов такого типа представляется достаточно показательной: в «Толковании словообразовательных инноваций» у экспрессивных детей было отмечено 39 таких ответов (54.17%), а у референциальных детей – всего 15 (20.83%); в «Толковании существующих в языке слов» отказы оказались почти в два раза более характерны для экспрессивных детей, чем для референциальных (41 ответ, 37.96% и 24 ответа (22.22%) соответственно); в задании «Профессии бубурчиков» отказы также встречались в основном у экспрессивных (115 ответов, 73.72%), а не у референциальных детей (55 ответов, 35.26%). Таким образом, разница в количестве отказов от ответа между двумя группами позволяет сделать вывод о том, что фундамент словесно выраженной языковой рефлексии формируется у референциальных детей раньше, чем у экспрессивных.

Итак, 1) проявления языковой рефлексии наблюдаются в небольшом количестве у референциальных детей уже в раннем возрасте; 2) склонность к метаязыковой деятельности, языковой рефлексии и ее предпосылки в большей степени демонстрируют референциальные дети. Данный вывод подтверждается сопоставлением общего количества отказов от ответа и словообразователь-

ных инноваций, созданных детьми во всех заданиях; если референциальные создали 23 инновации и 372 раза отказывались от ответа, то экспрессивные сконструировали всего две инновации и 630 раз отказывались от ответа. Разница в количестве отказов от ответа в заданиях «Женихи и невесты» и «Переназови» подтвердилась статистически; 3) вероятно, референциальность влияет на особенности толкования слов – именно референциальные дети использовали при толковании слов большее количество тактик. Правильные толкования референциальными детьми существующих в языке слов связываются нами с более богатым инпутом, получаемым, как правило, такими детьми в семье; небольшое количество таких ответов может быть связано с возрастом; 4) для референциальных детей оказались характерными такие проявления спонтанной языковой рефлексии, как рассуждение о языках, языковые протесты, а для экспрессивных – протест против существования других, отличных от родного, языков, толкование созданной словообразовательной инновации; 5) у референциальных детей было отмечено большее количество спонтанных проявлений языковой рефлексии более высокого уровня и более разнообразных, чем у экспрессивных.

В ходе анализа результатов исследования был выявлен ряд тенденций, связанных с особенностями языковой рефлексии и метаязыковой деятельности мальчиков и девочек. Если у мальчиков предпосылками для появления языковой рефлексии могут являться словообразовательные инновации, то у девочек – использование тактики «не молчи»; языковые протесты характерны в основном для мальчиков, тогда как девочки используют более успешные тактики толкований слов. Кроме того, девочки больше мальчиков интересуются языком, а мальчики – денотатами; девочки раньше способны к осознанию разницы между звуковой оболочкой слова и денотатом, а невербализованные знания о грамматическом роде существительных формируются и словесно также выражаются у них раньше, чем у мальчиков.

Так, сопоставление ответов девочек и мальчиков в заданиях «Профессии бубурчиков», «Толкование словообразовательных инноваций», «Переназови», «Сделано ли слово... из...?», «Женихи и невесты» позволяет сделать вывод о том, что для девочек предпосылкой для возникновения языковой рефлексии может являться «небоязнь» говорить и давать ответы даже в случае незнания верных (далее данная тактика будет условно называться нами «не молчи»), а для мальчиков – наличие большего, чем у девочек, количества спонтанно образованных словообразовательных инноваций. В задании «Профессии бубурчиков» девочки были склонны придерживаться тактики «не молчи» (34 таких ответа, 43.59%; у мальчиков – 20 ответов, 25.64%). Мальчики, напротив, предпочитали молчать, если не знали верного ответа (у девочек 4 отказа, 5.13%; у мальчиков – 28 отказов, 35.9%). Тем не менее в некоторых заданиях девочки все-таки чаще мальчиков отказывались от ответа. Например, в задании «Сделано ли слово... из...?» такая тактика оказалась более типична для девочек (58.33% отказов у девочек, 33.33% у мальчиков); в задании «Переведи на бубурский язык» девочки отказывались отвечать в 27.78% случаев, а мальчики – в 14.81%. Дальнейший количественный анализ отказов от ответа мальчиков и девочек показывает, что мальчики действительно чаще девочек отказывались отвечать, но количество отказов от ответа у девочек во всех заданиях незначительно меньше того, которое было обнаружено у мальчиков (87 и 97 соответственно). Таким образом, представляется, что количество отказов от ответа у мальчиков и девочек можно оценивать только в рамках отдельно рассматриваемых заданий, связанных с тем или иным проявлением языковой рефлексии.

Мальчики чаще девочек отказываются давать толкования квазисловам, придумывать переименования, устанавливать грамматический род существительного и подбирать к нему пару с «противоположным» родом, а девочки чаще мальчиков отказываются создавать инновации или отвечать на вопрос о различиях между словом и референтом. В связи с данными выводами обращает на себя внимание количество словообразовательных инноваций, сконструированных мальчиками и девочками спонтанно в тех заданиях, где это не предполагалось. Мальчики таких инноваций создали несколько больше, чем девочки (17 и 10 соответственно), например, **столовник* (Паша Е.), **папулюшка* (Кристина Г.). Кроме того, в задании «Переназови» мальчики дали 16.67% ответов-инноваций (которые и подразумевались условиями задания), например, **арбузник* (об арбузе) (Паша Е.), а девочки – всего 8.33%.

В заданиях на толкование слов было установлено, что девочки несколько лучше мальчиков толкуют квазислова, опираясь на внутреннюю форму слова. В задании «Профессии бубурчиков» полностью на нее ориентировались чаще именно девочки (35.9%), а не мальчики (26.92%), например, «тарелкоплаватель – плавает на тарелке» (Милана Я.). В задании «Яблокинск» толкования с опорой только на корень составили у девочек 47.22%, а у мальчиков – 36.11% (например, «яблочить – яблоко» (Олег Р.)).

В задании «Переназови» наиболее интересными для целей нашего исследования были обоснования переименований, представляющие собой проявления языковой рефлексии и языковой игры. Языковая рефлексия в таких случаях была связана с наличием у диминутивов суффиксов с уменьшительно-ласкательными значениями, например, Арина Ш.: «Апельсин – апельсинчик, тоже по-ласковому, потому что я люблю это все». Арина Ш. передает оттенок ласкательности как семантикой глагола *любить*, так и частично сформулированным словообразовательным значением: «по-ласковому».

Языковой протест как проявление спонтанных рассуждений о языке был отмечен и у мальчиков, и у девочек. Тем не менее анализ таких протестов во всех заданиях позволяет сделать вывод о том, что они более характерны для мальчиков (пять проявлений протеста), а не для девочек (только один протест против способности малышей говорить, например, «они не умеют говорить» (Ксюша А.)). Кроме протестов у мальчиков были отмечены следующие виды спонтанной языковой рефлексии: создание инновации с последующим ее толкованием, толкование существующего в языке слова; у девочек – пояснение созданной словообразовательной инновации и рассуждение о том, как девочка говорила, когда была маленькой; например, «гулять я говорила гуля... *кольбаса* я говорила *басá, какофь* [о моркови] я говорила» (Ксюша А.).

Представляют интерес некоторые результаты заданий «Какое слово длиннее?», «Сделано ли слово... из...?» и «Сколько слов я тебе назову?». Во втором было получено только два ответа, которые свидетельствуют о понимании разницы между языковой оболочкой и денотатом, например: «Сделано ли слово *дождь* из воды?» – «Слова не может, только тучка может» (Ксюша А.). Остальные ответы детей оказались неверными. В задании «Сколько слов я тебе назову?» девочки дали 38.89% правильных ответов, а мальчики – 22.22%; что подтверждает выводы из задания «Сделано ли слово... из...?»: девочки начинают понимать разницу между денотатом и языковой оболочкой слова несколько раньше, чем мальчики, уже после пяти лет. Несмотря на то что в задании «Какое слово длиннее?» количество верных и неверных ответов у мальчиков и девочек различалось незначительно, именно мальчики, в отличие от девочек, давали комментарии о денотате, например: «Какое слово длиннее: *король* или

бабуся?» – «*Король*, потому что он на таком кресле большом сидит, кажется, что он такой высокий» (Паша Е.). Такие комментарии у мальчиков разного возраста (начиная с 5;1) могут свидетельствовать о том, что предпосылки понимания разницы между языковой оболочкой слова и денотатом начинают появляться у них примерно в указанном возрасте и отражаются в комментировании ответов по собственному желанию, без чьей-либо просьбы, а также в отсутствии боязни давать комментарии к своим ответам.

Итак, языковая рефлексия и метаязыковая деятельность мальчиков и девочек имеет свои особенности, а именно: 1) спонтанное создание мальчиками словообразовательных инноваций в большем количестве, чем девочками, а также большее количество отказов девочек от их конструирования в задании, где это подразумевалось, позволяет предположить, что инновации могут представлять собой предпосылки для появления языковой рефлексии именно у мальчиков; 2) такими предпосылками у девочек может являться использование тактики «не молчи»; 3) большее у мальчиков, чем у девочек, количество спонтанных языковых протестов может свидетельствовать о том, что последние в большей степени присущи мальчикам; 4) в возрасте от 2;8 до 5;6 девочки лучше мальчиков способны толковать слова, используя для этого наиболее удачные тактики; 5) девочки уже с 2;8 до 5;6 склонны обращать внимание на языковые факты и явления, проявлять к ним интерес; мальчики этого возраста в большей степени обращают внимание на денотаты. Девочки несколько раньше мальчиков начинают ощущать разницу между звуковой оболочкой слова и денотатом; 6) имплицитное знание о грамматическом роде существительных начинает формироваться и проявляться вербально у девочек раньше, чем у мальчиков.

Результаты экспериментов, проведенных с детьми из семей с ВСС и НСС, показывают, что к языковой рефлексии и метаязыковой деятельности более склонны дети из семей с ВСС, при этом у них проявления такой рефлексии более многочисленны и разнообразны и возникают раньше, чем у детей из семей с НСС. Кроме того, ВСС семьи влияет на такие способности, как нахождение и исправление ошибок в речи окружающих индивидов, словесное развертывание цели таких операций, а также на особенности толкований слов.

Так, анализ ответов в задании «Исправь меня» позволил подтвердить данные о связи социокультурного статуса семьи и способности ребенка видеть ошибки в речи окружающих и исправлять их [7] и установить, что социокультурный статус семьи влияет на осознание детьми цели исправлений, которая отражается в речи; к таким действиям оказались способны именно дети из семей с ВСС, что было обнаружено у них намного раньше, чем у детей из семей с НСС. Если среди детей из семей с ВСС пятеро смогли верно объяснить, зачем нам правильно говорить (первый правильный ответ на этот вопрос отмечается у ребенка из семьи с ВСС в намного более раннем возрасте, чем у детей из семей с НСС (в 3;3,11): «Все поняли чтоб» (Алиса С.)), у детей из семей с НСС – только один правильный ответ: «Чтоб все понимали» (Ваня И.).

Способность толковать квазислова и существующие слова с полной или частичной опорой на внутреннюю форму присуща в основном детям из семей с ВСС, что подтверждается как результатами экспериментов, так и статистически. Так, в задании «Профессии бубурчиков» дети из семей с ВСС дали 68 верных толкований с опорой на внутреннюю форму слова (43.59%), дети из семей с НСС – 16 (10.26%), различия статистически значимы ($t=3.33 > t_{\text{критич.}}=2.819$ при $f=22$), например, «сушкарь – он продает сушки» (Петя Н.). В задании «Толкование словообразовательных инноваций» ответы с опорой на внутреннюю форму слова были обнаружены также в основном у детей из семей с ВСС

(14 ответов, 19.44%), у детей из семей с НСС было отмечено всего 3 таких ответа (4.17%). Различия оказались статистически значимыми ($U=30 < U_{\text{критич.}}=37$ при $p=0.05$), например, «домоговорун – говорит дома» (Ксюша А.). В задании «Яблокинск» дети из семей с ВСС дали 39 ответов с опорой на корень (54.17%), а дети из семей с НСС – 24 ответа (33.33%) (например, «Яблокинск – яблоко» (Иван З.); ответы с опорой на словообразовательные аффиксы были получены в большем количестве от детей из семей с ВСС (27 ответов (37.5%)), у детей из семей с НСС – 10 таких толкований (13.89%), например, «яблокинцы – такие люди, которые живут в этом городе» (Рита Х.).

В задании «Толкование существующих в языке слов» статистически значимые различия были обнаружены в количестве толкований с частичной опорой на внутреннюю форму слова (только на корень) ($U=28 < U_{\text{критич.}}=37$ при $p=0.05$); дети из семей с НСС дали четыре ответа такого типа (3.7%), в то время как дети из семей с ВСС – 14 (12.96%), например, «грузин – Грузию» (Ваня И.).

Различия в количестве отказов от ответа у детей из семей с ВСС и из семей с НСС в ряде заданий также довольно показательны. Так, в задании «Профессии бубурчиков» дети первой группы не давали ответа в 22 случаях (14.1%), а из второй – в 96 (61.54%); различия статистически значимы ($t=2.86 > t_{\text{критич.}}=2.819$ при $f=22$). В заданиях «Толкование словообразовательных инноваций» и «Яблокинск» наблюдается та же закономерность: в первом задании дети из семей с НСС отказывались от ответа 29 раз (40.28%), дети из семей с ВСС – 15 (20.83%), а в задании «Яблокинск» – 37 (51.39%) и 13 (18.06%) соответственно. В задании «Переназови» дети из семей с НСС намного чаще повторяли название растения вслед за экспериментатором или отказывались от ответа (три ответа у детей из семей с ВСС (6.25%), 20 ответов (41.67%) у детей из семей с НСС).

Обращает на себя внимание количественная разница в использовании детьми двух групп тактики «не молчи». В задании «Профессии бубурчиков» подобную тактику чаще использовали дети из семей с ВСС (23.08% ответов у детей из семей с ВСС, 19.23% у детей из семей с НСС). В задании «Яблокинск» к такой тактике оказались склонны также дети из семей с ВСС (20 таких ответов, 27.78%, в то время как у детей из семей с НСС – 11, 15.28%). Толкования без опоры на словообразовательные аффиксы оказались также более характерны для детей из семей с ВСС (32 таких толкования, 44.44%, у детей из семей с НСС – 25, 34.72%), например, «яблочить – яблоки» (Алиса С.). Таким образом, значимым различием между детьми из семей двух типов является тактика выбора ответа при незнании верного толкования.

В заданиях «Какое слово длиннее?», «Сделано ли слово... из...?», «Сколько слов я тебе назову?» значимых различий в осознании детьми разницы между языковой оболочкой слова и референтом, связанных с социокультурным статусом семьи, установлено не было. Тем не менее в задании «Какое слово длиннее?» следует обратить внимание на количество спонтанных комментариев к ответам о длине слов и размере референтов. У детей из семей с ВСС зафиксировано 43 таких комментария (27.5%), а у детей из семей с НСС – семь (2.92%), и только о длине референтов (все ответы – у одного ребенка), например, «змея была очень большой, ну, а поезд был очень большой, а змея меньше поезда, она меньше его, она такая маленькая, но у нее рот огромный» (комментарий по поводу длины референта; ребенок выбрал в качестве более длинного слова *поезд*) (Егор М.). Рита Х. из семьи с ВСС уже начинает осознавать разницу между языковой оболочкой слова и референтом: «Какое слово длиннее: *поезд* или *гусеница*?» – «По-... пэ-о-... по-е-с-т... здесь пять букв... г-у-с-е-н-и-ц-а... *гусеница* длиннее». В задании «Сделано ли слово... из...?» среди детей из се-

мей с НСС единственный комментарий такого типа дает Ксюша А., чей ответ уже приводился нами выше. В остальном ответы детей свидетельствуют о том, что различие языковой оболочки слова и референта появляется позже (хотя начало осознания этого различия возникает у детей из семей с ВСС раньше, чем у детей с НСС).

Только у детей из семей с ВСС был обнаружен языковой протест. Например, Рита Х. протестовала против существования в языке слова: «*Кошонки* – это какая-то уже ерунда»; она отказалась толковать слово, посчитав, что его звуковая оболочка – всего лишь набор звуков. Савва Г. протестовал против возможности двуименности денотата: «*Черника* – черника, называется она так» (ответ на просьбу назвать чернику иначе).

В задании «Переназови» обе группы оказались способны к созданию словообразовательных инноваций. Тем не менее дети из семей с НСС сконструировали 4.17% инноваций, а дети из семей с ВСС – 14.58% (например, **кактусёнок* (о кактусе) (Марта С.)). При неспособности сконструировать инновации создавались диминутивы; при этом дети из семей с ВСС создали диминутивов почти два раза больше (31.25%), чем дети из семей с НСС.

Итак, 1) к языковой рефлексии и метаязыковой деятельности более склонны дети из семей с ВСС с более высоким уровнем речевого развития, что может быть связано с получением этими детьми в семьях богатого инпута; 2) проявления языковой рефлексии возникают у детей из семей с ВСС примерно к четырем годам, а у детей из семей с НСС – позднее и в незначительном количестве; до этого возраста закладываются предпосылки языковой рефлексии; 3) предпосылки языковой рефлексии характерны в большей степени именно для детей из семей с ВСС. Наиболее наглядно данный вывод иллюстрирует общее количество отказов от ответа и созданных детьми двух групп словообразовательных инноваций во всех заданиях: если дети из семей с ВСС создали 58 инноваций, а отказов отвечать от детей этой группы было получено всего 162, то у детей из семей с НСС – 23 инновации и 442 отказа от ответа. Инновации свидетельствуют о наличии метаязыковой деятельности, а их количество – об уровне ее «активности» и о возможном развитии предпосылок становления языковой рефлексии, отказы от ответа – об обратном; 4) семьи с ВСС оказывают влияние не только на способность детей находить и исправлять ошибки в речи окружающих [7], но и на умение вербализовать цель данных операций, на особенности толкования слов (у детей из семей с ВСС, по-видимому, в процессе толкования задействованы более сложные механизмы, находящие свое отражение в комплексных тактиках толкований); 5) если у детей из семей с ВСС было отмечено 13 проявлений спонтанной языковой рефлексии, то у детей из семей с НСС – только одно. Кроме того, проявления языковой рефлексии у детей из семей с ВСС более разнообразны. Если возраст появления спонтанной языковой рефлексии у детей из семей с ВСС – примерно 4;0 (первое такое проявление отмечается в 3;11,13), то у детей из семей с НСС – 5;6,5 (также ср. с количеством инноваций (как проявлений метаязыковой деятельности), образованных детьми этих групп: если у детей из семей с ВСС – 58 инноваций, у детей из семей с НСС – 23).

В процессе речевого развития способность индивида к размышлениям о языке развивается и приводит к появлению языковой рефлексии. Определение точных и единых для всех детей границ возникновения словесно выраженных проявлений языковой рефлексии не представляется возможным в связи с вариативностью времени начала появления различных видов языковой рефлексии (что связано в числе прочего и с различными путями вхождения в язык).

Анализ полученных в исследовании результатов позволяет сделать некоторые выводы. Языковая рефлексия, а также ее предпосылки различаются у детей с экспрессивной и референциальной стратегиями освоения языка. Предпосылки зарождения языковой рефлексии в большей степени характерны для референциальных детей.

Предпосылкой возникновения языковой рефлексии у девочек является следование тактике «не молчи» при ответах на вопросы, склонность и желание рассуждать о чем-либо. У мальчиков такой предпосылкой является большее по сравнению с девочками количество спонтанно сконструированных словообразовательных инноваций. Кроме того, именно девочки придерживаются при толковании слов наиболее эффективных тактик и способны раньше мальчиков словесно выражать имеющиеся имплицитные знания о грамматическом роде имен существительных. Девочки в большей степени «ориентированы» на язык, а не на референты, и несколько раньше мальчиков воспринимают разницу между звуковой оболочкой слова и референтом.

Для детей из семей с ВСС по сравнению с детьми из семей с НСС более характерны предпосылки возникновения языковой рефлексии (формируются примерно до 4;0), а также непосредственно языковая рефлексия, являющаяся предположительно следствием получаемого такими детьми в семьях более богатого инпута и наблюдаемая у таких детей раньше (примерно к 4;0), чем у детей из семей с НСС. В ряде случаев различия в количестве отказов от ответа, более характерных для детей из семей с НСС, являются статистически значимыми. Проявления спонтанной языковой рефлексии у детей из семей с ВСС разнообразнее и многочисленнее, чем у детей из семей с НСС. Кроме того, ВСС оказывает влияние как на способность словесно сформулировать цель исправления ошибок в речи окружающих, так и на особенности формулировок толкований слов, что подтвердилось статистически.

Итак, наиболее склонны к языковой рефлексии референциальные дети и дети из семей с высоким социокультурным статусом. В особенностях языковой рефлексии девочек и мальчиков значимых различий обнаружено не было; в связи с этим в данном случае допустимо говорить только о тенденциях, связанных с полом детей. Результаты исследования позволяют сделать выводы об уязвимости детей из семей с НСС и детей с экспрессивной стратегией освоения языка с точки зрения количества и времени появления языковой рефлексии и ее предпосылок. В связи с этим, а также с учетом значимости языковой рефлексии для речевого онтогенеза с такими детьми в первую очередь необходима работа по ее развитию.

Литература

1. Гвоздев А.Н. Значение изучения детского языка для языкознания. Как дети дошкольного возраста наблюдают явления языка. СПб.: Бионт, 1999. 64 с.
2. Цейтлин С.Н., Елисеева М.Б., Кузьмина Т.В., Галактионова Л.Н., Трифонова Т.А., Итальяни М.П. (Ташман). Дети о языке: метаязыковая деятельность и языковая рефлексия. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2022. 243 с.
3. Januschek F., Paprotte W., Rohde W. Zur Ontogenese sprachlicher Handlungen // Osnabrücker Beitr. Sprachtheor. 1979. H. 10. S. 37–69.
4. Wehr S. Was wissen Kinder über Sprache? Bern, Stuttgart, Wien: Haupt Verlag, 2001. 193 S.
5. Алпатов В.М. Языковая рефлексия у детей // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Т. XIII, ч. 3. СПб.: Наука, 2017. С. 811–819.

6. *Гридина Т.А.* Метаязыковая рефлексия как форма лингвокреативного мышления ребенка // Проблемы онтолингвистики 2016: Материалы ежегодной междунар. науч. конф. 23–26 марта 2016, Санкт-Петербург. Иваново: Листос, 2016. С. 182–188.
7. *Доброва Г.Р.* Вариативность речевого развития детей. М.: Языки славянской культуры, 2018. 264 с.
8. *Воробьева Т.А.* К вопросу о разграничении метаязыковой деятельности и языковой рефлексии детей // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. 2020. № 196. С. 61–68. URL: <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2020-196-61-68>.
9. *Цейтлин С.Н.* Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М.: Владос, 2000. 240 с.
10. *Шмелева Т.В.* Языковая рефлексия // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Вестник Российской риторической ассоциации. 1999. Вып. 1(8). С. 108–110.
11. *Любина Г.А.* Почему же так называется? URL: <http://dom-i-uyut.ru/2012/03/почему-же-так-называется/>, свободный.
12. *Елисеева М.Б.* Игровые переименования в речи детей раннего возраста // Логопед в детском саду. 2007. № 2(17). С. 5–11.
13. *Papandropoulou I., Sinclair H.* What is a word? Experimental study of children's ideas on grammar // Hum. Dev. 1974. № 1. P. 241–258. URL: <https://doi.org/10.1159/000271348>.
14. *Гридина Т.А.* «Своя игра»: ребенок в мире языка. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2015. 177 с.
15. *Елисеева М.Б., Романенко В.Г.* Типы толкований значений имен прилагательных детьми-инофонами и русскоязычными детьми // Начальная школа. 2014. № 6. С. 91–94.

Поступила в редакцию 25.12.2022

Принята к публикации 27.02.2023

Трифорова Татьяна Александровна, младший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории онтолингвистики

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

наб. реки Мойки, д. 48, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия

E-mail: maiden.deu@gmail.com

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 3, pp. 105–118

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.3.105-118

The Features of Linguistic Reflection in Children with Different Language Acquisition Strategies (Based on the Results of an Experimental Study)

T.A. Trifonova

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, 191186 Russia

E-mail: maiden.deu@gmail.com

Received December 25, 2022; Accepted February 27, 2023

Abstract

This article outlines the results of a study of the features of linguistic reflection peculiar to children with different strategies of language acquisition, which is important because this problem has remained out of the attention of researchers. All data for the subsequent analysis were obtained by the methods of ontolinguistic experiment and mathematical statistics, and the criterion of verbal explicitness was used for distinguishing the features of the reflection on language among children and for defining the key terms. It was revealed that boys and girls do not differ significantly in their reflection on language, so any clear gender-related trends are not supported by our study and can be only assumed. Furthermore, it was established that referential children and children from families with high sociocultural status are more capable of reflecting on language. On the contrary, children from families with low sociocultural status and expressive children have the lowest number of reflections on language or poor prerequisites for this ability, which they acquire later as compared with referential children and children from families with high sociocultural status; such children primarily need help to develop their reflection on language and prerequisites for it. These findings can be useful to children's speech development specialists and for psycholinguistic and ontolinguistic research, and the experimental series can be of great help as a tool for developing the reflection on language.

Keywords: ontolinguistics, linguistic reflection, metalinguistic activity, language acquisition strategies, referential children, expressive children, family's sociocultural status, variability in language acquisition

References

1. Gvozdev A.N. *Znachenie izucheniya detskogo yazyka dlya yazykoznaniya. Kak deti doskol'nogo vozrasta nablyudayut yavleniya yazyka* [The Importance of Learning Children's Language for Linguistics. How Preschool Children Understand Language Phenomena]. St. Petersburg, Biont, 1999. 64 p. (In Russian)
2. Tseitlin S.N., Eliseeva M.B., Kuz'mina T.V., Galaktionova L.N., Trifonova T.A., Ital'yan M.P. (Tashman). *Deti o yazyke: metayazykovaya deyatel'nost' i yazykovaya refleksiya* [Children about Language: Metalinguistic Activity and Reflection on Language]. St. Petersburg, Izd. RGPU im. A.I. Gertsena, 2022. 243 p. (In Russian)
3. Januschek F., Paprotte W., Rohde W. Zur Ontogenese sprachlicher Handlungen. *Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie*, 1979, H. 10, S. 37–69. (In German)
4. Wehr S. *Was wissen Kinder über Sprache?* Bern, Stuttgart, Wien, Haupt Verlag, 2001. 193 S. (In German)
5. Alpatov V.M. Children's reflection on language. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta Lingvisticheskikh Issledovaniy*. St. Petersburg, Nauka, 2017, vol. XIII, pt. 3, pp. 811–819. (In Russian)
6. Gridina T.A. Metalinguistic reflection as a form of linguocreative thinking in children. *Problemy ontolingvistiki – 2016: Materialy ezhegodnoi mezhdunar. nauch. konf. 23–26 marta 2016, Sankt-Peterburg* [Problems of Ontolinguistics – 2016: Proc. Annu. Int. Sci. Conf. March 23–26, 2016, St. Petersburg]. Ivanovo, Listos, 2016, pp. 182–188. (In Russian)
7. Dobrova G.R. *Variativnost' rechevogo razvitiya detei* [Variability in Children's Language Acquisition]. Moscow, Yazyki Slav. Kul't., 2018. 264 p. (In Russian)
8. Vorob'eva T.A. On the issue of differentiating children's metalinguistic activity and their language reflection. *Izvestiya RGPU imeni A.I. Gertsena*, 2020, no. 196, pp. 61–68. URL: <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2020-196-61-68>. (In Russian)
9. Tseitlin S.N. *Yazyk i rebenok: Lingvistika detskoj rechi* [Language and Child: Linguistics of Children's Speech]. Moscow, Vlos, 2000. 240 p. (In Russian)
10. Shmeleva T.V. Language reflection. *Teoreticheskie i Prikladnye Aspekty Rechevogo Obshcheniya: Vestnik Rossiiskoi Ritoricheskoi Assotsiatsii*, 1999, no. 1(8), pp. 108–110. (In Russian)
11. Lyubina G.A. Why are they called that? Available at: <http://dom-i-uyut.ru/2012/03/почему-же-так-называется/> (In Russian)
12. Eliseeva M.B. Renaming in the speech of children of early age. *Logoped v Detskom Sadu*, 2007, no. 2(17), pp. 5–11. (In Russian)

13. Papandropoulou I., Sinclair H. What is a word? Experimental study of children's ideas on grammar. *Human Development*, 1974, no. 1, pp. 241–258. URL: <https://doi.org/10.1159/000271348>.
14. Gridina T.A. “*Svoya igra*”: *rebenok v mire yazyka* [“One's Own Game”: A Child in the World of Language]. Yekaterinburg, FGBOU VPO “Ural. Gos. Pedagog. Univ.”, 2015. 177 p. (In Russian)
15. Eliseeva M.B., Romanenko V.G. Types of interpretations of the meanings of adjectives by inophone children and Russian-speaking children. *Nachal'naya Shkola*, 2014, no. 6, pp. 91–94. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Трифонова Т.А. Особенности языковой рефлексии детей с различными стратегиями освоения языка (по результатам экспериментального исследования) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 3. С. 105–118. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.105-118>. ⟩

⟨ **For citation:** Trifonova T.A. The features of linguistic reflection in children with different language acquisition strategies (based on the results of an experimental study). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 3, pp. 105–118. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.105-118>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 376

doi: 10.26907/2541-7738.2023.3.119-135

СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ С РАС: НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

*И.А. Нигматуллина, Э.А. Садретдинова, А.О. Юдина, Е.Д. Юрикова,
С.Н. Комарова*

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Для реализации приоритетного направления развития образования в России – формирования эффективной системы выявления, поддержки и развития способностей у детей – необходимо проведение научных исследований с использованием современных диагностических технологий, направленных на углубление знаний об особенностях детей с нарушенным развитием, и преимущественно это касается детей с расстройствами аутистического спектра (РАС). В настоящем исследовании на основании анализа отечественного нейропсихологического инструментария была обоснована возможность и необходимость применения российских методик нейропсихологической диагностики при изучении речевых особенностей детей с РАС. Представлены результаты анкетирования 20 родителей детей, посещающих специальный (коррекционный) детский сад КФУ «МЫ ВМЕСТЕ», с целью анализа данных об их речевом развитии начиная с раннего возраста. Проведен эксперимент по изучению речевого развития 20 детей 4-6 лет с применением нейропсихологического инструментария: игровых тестовых заданий в структуре основных сфер – социальной, когнитивной, двигательной (моторной), нейродинамической и регуляторной; анализа результатов их обработки и беседы с детьми и их родителями. Значимость исследования заключается в интерпретации результатов, способствующих внедрению нейропсихологического подхода в диагностику речевых нарушений у детей дошкольного возраста с РАС, для дальнейшего выстраивания специалистом коррекционно-образовательного маршрута.

Ключевые слова: речевое развитие, нейропсихологическая диагностика, нейропсихологический подход, дети дошкольного возраста, расстройства аутистического спектра (РАС)

Введение

Диагностика состояния высших психических функций (ВПФ) – одна из главных задач нейропсихологии. В нейропсихологии ВПФ рассматриваются как системные образования, состоящие из набора компонентов, каждый из которых опирается на работу определенного участка мозга и вносит в работу системы свой специфический вклад. Отставание в развитии одного из компонентов влечет за собой системные изменения и компенсаторные перестройки в работе всей системы [1, с. 85].

В настоящее время возрастает интерес к нейропсихологической диагностике и коррекции трудностей в обучении детей, так как не только в России, но и во всем мире увеличивается количество обучающихся дошкольного и школьного возраста, имеющих проблемы развития, обучения, дезадаптивного поведения и

речи. Особенно остро данный вопрос стоит по отношению к детям с расстройствами аутистического спектра (РАС).

Расстройства аутистического спектра – нозологический континуум генетически и клинически разнородных психических расстройств, которые объединены комплексным нарушением психического развития, социального взаимодействия и поведения. Устойчивость внимания и контроль действий относятся к основным трудностям у детей с РАС [2, с. 123].

К проявлениям дезадаптации у обучающихся с РАС можно отнести отсутствие вербальной речи, трудности в овладении знаниями и навыками, нарушения коммуникации и социального взаимодействия как со сверстниками, так и со взрослыми, нарушения поведения. У родителей таких детей отмечается повышенная тревожность, напряженность, эмоциональный дискомфорт, неправильные формы взаимодействия с ребенком.

При изучении речевых возможностей и степени готовности детей (в том числе с РАС) к последующему школьному обучению, прогнозировании их успешности одним из ведущих подходов является нейропсихологический. Данный подход позволяет на основании изучения динамики развития высших психических функций, определения особенностей дефицитарности психических функций на разных этапах развития ребенка и возможности их компенсации предложить эффективные способы профилактики и коррекции речевых и когнитивных нарушений. Дифференцированная и системная нейропсихологическая диагностика дает возможность выявить причины речевых расстройств, определить первичные и вторичные нарушения, построить подробную индивидуальную программу коррекционно-развивающего обучения ребенка с РАС, включающую различные направления работы над пассивной и активной речью, моторной сферой, работу по развитию внимания, памяти, мышления и т. д. [3, р. 1228].

Современное состояние изученности проблемы

В последние годы отечественная нейропсихология, основоположником которой является А.Р. Лурия, претерпевает существенный методологический и содержательный рост, возросло внимание специалистов к возможностям нейропсихологического подхода при изучении речевых расстройств, сопряженных с искаженным развитием определенных высших психических функций у детей, что вносит соответствующие корректировки в диагностический инструментарий.

Методики, применяемые в работе с детьми с РАС, должны обеспечивать детальную оценку всех основных функциональных сфер, что связано со всеобъемлющим характером нарушений и асинхронией в развитии различных функциональных областей и навыков [4, с. 10].

Особый интерес представляет уровневый онтогенетический подход к пониманию аутистического расстройства, предложенный Т.Г. Горячевой и Ю.В. Никитиной (2011), основанный на идеях А.Р. Лурии, Н.А. Бернштейна. В нем преимущественно учитываются две нейропсихологические теории понимания возникновения аутистических расстройств: первая (В.С. Рамачандран и Л.М. Оберман) связана с зеркальными нейронами (у пациентов с аутизмом отмечается снижение их активности, что и приводит к невозможности распознавания намерений других людей, неспособности к сопереживанию и дефектам речи). Вторая – теория эмоционального ландшафта – разработана для объяснения второстепенных симптомов аутизма: гиперчувствительности, избегания визуального контакта, отвращения к отдельным звукам и т. д. [5, с. 15].

Дети с аутизмом всегда имеют нарушения восприятия мира. Одних ощущений ребенок избегает, к другим, наоборот, стремится, и они могут перерасти в аутостимуляции. Кроме того, сигналы, полученные от разных органов чувств, не складываются в единую картину. Основная задача нейропсихологической сенсомоторной коррекции – научить ребенка осознавать себя в пространстве, улучшить восприятие окружающего мира, развить моторные, познавательные и сенсорные умения.

Организация психомоторной коррекции с учетом уровня нейропсихологического дефекта зарекомендовала себя как высокоэффективный вид помощи, позволяющий достичь явных и стойких результатов. В этой связи необходимо указать на актуальность и необходимость развития нейропсихологического подхода к диагностике и коррекционному процессу у детей с аутистическими нарушениями.

Как в России (Л.С. Цветкова, Е.Д. Хомская, А.В. Семенович и др.), так и за рубежом (К.Г. Коста, М.Л. Сандберг, Э. Таунсенд, Г.Ш. Вольф) в настоящее время широко используются модифицированные методики классического нейропсихологического обследования. Их целью является рассмотрение проблем отклоняющегося развития через призму нейропсихологических методов исследования для решения вопроса школьной неуспеваемости, оценки речевых способностей, выработки дифференцированных рекомендаций при подготовке детей к школе, а также изучения онтогенеза и оценки вклада биологических и психосоциальных факторов в развитие ребенка и определения зон ближайшего развития [6–12].

Л.С.Цветкова считает, что своевременное нейропсихологическое обследование является основой правильной и эффективной работы с ребенком, нуждающимся в квалифицированной помощи. Ж.М. Глозман, рассматривая преимущества нейропсихологического обследования и возможности его применения в психологической, медицинской и педагогической практике, обосновывает необходимость количественно-качественного подхода для решения задач нейропсихологической работы [7, 13].

А.В. Семенович в основу нейропсихологической диагностики ставит вопрос о понимании направлений, причин и следствий онтогенетического процесса и считает, что проблемы индивидуальных различий в детском возрасте, возникшие под влиянием эндо- и экзогенных факторов, можно скомпенсировать, но можно и стимулировать накопление патологических стигм. А.В. Семенович рекомендует начать нейропсихологическое обследование со сбора анамнестических данных, затем подробно рассмотреть моторные и сенсорные латеральные предпочтения и дать им оценку; исследовать двигательные, тактильные и соматогностические функции; изучить зрительный, слуховой гнозис и пространственные представления, рисунок, копирование; проанализировать особенности зрительной и слухоречевой памяти, речевых функций, письма, чтения, интеллектуальных и эмоционально-личностных процессов, уровень сформированности произвольной и непроизвольной программ саморегуляции и их взаимодействия [6, с. 17].

А.В. Семенович, описывая специфику диагностики, подробно излагает условия, позволяющие сделать вывод об истинной картине дизонтогенеза мозговой организации психических процессов: например, «глухая инструкция», динамические нагрузки в виде увеличения темпа и/или времени выполнения предлагаемых проб, включение и исключение зрительного и речевого самоконтроля. Степень сложности заданий увеличивается согласно возрастным возможностям и степени созревания функций мозга [6, с. 23].

Ж.М. Глозман, А.Е. Соболевой и О.Ю. Титовой предложены базовые теоретические основы и систематизированы методы нейропсихологической диагностики

дошкольников, начиная с трехлетнего возраста, в которой представлены задачи и апробированные результаты обследования детей дошкольного возраста, дан анализ теоретических вопросов специфики нейропсихологической диагностики данной категории детей. Подробно описаны различные методы и представлен стимульный материал (альбом). Авторами детально изложены схемы нейропсихологического обследования дошкольников, включающего психоречевые и моторные особенности развития, а также принципы, критерии и шкалы для количественной оценки результатов. Кроме того, описаны нарушения высших психических функций у детей, при этом особое внимание уделяется анализу задержки и отставания в речевом развитии, синдрому дислексии и дисграфии [13, с. 32].

Методика Т.А. Фотековой и Т.В. Ахутиной включает в себя два блока диагностического инструментария. Первый разработан для обследования детей младшего школьного возраста, а второй – старшего. Эти блоки сочетают как классические в логопедической практике приемы (изучение пассивного и активного словаря, грамматического строя речи, особенностей связной речи, а также устной и письменной речи), так и нейропсихологические методы и приемы обследования речи, которые помогают наиболее точно оценить психологические механизмы, лежащие в основе речевых нарушений, и включают выявление и описание симптомокомплекса выявленных нарушений. Методика носит тестовый характер, но особое внимание уделено качественной обработке и интерпретации речевых нарушений. Изучение полученных результатов в целом дает полное представление о картине речевого статуса ребенка, что в дальнейшем позволяет определить стратегию эффективной коррекционной работы [14, с. 3].

Методика нейропсихологической диагностики детей Л.С. Цветковой создана для помощи детям старшего дошкольного и младшего школьного возраста как с нормальным психическим развитием, так и с особыми образовательными потребностями. В ее основе лежат современные нейролингвистические и психолингвистические концепции формирования и развития высших психических функций у детей [7]. Для выявления причин возникающих трудностей автор рекомендует проводить комплексное медико-психолого-педагогического обследование ребенка, включающее изучение двигательных возможностей, познавательных процессов, восприятия, внимания, речи. Основываясь на результатах полученных данных, исследователь рекомендует разработать специальную программу, направленную на коррекцию нарушенных функций. Данный подход дает возможность исследовать нарушения на мозговом, психофизиологическом и психологическом уровнях организации, это позволяет как выявить симптом, так и определить механизмы его возникновения. В методике предложены рекомендации для составления заключения на основе данных количественного и качественного анализа выполнения тестов, в результате получается обобщенная синдромная картина нарушений психических функций, а также выявляются причины нарушения речи, письма, счета, чтения и других ВПФ.

Е.В. Гуткевич и соавторы, рассматривая клинко-нейропсихологические особенности церебральной организации подкорковых структур у детей с расстройством аутистического спектра, выявили взаимосвязь между показателями состояния проводящих слуховых путей и показателями структурно-функциональных блоков головного мозга у детей с РАС путем регистрации акустических вызванных потенциалов ствола мозга [2, с. 122].

Таким образом, по результатам проведенного анализа существующих нейропсихологических диагностических методик был сделан вывод о том, что нейропсихологическое обследование позволяет раскрыть механизмы наруше-

ния ВПФ, дисфункцию мозговых центров, более точно определить стратегии и методы коррекционной работы, направленные на устранение причины, а не симптома, с опорой на сохранные анализаторные системы, что помогает преодолеть недоразвитие нарушенных функций, в том числе и речевых, а также повысить эффективность работы по формированию базовых психических процессов.

Методы

Для изучения нарушений речи у детей с РАС была использована методика «Нейропсихологическая диагностика детей дошкольного возраста», авторами которой являются Ж.М. Глозман, А.Е. Соболева, Ю.О. Титова [13].

В эксперименте приняло участие 20 родителей и 20 детей дошкольного возраста в возрасте от 4 до 6 лет, которые с 2021 г. посещают специальный (коррекционный) детский сад КФУ «МЫ ВМЕСТЕ». При поступлении обучающихся в образовательную организацию было проведено онлайн-анкетирование родителей, по результатам которого собраны анамнестические данные о ребенке. Анкета, разработанная О.С. Никольской, Е.Р. Баенской, М.М. Либлинг, была переведена в электронный формат в виде вопросно-ответной формы¹ [15].

Анализ ответов родителей позволил выявить следующие особенности развития речи детей с РАС: появление первых слов до 2 лет (10 детей), отсутствие речи до 3 лет (10 детей); отсутствие в раннем возрасте простой фразы (17 детей); отсутствие навыка просьбы (20 детей) (навык просьбы с помощью указательного жеста сформирован у 2 детей); отсутствие личных местоимений (12 детей), несформированность диалогической речи (16 детей), несформированность связной речи (20 детей).

После опроса родителей о речевом развитии детей была проведена дифференцированная и системная нейропсихологическая диагностика детей дошкольного возраста по методике Ж.М. Глозман, А.Е. Соболевой, Ю.О. Титовой [13].

На диагностическом этапе проводилась комплексная психолого-педагогическая диагностика, целью которой являлись определение индивидуальных особенностей нарушений развития и прогнозирование проблем в обучении у детей дошкольного возраста с РАС [16].

Обследование включало четыре основные части:

- 1) установление контакта с ребенком;
- 2) этап обследования за столом с предъявлением различных игровых тестовых заданий;
- 3) пауза для отдыха, которая предоставлялась при признаках утомления;
- 4) заключительная беседа, в ходе которой до понимания родителей доводились проблемы ребенка, их причины (путем совместного анализа заполненного родителями опросника раннего развития) и вероятные последствия для дальнейшего обучения.

Диагностика речевого развития детей с РАС проводилась по социальной, когнитивной, моторной и речевой сферам. Изучение специфики сформированности речевых функций детей с РАС было включено во все разделы данного обследования.

Уровень социального развития ребенка оценивался в процессе наблюдения и по результатам беседы с родителями после обследования либо во время пауз для отдыха детей. Проводился анализ используемых ребенком средств общения через изучение особенностей адаптации ребенка к новой обстановке, его

¹ URL: <https://forms.yandex.ru/u/62b8552a6968a4eb052374eb/>.

поведения и эмоционально-волевой сферы, умения и желания устанавливать контакт с незнакомыми взрослыми, сформированности навыков самообслуживания.

Диагностика когнитивного развития детей, функции которого имеют основополагающее значение для понимания речи, включала оценку уровня овладения сенсорными эталонами, сформированности пространственных представлений, развития целостного образа предмета, памяти и интеллекта.

При обследовании речевого развития применялся комплексный подход, учитывалась взаимосвязь экспрессивного и импрессивного компонентов, определялась зона ближайшего развития речевой сферы. При анализе речевого статуса ребенка использовалась заполненная родителями анкета по речевому развитию детей раннего возраста.

Как известно, степень развития речи зависит от уровня развития памяти ребенка. Именно поэтому в мнестической сфере использовался тест на изучение особенностей зрительной и слухоречевой памяти. Так, для исследования слухоречевой памяти респонденту предлагались для запоминания не связанные между собой слова, из которых он должен был запомнить к третьему предъявлению большую их часть в любой последовательности. В зависимости от возраста ребенка количество слов и частота их предъявления изменялись.

При обследовании двигательной сферы оценивался уровень развития крупной и мелкой моторики. С детьми 4–6 лет проводился тест на оральный праксис (надуть щеки, надуть одну щеку, поцокать, упереть язык в щеку), поскольку именно от качества и объема оральных навыков во многом зависит усвоение детьми нормативного звукопроизношения. Анализ конструктивной деятельности ребенка помог выявить уровень сформированности навыка выполнения действий по подражанию и инструкции, что позволило сделать выводы о специфике поведения.

В комплексную диагностику были включены задания на изучение изобразительной деятельности у респондентов для выявления специфики развития мелкой моторики и предпосылок к предметному рисунку.

В процессе диагностики исследовалась также игровая деятельность, основным диагностическим методом в сфере которой выступало наблюдение.

Основой для исследуемых психических функций являлась нейродинамическая регуляция. Для ее оценки применялась корректурная проба, в которой ребенок должен был обвести или зачеркнуть за 60 с как можно больше четырехконечных звездочек. Эта проба выявляла нарушения избирательности, когда ребенок заменял тестовый стимул фоновыми [13].

Результаты нейропсихологического обследования детей дошкольного возраста с РАС позволили определить нормативную (от 0 до 2.9 баллов), легкую (от 3 до 4.9 баллов), среднюю (от 5 до 6.9 баллов) и грубую (от 7 и более баллов) степень недоразвития речевой функции у респондентов и выявить сохранные неречевые психические функции.

Чем меньше баллов набирает ребенок при выполнении заданий, тем лучше у него сформирована та или иная функция.

Результаты исследования

В ходе эксперимента проведено обследование речевого развития детей в структуре четырех основных сфер: социально-коммуникативной, когнитивной, двигательной (моторной), нейродинамической и регуляторной.

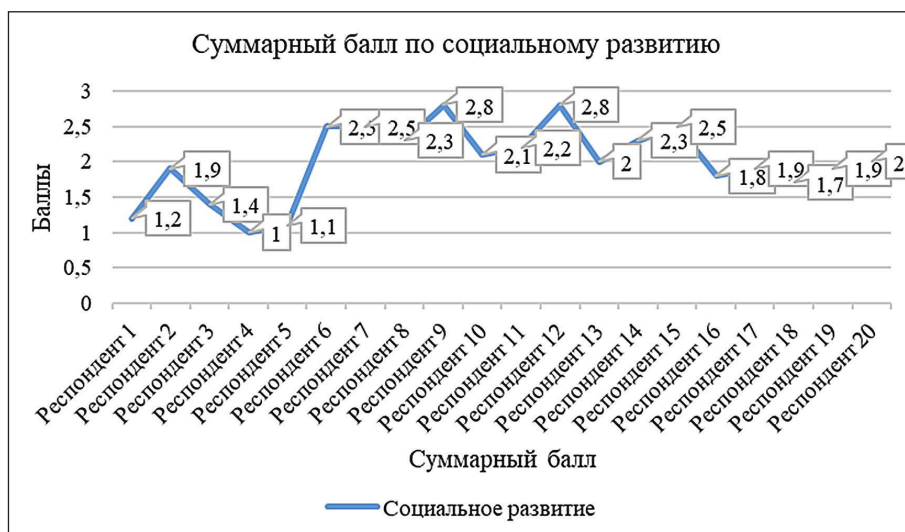

Рис. 1. Суммарный балл результатов обследования социально-коммуникативного развития детей дошкольного возраста с РАС

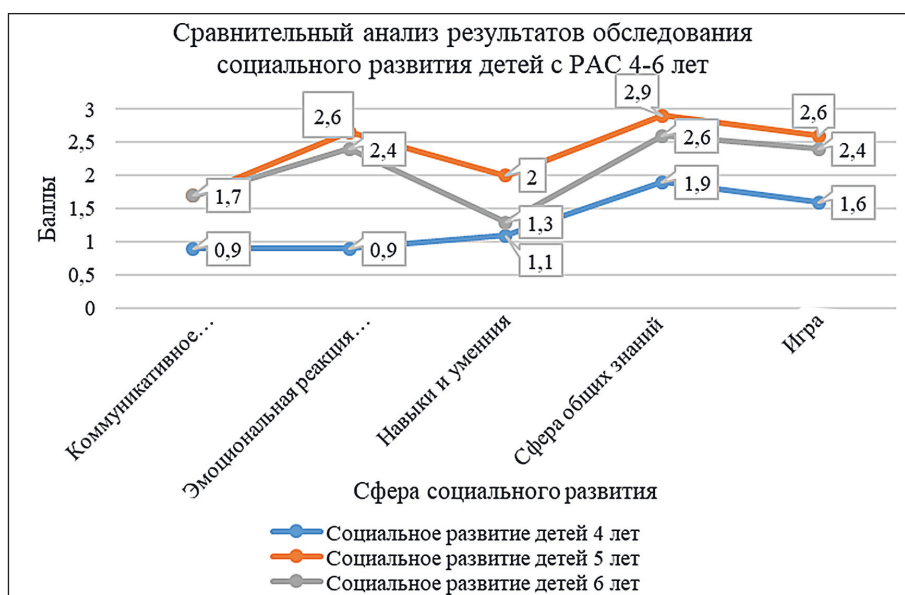

Рис. 2. Сравнительный анализ результатов обследования социально-коммуникативного развития детей с РАС 4-6 лет

По результатам анализа социально-коммуникативного развития детей с РАС были выявлены низкие показатели сформированности игровой деятельности. Обследовалось умение соблюдать последовательность действий и правил, вид игровой деятельности, присутствие замены игровой деятельности стереотипными манипуляциями с игровыми и неигровыми предметами. Отмечались эмоциональные реакции, сферы общих интересов ребенка (знание своего имени, имен родителей, своего возраста, места проживания, умение использовать предметы по назначению) (рис. 1, 2). Наиболее низкие показатели представлены у 10 детей: 2 ребенка набрали 2,8 баллов, 3 ребенка – 2,5 балла, 2 – 2,3 балла, 1 – 2,2 балла,

1 – 2.1 балла, 2 – 2 балла. Средний уровень развития социально-коммуникативной сферы продемонстрировали 10 респондентов – от 1.9 до 1 балла. Результаты обследования социально-коммуникативного развития показали, что у детей сформировано предметно-действенное общение.

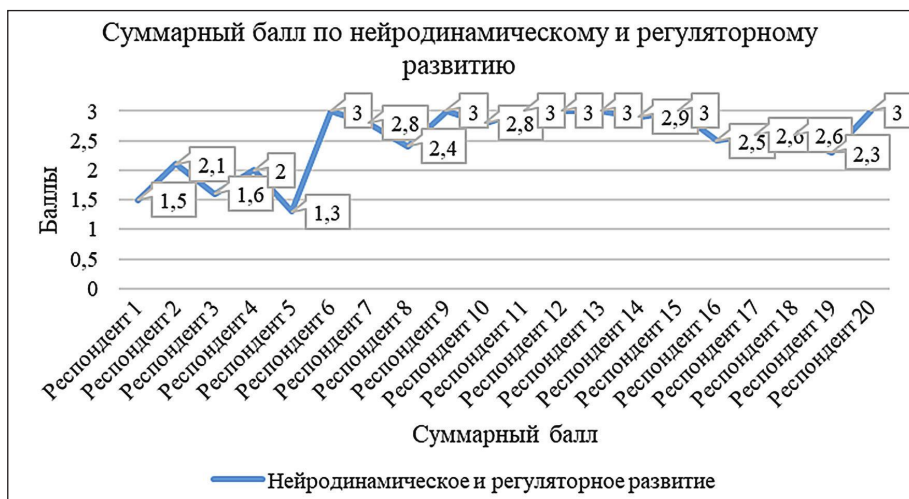

Рис. 3. Суммарный балл результатов обследования нейродинамического и регуляторного развития детей дошкольного возраста с РАС

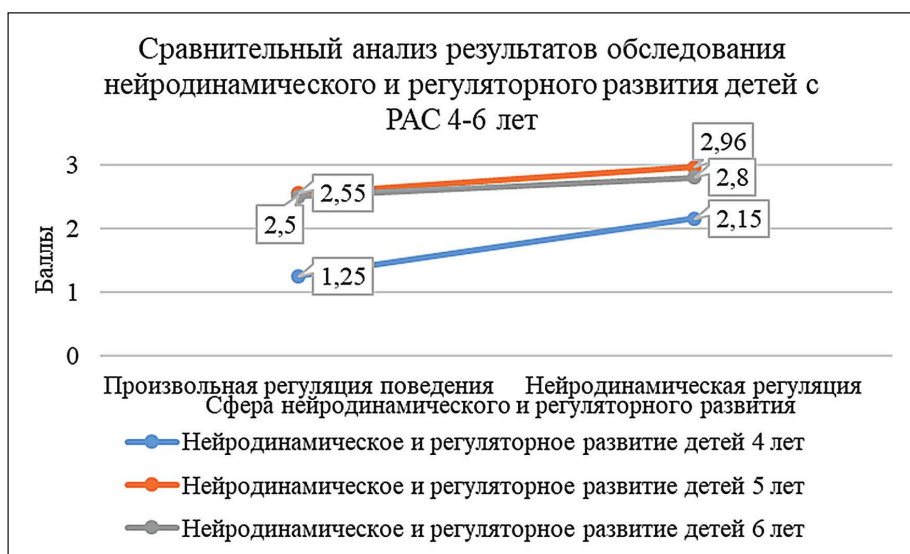

Рис. 4. Сравнительный анализ результатов обследования нейродинамического и регуляторного развития детей с РАС 4–6 лет

Анализ результатов обследования нейродинамического и регуляторного развития детей с РАС (рис. 3, 4) показал, что у респондентов 4 лет нейродинамическая и произвольная регуляции поведения сформированы лучше, чем у респондентов 5 и 6 лет.

В ходе диагностики отмечались следующие показатели: выдерживание определенного времени обследования в зависимости от возраста, удерживание

рабочей позы, отвлекаемость, паузы при выполнении заданий, корректурная проба, следование инструкциям, понимание слова «нельзя», полевое поведение, расторможенность, замена действий стереотипами, импульсивность, наличие ориентировочного этапа деятельности.

Низкие показатели были выявлены у 12 детей (от 2.6 до 3 суммарных баллов), 8 респондентов продемонстрировали средние показатели (4 ребенка набрали 2.5–2.1 балла, 2 ребенка – 2–1.6 балла и 2 ребенка – 1.1–1.5 балла). Большинство детей не следует инструкциям, наблюдаются проблемы с удержанием рабочей позы, повышена отвлекаемость.

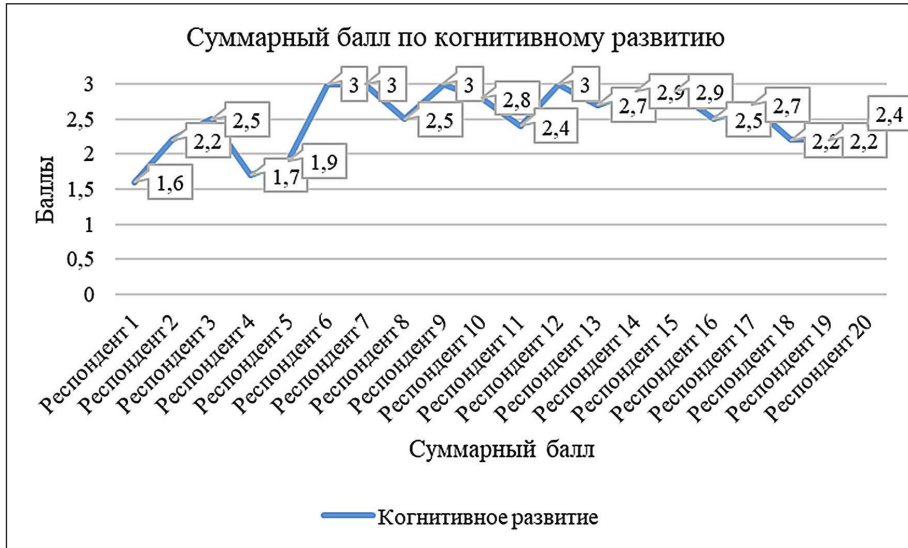

Рис. 5. Суммарный балл результатов обследования когнитивного развития детей дошкольного возраста с РАС

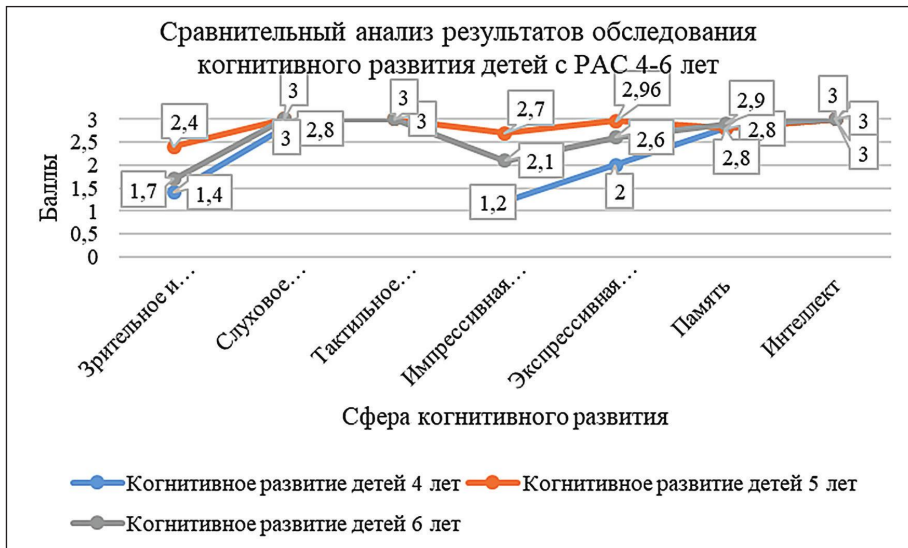

Рис. 6. Сравнительный анализ результатов обследования когнитивного развития детей с РАС 4–6 лет

Результаты исследования когнитивного развития детей, включающего шесть показателей развития психических функций, показали, что у респондентов 4 лет развитие интеллекта (тест «четвертый лишний»), понимание смысла сюжетной картинки, понимание смысла серии картинок, понимание смысла с опорой на вопросы), слухового восприятия, продиагностированного с помощью задания на повторение ритмических структур и памяти, задерживается в наибольшей степени по сравнению с другими функциями. При этом результаты обследования понимания бытовых и несложных учебных инструкций (индикатор «импрессивная речь») показали: средний балл меньше по сравнению с другими, что указывает на наиболее сохранную функцию в сфере когнитивного развития.

У респондентов 5 лет все параметры, кроме зрительно-пространственного восприятия (испытуемый показывает реальные изображения, перечеркнутые и наложенные изображения, складывает доску Сегена и контейнер), указывают на серьезную задержку в когнитивном развитии. У респондентов 6 лет зрительно-пространственное восприятие и импрессивная речь являются сильными сторонами. 0.1 и 1.5 балла в сфере когнитивного развития не набрал никто. Низкие показатели продемонстрировали 17 детей, набрав от 2.1 до 3 баллов, средние показатели были выявлены у 3 респондентов: они набрали от 1.6 до 2 баллов (рис. 5, 6).

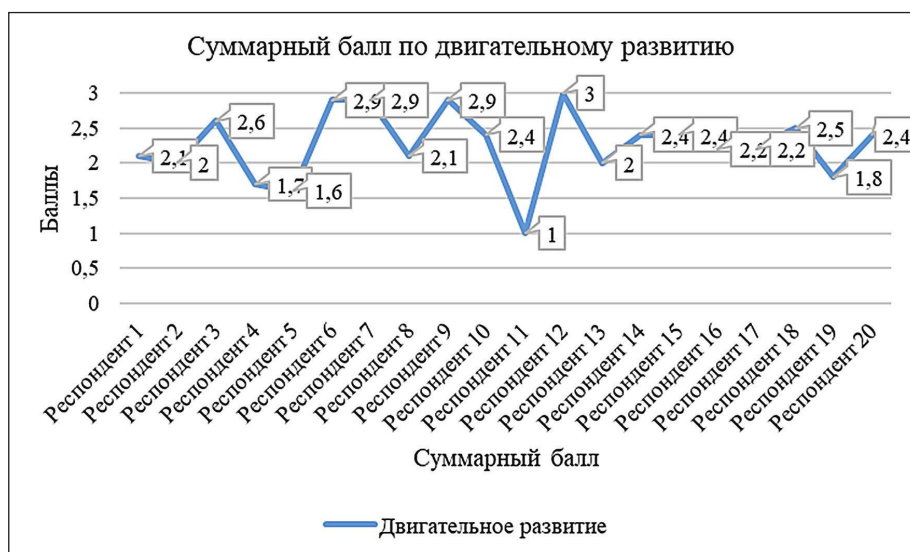

Рис. 7. Суммарный балл результатов обследования двигательного развития детей дошкольного возраста с РАС

Анализ результатов обследования двигательного развития дошкольников с РАС показал, что у детей четырехлетнего возраста данная сфера является самой несформированной. Наиболее нарушенным является показатель реципрокной координации движений (тест на реципрокную координацию рук). Конструктивная деятельность (конструирование из кубиков разного размера) наиболее сохранна.

У респондентов 5 и 6 лет крупная моторика (уверенно ходит и бежит со свободными движениями рук, кидает и ловит мячик средних размеров, перешагивает через препятствие и т. д.) и конструктивная деятельность являются наиболее

сохранными звеньями психического развития, при этом развитие реципрокной и сукцессивной координации движений грубо нарушена (задания на динамический праксис: «кулак-ребро», «кулак-ребро-ладонь»). 14 респондентов продемонстрировали низкие результаты, от 2.1 до 3 баллов, 6 – средние результаты, от 1 до 2 баллов (рис. 7, 8).

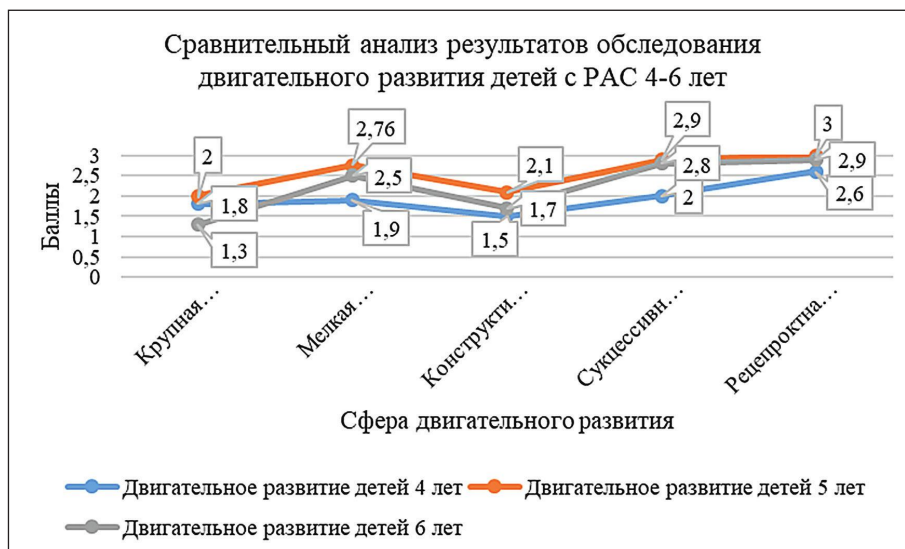

Рис. 8. Сравнительный анализ результатов обследования двигательного развития детей с РАС 4-6 лет

Результаты проведенного нейропсихологического обследования позволили выявить показатели суммарного балла психического функционирования детей дошкольного возраста с РАС и особенности их речевого развития.

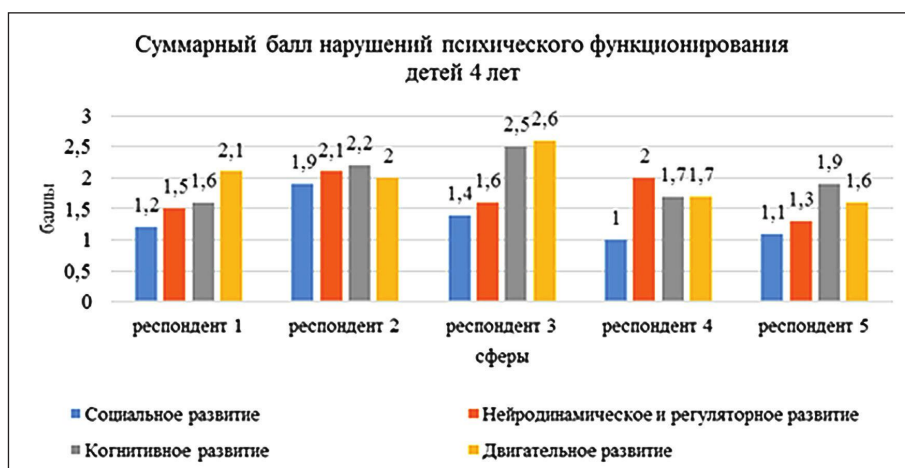

Рис. 9. Анализ результатов изучения особенностей психического развития детей с РАС 4 лет

У респондентов четырехлетнего возраста было выявлено, что двигательное развитие является наиболее нарушенным, а сфера социально-коммуникативного развития может послужить опорным звеном (рис. 9).

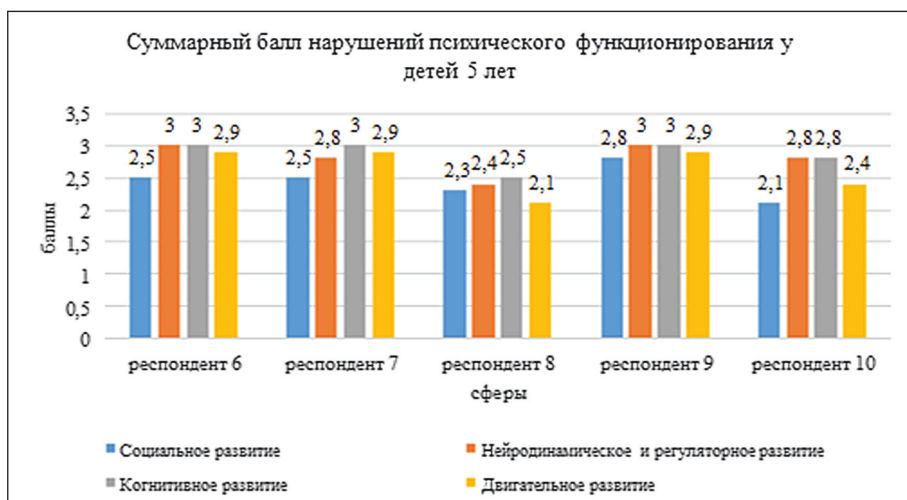

Рис. 10. Анализ результатов изучения особенностей психического развития детей с РАС 5 лет

У респондентов 5 лет сильнее нарушены познавательные процессы, опорным звеном могут послужить двигательная и социально-коммуникативная сферы развития (рис. 10).

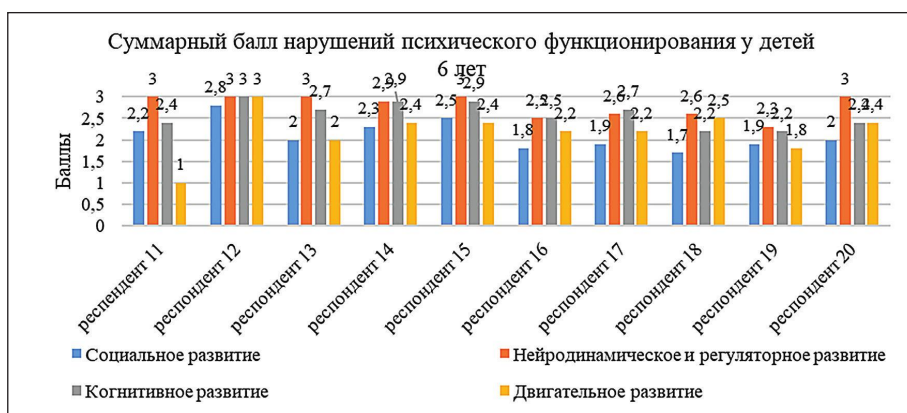

Рис. 11. Анализ результатов изучения особенностей психического развития детей с РАС 6 лет

У респондентов 6 лет зафиксированы выраженные нарушения в сфере нейродинамического и регуляторного развития, более сформированной стороной является двигательное и социально-коммуникативное развитие (рис. 11).

Таким образом, средняя степень незрелости нейродинамического и регуляторного развития отмечается у 17 детей.

Проведенный анализ результатов нейропсихологического обследования представляет собой сочетание качественного и количественного подходов к обработке данных. Изначально при сборе данных проводился качественный анализ результатов, проставлялись первичные оценки по определенным параметрам. Дальнейшее сопоставление полученных в ходе количественно-качественного анализа индексов позволило определить специфику речевых функций, описать неравномерность развития психических процессов, определить сильные и слабые стороны ребенка [1].

Заключение

Таким образом, в результате проведения обследования четырех сфер психического развития детей дошкольного возраста с РАС были выявлены сильные (опорные) звенья, а также компоненты, требующие дальнейшего формирования в рамках коррекционной работы.

Сравнительный анализ показал, что у детей с расстройствами аутистического спектра происходит комплексная задержка всех сфер развития. Во всех обследуемых сферах наблюдались нарушения речевого развития детей с РАС, проявляющиеся в нарушениях просодики и плавности речи, грамматического оформления высказывания, в бедности речи, в поиске названий предметов, в наличии парафазий, в инертности (персеверациях) при назывании, соотношении слова (фразы) с картинкой и в спонтанной речи, в речевой аспонтанности, в трудностях включения в речь, в нарушениях понимания предметно отнесенных слов, в наличии фонетических и семантических замен.

Во время проведения диагностики у детей отмечались эхолалии, неологизмы, отсутствие мотивации к вербальному поведению как к средству общения, несформированность диалогической речи, отсутствие в речи личных местоимений или их неправильное употребление.

Анализ полученных результатов нейропсихологического обследования дошкольников с РАС позволил не только выявить слабые звенья в развитии речевых и неречевых высших психических функций у ребенка, но и уточнить сильные стороны, определяющие зону его ближайшего развития, что позволит построить своевременную индивидуальную программу коррекционно-развивающего обучения ребенка.

Благодарности. Работа выполнена за счет средств Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета (Приоритет-2030).

Литература

1. Ахутина Т.В., Матвеева Е.Ю., Романова А.А. Применение луриевского принципа синдромного анализа в обработке данных нейропсихологического обследования детей с отклонениями в развитии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2012. № 2. С. 84–95.
2. Гуткевич Е.В., Пустовая А.В., Шушпанова О.В., Чельшева Л.В., Симашикова Н.В. Клинико-нейропсихологические особенности церебральной организации подкорковых структур в развитии психических расстройств аутистического спектра у детей // Клиническая и специальная психология. 2022. Т. 11. № 3. С. 120–141. URL: <https://doi.org/10.17759/cpse.2022110305>.
3. Nigmatullina I.A., Gorobets E.A., Gamirova R.G., Mukhamedshina Y.O., Yarmakeev I.E. A comprehensive model of neuropsychological and speech assessment for children with ASD // ARPHA Proc. 2022. No 5. P. 1227–1238. URL: <https://doi.org/10.3897/ap.5.e1227>.
4. Манелис Н.Г., Хаустов А.В., Панцырь С.Н., Волгина Н.Н., Мамонтова Н.А. Сравнительный анализ диагностических методик, используемых в образовательных организациях г. Москвы при работе с детьми с расстройствами аутистического спектра // Аутизм и нарушения развития. 2015. № 2 (47). С. 8–16.
5. Антонова Е.Ю., Токарева И.Ф. О сущности и соотношении понятий «детский аутизм» и «расстройства аутистического спектра» // Развитие профессионализма. 2018. № 2 (6). С. 14–18.
6. Семенович А.В. Нейропсихологическая диагностика и коррекция в детском возрасте. М.: Академия, 2002. 232 с.

7. *Цветкова Л.С.* Методика нейропсихологической диагностики детей. М.: Российское педагогическое агентство; Когито-центр, 1998. 128 с.
8. *Costa C.H., Molini-Avejonas D.R.* Development of speech therapy app for parents // *CoDAS*. 2020. V. 32, No 5. Art. e20190123. URL: <https://doi.org/10.1590/2317-1782/20202019123>.
9. *Sundberg M.L.* The benefits of Skinner's analysis of verbal behavior for children with autism // *Behav. Modif.* 2001. V. 25, No 5. P. 698–724. URL: <https://doi.org/10.1177/0145445501255003>.
10. *Sundberg M.L.* VB-MAPP Verbal Behavior Milestones Assessment and Placement Program. A Language and Social Skills Assessment Program for Children with Autism or Other Developmental Disabilities: Guide. 2nd ed. AVB Press, 2008. 239 p.
11. *Townsend E., Nielsen E., Allister R., Cassidy S.A.* Key ethical questions for research during the COVID-19 pandemic // *The Lancet Psychiatry*. 2020. V. 7, No 5. P. 381–383. URL: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30150-4](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30150-4).
12. *Wolff G.S., Garcia de Goulart B.N.* Parents' perception about communication disorders in childhood // *J. Hum. Growth Dev.* 2013. V. 23, No 2. P. 177–183. URL: <https://doi.org/10.7322/jhgd.61293.0>.
13. *Глозман Ж.М., Соболева А.Е., Титова Ю.О.* Нейропсихологическая диагностика детей дошкольного возраста: в 3 ч. М.: АЙРИС-пресс, 2022.
14. *Ахутина Т.В., Фотекова Т.А.* Диагностика речевых нарушений школьников с использованием нейропсихологических методов: Пособие для логопедов и психологов. М.: АРКТИ, 2002. 136 с.
15. *Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М.* Аутичный ребенок. Пути помощи. М.: Теревинф, 1997. 227 с.
16. *Низамеева Л.Ф.* Теоретический анализ нейропсихологического сопровождения детей дошкольного возраста с расстройством аутистического спектра в условиях ресурсной группы // *Актуальные исследования*. 2021. № 12 (39). С. 77–79.

Поступила в редакцию 20.07.2023

Принята к публикации 20.09.2023

Нигматуллина Ирина Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии и педагогики специального образования, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Комплексное сопровождение детей с РАС»

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: irinigma@mail.ru

Садретдинова Эльвира Азгамовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры дошкольного образования, заведующая специальным (коррекционным) детским садом для детей с расстройствами аутистического спектра «МЫ ВМЕСТЕ»

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: ellsah@bk.ru

Комарова Светлана Николаевна, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики специального образования, учитель-логопед специального (коррекционного) детского сада для детей с расстройствами аутистического спектра «МЫ ВМЕСТЕ»

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: skomarov@yandex.ru

Юдина Александра Олеговна, учитель-дефектолог специального (коррекционного) детского сада для детей с расстройствами аутистического спектра «МЫ ВМЕСТЕ», лаборант-исследователь научно-исследовательской лаборатории «Комплексное сопровождение детей с РАС»

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: *Alexandra_yud00@mail.ru*

Юрикова Екатерина Денисовна, учитель-логопед специального (коррекционного) детского сада для детей с расстройствами аутистического спектра «МЫ ВМЕСТЕ»

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: *yurikova18072000@mail.ru*

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI

(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 3, pp. 119–135

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.3.119-135

Speech Development of Children with ASD: A Neuropsychological Approach

*I.A. Nigmatullina**, *E.A. Sadretdinova***, *A.O. Yudina****,
*E.D. Yurikova*****, *S.N. Komarova******

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia
E-mail: **irinigma@mail.ru*, ***ellsah@bk.ru*, ****Alexandra_yud00@mail.ru*,
*****yurikova18072000@mail.ru*, ******skomar-ova@yandex.ru*

Received July 20, 2023; Accepted September 20, 2023

Abstract

Effective identification, support, and development of children's abilities is a priority task of the education system in Russia. This demands deeper research based on the use of modern diagnostic technologies and neuropsychological tools, especially in what concerns children with impaired development, such as autism spectrum disorders (ASD). Neuropsychological rehabilitation of children with ASD remains a poorly understood yet critical problem. Here, we explore common neuropsychological tools employed in Russia for diagnostics and therapy of ASD in childhood. The prospects of these methods to study the speech characteristics of such children were substantiated. The study is based on a survey of 20 parents of 20 children aged 4–6 years who attend the “WE ARE TOGETHER” Special Kindergarten for Children with Autism Spectrum Disorders at Kazan Federal University (Russia). The speech characteristics of the children, starting from an early age, were thoroughly investigated during the experiment with the help of neuropsychological tools. The latter included game tasks to test social, cognitive, motor, neurodynamic, and regulatory skills, as well as the analysis of the transcripts of the interviews with both children and their parents. The results obtained facilitate the introduction of the neuropsychological approach to diagnose speech disorders in preschool children with ASD, and it can be further improved by experts in the rehabilitation and education of children exhibiting ASD symptoms.

Keywords: speech development, neuropsychological diagnostics, neuropsychological approach, preschool children, autism spectrum disorders (ASD)

Acknowledgments. This study was supported by the Kazan Federal University Strategic Academic Leadership Program (PRIORITY-2030).

Figure Captions

Fig. 1. Total scores on the social communication skills development survey among preschool children with ASD.

Fig. 2. Comparative analysis of the scores on the social communication skills development survey among preschool children with ASD aged 4–6 years.

Fig. 3. Total scores on the neurodynamic and regulatory skills development survey among preschool children with ASD.

Fig. 4. Comparative analysis of the scores on the neurodynamic and regulatory skills development survey among preschool children with ASD aged 4–6 years.

Fig. 5. Total scores on the cognitive skills development survey among preschool children with ASD.

Fig. 6. Comparative analysis of the scores on the cognitive skills development survey among preschool children with ASD aged 4–6 years.

Fig. 7. Total scores on the motor skills development survey among preschool children with ASD.

Fig. 8. Comparative analysis of the scores on the motor skills development survey among preschool children with ASD aged 4–6 years.

Fig. 9. Analysis of the scores on mental development among preschool children with ASD aged 4 years.

Fig. 10. Analysis of the scores on mental development among preschool children with ASD aged 5 years.

Fig. 11. Analysis of the scores on mental development among preschool children with ASD aged 6 years.

References

1. Akhutina T.V., Matveeva E.Yu., Romanova A.A. Using the principle of Luria's syndrome analysis for processing the results of neuropsychological assessment of children with developmental disorders. *Vestnik Moskovskogo Universiteta, Seriya 14. Psikhologiya*, 2012, no. 2, pp. 84–95. (In Russian)
2. Gutkevich E.V., Pustovaya A.V., Shushpanova O.V., Chelysheva L.V., Simashkova N.V. Clinical and neuropsychological features of the cerebral organization of subcortical structures during the ASD development in children. *Klinicheskaya i Spetsial'naya Psikhologiya*, 2022, vol. 11, no. 3, pp. 120–141. URL: <https://doi.org/10.17759/cpse.2022110305>. (In Russian)
3. Nigmatullina I.A., Gorobets E.A., Gamirova R.G., Mukhamedshina Y.O., Yarmakeev I.E. A comprehensive model of neuropsychological and speech assessment for children with ASD. *ARPHA Proceedings*, 2022, no. 5, pp. 1227–1238. URL: <https://doi.org/10.3897/ap.5.e1227>.
4. Manelis N.G., Khaustov A.V., Pantsyr' S.N., Volgina N.N., Mamontova N.A. Comparative analysis of the diagnostic techniques used by educational institutions of Moscow for rehabilitation of children with ASD. *Autizm i Narusheniya Razvitiya*, 2015, no. 2 (47), pp. 8–16. (In Russian)
5. Antonova E.Yu., Tokareva I.F. On the essence and correlation of the concepts of “childhood autism” and “autism spectrum disorders”. *Razvitie Professionalizma*, 2018, no. 2 (6), pp. 14–18. (In Russian)
6. Semenov A.V. *Neiropsikhologicheskaya diagnostika i korrektsiya v detskom vozraste* [Neuropsychological Diagnostics and Correction in Childhood]. Moscow, Akademiya, 2002. 232 p. (In Russian)
7. Tsvetkova L.S. *Metodika neiropsikhologicheskoi diagnostiki detei* [Methods of Neuropsychological Diagnostics of Children]. Moscow, Ross. Pedagog. Agentstvo, Kogito-Tsentr, 1998. 128 p. (In Russian)
8. Costa C.H., Molini-Avejonas D.R. Development of speech therapy app for parents. *CoDAS*, 2020, vol. 32, no. 5, art. e20190123. URL: <https://doi.org/10.1590/2317-1782/20202019123>.
9. Sundberg M.L. The benefits of Skinner's analysis of verbal behavior for children with autism. *Behavior Modification*, 2001, vol. 25, no. 5, pp. 698–724. URL: <https://doi.org/10.1177/0145445501255003>.
10. Sundberg M.L. *VB-MAPP Verbal Behavior Milestones Assessment and Placement Program. A Language and Social Skills Assessment Program for Children with Autism or Other Developmental Disabilities: Guide*. 2nd ed. AVB Press, 2008. 239 p.
11. Townsend E., Nielsen E., Allister R., Cassidy S.A. Key ethical questions for research during the COVID-19 pandemic. *The Lancet Psychiatry*, 2020, vol. 7, no. 5, pp. 381–383. URL: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30150-4](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30150-4).
12. Wolff G.S., Garcia de Goulart B.N. Parents' perception about communication disorders in childhood. *Journal of Human Growth and Development*, 2013, vol. 23, no. 2, pp. 177–183. URL: <https://doi.org/10.7322/jhgd.61293.0>.
13. Glozman Zh.M., Soboleva A.E., Titova Yu.O. *Neiropsikhologicheskaya diagnostika detei doshkol'nogo vozrasta* [Neuropsychological Diagnostics of Preschool Children]. Moscow, AIRIS-Press, 2022. (In Russian)
14. Akhutina T.V., Fotekova T.A. *Diagnostika rechevykh narushenii shkol'nikov s ispol'zovaniem neiropsikhologicheskikh metodov: Posobie dlya logopedov i psikhologov* [Diagnostics of Speech

- Disorders in School Children with Neuropsychological Methods: A Manual for Speech Therapists and Psychologists]. Moscow, ARKTI, 2002. 136 p. (In Russian)
15. Nikolskaya O.S., Baenskaya E.R., Liebling M. M. *Autichnyi rebenok. Puti pomoshchi* [Autistic Child. Ways of Help]. Moscow, Terevinf, 1997. 227 p. (In Russian)
 16. Nizameeva, L.F. Theoretical analysis of neuropsychological behavior in preschool children with autism spectrum disorder under the conditions of the resource group. *Aktual'nye Issledovaniya*, 2021, no. 12 (39), pp. 77–79. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Нигматуллина И.А., Садретдинова Э.А., Юдина А.О., Юрикова Е.Д., Комарова С.Н. Специфика речевого развития детей с РАС: нейropsychологический подход // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 3. С. 119–135. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.119-135>. ⟩

⟨ **For citation:** Nigmatullina I.A., Sadretdinova E.A., Yudina A.O., Yurikova E.D., Komarova S.N. Speech development of children with ASD: A neuropsychological approach. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 3, pp. 119–135. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.119-135>. (In Russian) ⟩

МЕДИЦИНСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'23

doi: 10.26907/2541-7738.2023.3.136-148

КЛИНИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗРАБОТКИ ГЕРИАТРИЧЕСКОЙ ШКАЛЫ ТРЕВОГИ

И.М. Фаттахов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В современной клинической практике встречается ряд заболеваний, морфологический субстрат которых пока изучен недостаточно, и с помощью методов инструментальной диагностики диагностировать такие состояния, как правило, не представляется возможным. Наиболее показательными примерами традиционно выступают соматоформные заболевания, связанные со стрессом, и тревожно-депрессивные расстройства. В этих случаях большую роль в диагностике играет вербальный отчет пациента и его родных, что, в свою очередь, указывает на междисциплинарный характер обозначенной проблематики и открывает широкое поле для исследований в сфере медицинской лингвистики. В статье проведен краткий анализ психометрического инструментария, традиционно применяемого в качестве диагностического скрининга тревожных и депрессивных расстройств среди пациентов различного профиля, отмечается отсутствие у большинства часто используемых скрининговых методик нозологической специфичности и соответствующей валидности относительно гериатрической практики. Предложен вариант *Гериатрической шкалы тревоги (ГШТ)*, разработанной с учетом клинико-лингвистических аспектов соответствующей группы пациентов.

Ключевые слова: психометрика, тревога, депрессия, гериатрия, клиническая лингвистика

Введение

По информации, представленной Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), практически у половины мирового населения хотя бы раз в жизни наблюдались симптомы тех или иных нервно-психических заболеваний, 27% из числа которых приходятся на расстройства аффективной сферы, что, в свою очередь, позволяет заключить, что проблема тревоги, депрессии и стресса вышла далеко за пределы исключительно психиатрической практики [1].

Согласно статистическим данным, в общей популяции около 18% людей испытывают симптомы тревоги и/или депрессии, а среди пациентов учреждений здравоохранения их количество возрастает до 40% [2]. По данным российской статистики [3], 50% пациентов врачей соматического профиля (терапевтов, кардиологов, неврологов и др.) страдают расстройствами депрессивного спектра, а более половины из них – клинически выраженным депрессивным расстройством, то есть каждому четвертому пациенту требуется незамедлительная терапия.

В странах Европы и США распространенность тревожных и депрессивных расстройств составляет 10%, эпизодически тревожно-депрессивные состояния диагностируются у 12–27% населения, а у пациентов с соматической патологией клиническая тревога и депрессия выявляются в два-три раза чаще, чем в общемировой популяции [4], поэтому в настоящее время появляется все больше научных публикаций, освещающих вопросы коморбидности аффективных расстройств и соматической патологии у пациентов различного профиля [5].

Также в свете последних событий актуальность данной проблемы усиливается тем фактом, что у пациентов, перенесших COVID-19, помимо разнообразных неврологических нарушений, частым осложнением являются аффективные расстройства, прежде всего тревожные и депрессивные [6].

Также аффективные расстройства являются наиболее часто встречающимися формами психических нарушений среди пациентов гериатрического профиля [7].

Гериатрия – раздел клинической медицины, занимающийся диагностикой, терапией и разработкой методов реабилитации геронтологических заболеваний – болезней, специфичных для пожилого и старческого возраста. *Геронтопсихиатрия* является разделом психиатрии [8].

Распространенность аффективных расстройств у пожилых пациентов связана, как правило, с тем, что у них в зависимости от тяжести проявлений постепенно накапливающихся инволютивных изменений (когнитивный дефицит различной степени выраженности, психофизиологические особенности лиц пожилого возраста, изменения соматического статуса в связи со старением и др.) может отмечаться закономерное снижение параметров жизненного функционирования, что, в свою очередь, оказывается благоприятной почвой для возникновения реакционных сенильных тревожно-депрессивных состояний, которые являются симптомами гериатрического синдрома депрессии [9].

Последний, как известно, относится к существенным факторам риска ухудшения терапевтического ответа и прогноза, снижения реабилитационного потенциала, а также может приводить к коморбидным состояниям [10].

Проблема своевременной и эффективной диагностики тревоги и депрессии среди пациентов гериатрического профиля является, таким образом, насущной. Основная сложность заключается в том, что для ее решения необходимы усилия представителей различных специальностей, поскольку разработка психометрического инструментария – междисциплинарная проблема.

Общая характеристика тревожных расстройств

Тревожные расстройства – группа психических расстройств, психопатологическое состояние при которых проявляется в форме выраженной – нередко беспричинной – тревоги и/или беспричинного чувства страха.

Зачастую патологическая тревога возникает наряду с другими расстройствами психики, наиболее часто встречающимися среди которых в клинической практике являются *депрессивные расстройства*.

Депрессия – психическое расстройство, психопатологическое состояние при котором проявляется в форме стойкого снижения эмоционального фона и/или полной или частичной утраты способности получать удовольствие (*ангедония*).

Ранее в состав тревожных расстройств также входили *расстройства, связанные с травмой или стрессом*, – группа психических расстройств, возникающих как следствие столкновения человеческой психики со стрессовой ситуацией и/или психотравмирующим событием либо с серией таких ситуаций и/или событий, а также со связанными с ними неблагоприятными переживаниями. Однако

на сегодняшний день данную группу расстройств принято выделять в отдельную категорию, поскольку, как показывает практика, у пациентов, находящихся в стрессовом состоянии, могут вовсе не наблюдаться симптомы тревоги.

Тесно связаны с тревожными *соматоформные расстройства* – группа психических расстройств, проявляющихся в форме соматических симптомов, природа которых, как правило, является исключительно психогенной [11].

Необходимо отметить, что многие симптомы тревожных расстройств также имеют тенденцию к соматизации.

Диагностические критерии тревожных расстройств

В пятом издании *Диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам* (DSM-V) содержится раздел «Тревожные расстройства», включающий в себя 11 тревожных расстройств, часть которых может быть классифицирована по специфическим симптомам:

1. Паническое расстройство;
2. Генерализованное тревожное расстройство;
3. Социальное тревожное расстройство (социальная фобия, социофобия);
4. Тревожное расстройство в связи со страхом разлуки;
5. Селективный мутизм;
6. Специфические фобии;
7. Агорафобия;
8. Другое уточненное тревожное расстройство;
9. Другое неуточненное тревожное расстройство.

Другая часть тревожных расстройств классифицируется исходя из этиологических факторов:

1. Тревожное расстройство, вызванное соматической патологией;
2. Тревожное расстройство, вызванное употреблением лекарственных или психоактивных веществ [12].

Так или иначе, доминантной чертой всех тревожных расстройств является выраженная тревожность или чувство страха. Отличаются они друг от друга спецификой и направленностью симптоматики, а также предполагаемой этиологией. Наиболее показательными и часто встречающимися в клинической практике тревожных расстройств являются: паническое расстройство – 300.01 (F41.0), которое характеризуется повторяющимися неожиданными паническими атаками; генерализованное тревожное расстройство – 300.02 (F41.1).

В *Международной классификации болезней 10-го пересмотра* (МКБ-10) исследовательскими диагностическими критериями *генерализованного тревожного расстройства* является наличие по меньшей мере четырех симптомов из нижеследующих:

«Обязательные симптомы:

- 1) усиленное или учащенное сердцебиение;
- 2) потливость;
- 3) тремор или дрожь;
- 4) сухость во рту (но не от лекарств или дегидратации);

Симптомы, относящиеся к груди и животу:

- 5) затруднения в дыхании;
- 6) чувство удушья;
- 7) боль или дискомфорт в груди;
- 8) тошнота или абдоминальный дистресс (например жжение в желудке);

Симптомы, относящиеся к психическому состоянию:

- 9) чувство головокружения, неустойчивости или обморочности;

10) чувства, что предметы нереальны (дереализация) или что собственное Я отдалилось или «по-настоящему находится не здесь»;

11) страх потери контроля, сумасшествия или наступающей смерти;

12) страх умереть;

Общие симптомы:

13) приливы или ознобы;

14) онемение или ощущение покалывания;

Симптомы напряжения:

15) мышечное напряжение или боли;

16) беспокойство и неспособность к релаксации;

17) чувство нервозности, «на взводе» или психического напряжения;

18) ощущение комка в горле или затруднения при глотании;

Другие неспецифические симптомы:

19) усиленное реагирование на небольшие сюрпризы или на испуг;

20) затруднения в сосредоточении внимания или «пустота в голове» из-за тревоги или беспокойства;

21) постоянная раздражительность;

22) затруднение при засыпании из-за беспокойства» [13].

Диагностика тревожных расстройств

Как известно, психодиагностика аффективных расстройств во многом зависит от сведений, полученных на основании вербального отчета самого пациента, а также информации, предоставленной его ближайшим окружением.

Среди методов оценки эмоционально-личностной сферы пациента обычно принято выделять:

– качественные: осмотр, опрос, сбор анамнеза, клиническое интервьюирование, наблюдение, проективные психодиагностические методики и др.;

– количественные: психометрическое тестирование [14].

Однако следует отметить, что психодиагностика аффективных расстройств не может ограничиваться изолированным применением исключительно количественных или исключительно качественных методов их оценки, а должна представлять собой комплексное количественно-качественное исследование, опирающееся на приведенные выше исследовательские диагностические критерии МКБ-10 и критерии DSM-V, а также клиническую картину в целом.

Вместе с тем используемый в клинической практике психометрический инструментарий, хотя и не способен выступать в качестве единственного средства диагностики, является оптимальным средством первичного скрининга психических нарушений и последующего мониторинга их динамики на фоне проводимой терапии с целью оценки её эффективности.

Для диагностического скрининга уровня тревожности и депрессии в общемедицинской практике, как правило, применяют следующие психометрические шкалы:

1) Госпитальная шкала тревоги и депрессии (HADS) [15];

2) Шкала тревоги Бека (BAI) [16];

3) Шкала депрессии Бека (BDI) [17];

4) Шкала тревоги Спилберга – Ханина (STAI) [18];

5) Шкала Монтгомери – Асберга для оценки депрессии (MADRS) [19];

6) Шкала самооценки депрессии Цунга (SDS) [20];

7) Шкала проявлений тревоги Тейлора (TMAS) [21];

8) Шкала Гамильтона для оценки депрессии (HDRS) [22];

9) Шкала депрессии, тревоги и стресса (DASS) [23] и др.

Кроме того, сотрудниками НИЛ «Нейрокогнитивные исследования» Казанского (Приволжского) федерального университета был выполнен перевод на русский язык *Шкалы Кэрролла для оценки депрессии (CDRS)* [24], которая представляет собой самозаполняемую версию *Шкалы Гамильтона для оценки депрессии (HDRS)*. В настоящее время на базе отделения неврологии Медико-санитарной части КФУ и Центра патологии речи Научно-клинического центра прецизионной и регенеративной медицины КФУ продолжается процедура валидации данного психометрического инструмента с целью последующего его внедрения в клиническую практику. Также осуществлен перевод на русский язык *Шкалы депрессии, тревоги и стресса (DASS)* и начат процесс его валидации на вышеупомянутых клинических базах.

Специфика диагностики тревожных расстройств в гериатрической практике

Как известно, комплексный гериатрический статус, помимо описания разнообразных физических, функциональных, социальных и других параметров, включает также определение домена психического здоровья, состоящего из оценки когнитивной и эмоциональной сфер пациента. Так, в отечественной геронтологии в целях скринингового исследования аффективных расстройств принято использовать *Гериатрическую шкалу депрессии (GDS)* и *Опросник тревоги в гериатрии (GAI)* [25, 26].

Первый инструмент является специализированной психометрической методикой самооценки психического состояния, разработанной с целью выявления уровня депрессии у пожилых пациентов. Стоит отметить, что на сегодняшний день отсутствуют данные о валидности существующей русскоязычной версии данной шкалы. Второй инструмент представляет собой краткий опросник, который состоит из пяти утверждений и поэтому, наиболее вероятно, не обладает психометрически значимыми диагностическими свойствами. Что касается валидности имеющегося перевода этого опросника на русский язык, то, как и в случае с предыдущим инструментом, таких данных на текущий момент нет.

Необходимо также отметить, что в зарубежной гериатрической практике применяется *Гериатрическая шкала тревоги (GAS)* [27], перевод на русский язык и валидация которой пока не осуществлены, что, в свою очередь, может указывать на перспективное направление разработки.

Поэтому существующий пробел восполняется в отечественной практике, как правило, замещающим применением общемедицинских шкал тревоги, приведённых выше. Так, например, в клинико-методических рекомендациях, представленных в пилотном проекте «Практическое применение оценочных шкал в медицинской реабилитации», разрабатываемом Союзом реабилитологов России (СРР) [28], врачу-психотерапевту / клиническому (медицинскому) психологу предлагается использовать *Госпитальную шкалу тревоги и депрессии (HADS)*.

Однако следует признать, что относительно пациентов гериатрического профиля применение данной шкалы, которая изначально разрабатывалась и ответственным образом валидизировалась в целях диагностического скрининга уровня тревожности и депрессии, нозологически специфичных для лиц молодого/среднего возраста, с наибольшей вероятностью, не будет обладать должной диагностической информативностью, или процедура тестирования, скорее всего, будет вовсе затруднена/невозможна ввиду определенных аспектов, характерных для данной группы больных.

Перечислим лишь некоторые факторы, которые могут препятствовать успешному применению шкалы:

а) *когнитивный дефицит различной степени выраженности*: снижение гностических, мнестических, практических, речевых и управляющих функций и др. [29];

б) *высокий уровень алекситимии* – затруднение или неспособность к вербализации собственных эмоциональных переживаний [30];

в) *психофизиологические особенности лиц пожилого возраста*: снижение общего темпа и динамики психической деятельности, повышение истощаемости психических процессов, сокращение повседневной активности, ограничение количества социальных связей и др. [31];

г) *изменения соматического статуса в связи со старением*: снижение остроты зрения, слуха и др. [32].

Так, например, практика показывает, что у пожилых пациентов с клинически выраженным когнитивным дефицитом / диагностированной деменцией возникают затруднения при понимании сложных формулировок, представленных, к примеру, сложноподчиненным предложением с придаточным, расположенным в интерпозиции: *«То, что приносило мне большое удовольствие, и сейчас вызывает у меня такое же чувство»*.

Соответственно, необходимо, чтобы психометрический инструмент содержал утверждения, сформулированные с использованием лексики активного запаса и имеющие простую синтаксическую структуру с целью обеспечения их доступности для понимания пациентами гериатрического профиля.

Также известно, что в *Госпитальной шкале тревоги и депрессии (HADS)* пациенту предлагается ранжировать выраженность того или иного симптома, стоящего за каждым утверждением, по шкале от 0 до 3, что может вызывать значительные затруднения при прохождении тестирования пациентами гериатрического профиля с высоким уровнем алекситимии и выраженными алекситимическими личностно-характерологическими чертами соответственно.

К другим факторам, способным нивелировать диагностическое значение психометрического тестирования, следует отнести игнорирование психофизиологических аспектов, характеризующих феномен старости.

Так, например, утверждения, представленные под номерами 3 и 4 во второй части (оценка уровня депрессии) *Госпитальной шкалы оценки уровня депрессии (HADS)*: *«Я испытываю бодрость»*, *«Мне кажется, что я стал все делать очень медленно»*, наиболее вероятно, будут лишены психометрически значимых диагностических свойств у пожилых пациентов, психическая деятельность которых зачастую характеризуется снижением общего темпа и динамики, повышением истощаемости психических процессов и др.

Поэтому крайне необходимо, чтобы психометрический инструмент обладал такими параметрами, как оптимальный объем его содержательной части и оптимальное количество времени, затрачиваемого на его прохождение, поскольку динамика общей умственной работоспособности пациентов гериатрического профиля во многом характеризуется тенденцией к замедлению при утомлении.

Аналогичным образом утверждения, представленные под номерами 5 и 6: *«Я считаю, что мои дела могут принести мне чувство удовлетворения»*, *«Я не слежу за своей внешностью»*, в большинстве своем вступают в конфронтацию с типичными представлениями о повседневном быте пожилого пациента, обычно характеризующемся снижением повседневной активности, ограничением количества социальных связей и др. [33].

В этой связи логичным требованием к психометрической шкале подобного рода является соответствие ее содержательной части непосредственным реали-

ям каждодневного функционирования пожилых респондентов, на которых рассчитано ее применение.

Еще одним фактором, осложняющим процедуру психометрического тестирования, является техническое оформление и визуальное исполнение шкалы, рассчитанной на самостоятельное заполнение пожилым пациентом. Так, например, психометрический инструмент, набранный мелким шрифтом, в котором отсутствуют границы между следующими друг за другом утверждениями и т. д., может быть непригодным для предъявления гериатрическому пациенту с офтальмологической патологией, оптико-пространственными нарушениями и др.

С учетом данных обстоятельств, важно, чтобы психометрический инструмент был специальным образом воплощен в техническом и визуальном плане так, чтобы процедура его самостоятельного заполнения вызывала минимальные затруднения у гериатрических пациентов с ограниченными возможностями здоровья.

Разработка Гериатрической шкалы тревоги (ГШТ)

Психометрический инструмент для скрининга аффективных расстройств у пациентов гериатрического профиля должен учитывать ряд специфичных факторов:

а) формулировки в инструменте должны быть представлены несложными конструкциями, содержащими достаточно простую, бытовую лексику, доступную для понимания в данной возрастной группе;

б) процедура тестирования должна предполагать достаточно однозначный, а не многообразный выбор вариантов ответа в целях облегчения ее прохождения гериатрическими пациентами с высоким уровнем алекситимии;

в) материал и объем психометрического инструмента не должны противоречить актуальному быту, непосредственным реалиям и психофизиологическим особенностям пожилого возраста;

г) визуальное оформление психометрического инструмента должно быть специальным образом подготовлено в целях облегчения процедуры тестирования гериатрическими пациентами со снижением остроты зрения;

д) утверждения, представленные в психометрическом инструменте, должны опираться на исследовательские диагностические критерии МКБ-10 и критерии DSM-V.

В ходе проделанной работы на основании определенных выше требований была разработана *Гериатрическая шкала тревоги (ГШТ)* (табл. 1).

Табл. 1

Гериатрическая шкала тревоги (ГШТ)

*Вам предлагается ответить на вопросы о Вашем самочувствии
Прочитайте каждое утверждение и выберите либо «да», либо «нет».*

1. Я часто ощущаю сильное сердцебиение.	
Да	Нет
2. Я часто потею.	
Да	Нет
3. Я часто испытываю дрожь в теле.	
Да	Нет
4. У меня часто сохнет во рту.	
Да	Нет

5. Мне часто бывает тяжело дышать.	
Да	Нет
6. Мне часто бывает страшно.	
Да	Нет
7. У меня часто немеют руки.	
Да	Нет
8. Я часто ощущаю ком в горле.	
Да	Нет
9. Я часто испытываю беспокойство.	
Да	Нет
10. Мне часто бывает сложно заснуть.	
Да	Нет

Количество баллов: ____ / 10

Разработанный психодиагностический инструмент представляет собой подготовленный краткой инструкцией опросник, состоящий из 10 утверждений и предполагающий их принятие или отрицание посредством выбора варианта «да» или «нет». Язык опросника приближен к разговорному стилю речи: утверждения являются простыми предложениями, содержащими лексику активного словарного запаса, каждое из которых подразумевает основные исследовательские диагностические критерии МКБ-10: как собственно психические, так и соматизированные:

Обязательные симптомы:

1. *Я часто ощущаю сильное сердцебиение* (нарушение сердечного ритма, увеличение частоты сердечных сокращений);
2. *Я часто потею* (усиленное потоотделение, гипергидроз);
3. *Я часто испытываю дрожь в теле* (дрожь в теле, тремор);
4. *У меня часто сохнет во рту* (сухость во рту, ксеростомия);

Симптомы, относящиеся к груди или животу:

5. *Мне часто бывает тяжело дышать* (затрудненное дыхание, ощущение нехватки воздуха);

Симптомы, относящиеся к психическому состоянию:

6. *Мне часто бывает страшно* (страх потери контроля, страх смерти, дереализация);

Общие симптомы:

7. *У меня часто немеют конечности* (онемение или покалывание в конечностях, парестезии);

Симптомы напряжения:

8. *Я часто ощущаю ком в горле* (ощущение комка или чувства сдавленности в горле, затруднения при глотании);

Другие неспецифические симптомы:

9. *Я часто испытываю беспокойство* (беспокойство, возбуждение или нервозность);
10. *Мне часто бывает сложно заснуть* (трудности с засыпанием, нарушение сна, инсомния).

В визуальном плане текстовый материал шкалы набран крупным шрифтом и содержит необходимые графические разграничения между утверждениями в целях облегчения восприятия и большего удобства при прохождении тестирования.

Заключение

На основании проведенного анализа психодиагностического инструментария, традиционно используемого в общей медицинской практике в целях диагностики тревожно-депрессивных состояний, было выявлено, что большинство скрининговых методик не учитывает специфику пожилого возраста и потому, по всей вероятности, не обладает должной валидностью относительно гериатрической практики.

Также на данный момент было отмечено отсутствие адекватного русскоязычного психометрического инструмента, оценивающего уровень тревоги, аналогичного *Гериатрической шкале депрессии (GDS)*.

В ходе проведенного исследования были выделены характерные для гериатрического пациента факторы, затрудняющие использование шкал, применяющихся к пациентам различного профиля.

На основании выработанных критериев была разработана *Гериатрическая шкала тревоги (ГШТ)*, учитывающая клинико-лингвистические аспекты, специфичные для пациентов гериатрического профиля.

Перспективой исследования является апробация данной шкалы респондентами-монолингвами старше 60 лет без когнитивных нарушений в целях получения диагностически релевантных результатов.

Литература

1. Kessler R.C., Angermeyer M., Anthony J.C., de Graaf R., Demyttenaere K., Gasquet I., de Girolamo G., Gluzman S., Gureje O., Haro J.M., Kawakami N., Karam A., Levinson D., Medina Mora M.E., Oakley Browne M.A., Posada-Villa J., Stein D.J., Tsang Ch.H.A., Aguilar-Gaxiola S., Alonso J., Lee S., Heeringa S., Pennell B.-E., Berglund P., Gruber M.J., Petukhova M., Chatterji S., Üstün T.B. Lifetime prevalence and age-of-onset distributions of mental disorders in the World Health Organization's World Mental Health Survey Initiative // *World Psychiatry*. 2007. V. 6, No 3. P. 168–176.
2. Доклад о состоянии здравоохранения в мире, 2001 г.: Психическое здоровье: новое понимание, новая надежда. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/89126>, свободный.
3. Шальнова С.А., Евстифеева С.Е., Деев А.Д., Артамонова Г.В. и др. (см. полный список авторов + Т. и doi: <https://www.mediasphera.ru/issues/terapevticheskij-arkhiv/2014/12/030040-366020141210>) Распространенность тревоги и депрессии в различных регионах Российской Федерации и ее ассоциации с социально-демографическими факторами (по данным исследования ЭССЕ-РФ) // *Терапевтический архив*. 2014. № 12. С. 53–60.
4. WHO International Consortium in Psychiatric Epidemiology. Cross-national comparisons of the prevalence and correlates of mental disorders. // *Bull. W. H. O.* 2000. V. 78, No 4. P. 413–426.
5. Медоева М.А., Абиева И.М. Связь нарушений зрения с депрессивными расстройствами // *Вестник науки*. 2023. Т. 2, № 1. С. 7–10.
6. Есин Р.Г., Есин О.Р., Горобец Е.А., Фаттахов И.М. Неврологические осложнения новой коронавирусной инфекции COVID-19. Казань: Слово, 2021. 120 с.
7. Иванец Н.Н., Сысоева В.П., Кинкулькина М.А., Авдеева Т.И. Тревожные расстройства у больных пожилого возраста: психопатологическая характеристика, диагностика, сходство и отличия от тревожных депрессий // *Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова*. 2014. № 114. С. 4–11.
8. Блейхер В.М., Крук И.В. Толковый словарь психиатрических терминов. Воронеж: МОДЭК, 1995. 638 с.
9. Седова Е.В., Палеев Ф.Н., Старцева О.Н. Основы гериатрии для врачей первичного звена. М.: Изд-во ГБУЗ МО МОНИКИ им. М.Ф. Владимирского, 2019. 52 с.

10. *Blay S.L., Marinho V.* Anxiety disorders in old age // *Curr. Opin. Psychiatry.* 2012. V. 25, No 6. P. 462–467. URL: <https://doi.org/10.1097/YCO.0b013e3283578cdd>.
11. *Соляник М.А., Кудяева А.В., Снедков Е.В.* Глоссарий психиатрических терминов: учебное пособие. СПб.: Изд-во СЗГМУ им. И. И. Мечникова, 2014. 64 с.
12. *American Psychiatric Association.* Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders (DSM-5). Arlington, VA: Am. Psychiatr. Publ., 2013. 991 p. URL: <https://doi.org/10.1176/appi.books.9780890425596>.
13. *МКБ-10.* Международная классификация болезней 10-го пересмотра. Классификация психических расстройств. Исследовательские диагностические критерии. URL: <http://10-mkb.ru>, свободный.
14. *Граница А.С.* Методы диагностики в психиатрии. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. 36 с.
15. *Zigmond A.S., Snaith R.P.* The hospital anxiety and depression scale // *Acta Psychiatr. Scand.* 1983. V. 67, No 6. P. 361–370. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1600-0447.1983.tb09716.x>.
16. *Beck A.T., Ward C.H., Mendelson M., Mock J., Erbaugh J.* An inventory for measuring depression // *Arch. Gen. Psychiatry.* 1961. V. 4, No 6. P. 561–571.
17. *Beck A.T., Epstein N., Brown G., Steer R.A.* An inventory for measuring clinical anxiety: Psychometric properties // *J. Consult. Clin. Psychol.* 1988. V. 56, No 6. P. 893–897. URL: <https://doi.org/10.1037/0022-006X.56.6.893>.
18. *Зайцев Ю.А., Хван А.А.* Стандартизация методик диагностики тревожности Ч. Спилбергера Ю. Ханина и Дж. Тейлор // *Психологическая диагностика.* 2011. № 3. С. 19–34.
19. *Montgomery S.A., Åsberg M.* A new depression scale designed to be sensitive to change // *Br. J. Psychiatry.* 1979. V. 134, No 4. P. 382–389. URL: <https://doi.org/10.1192/bjp.134.4.382>.
20. *Zung W.W.K.* A self-rating depression scale // *Arch. Gen. Psychiatry.* 1965. V. 12, No 1. P. 63–70. URL: <https://doi.org/10.1001/archpsyc.1965.01720310065008>.
21. *Дерманова И.Б.* Личностная шкала проявления тревоги (Дж. Тейлор, адаптация В.Г. Норакидзе) // *Диагностика эмоционально-нравственного развития.* СПб., 2002. С.126–129.
22. *Hamilton M.* A rating scale for depression // *J. Neurol., Neurosurg., Psychiatry.* 1960. V. 23, No 1. P. 56–62. URL: <https://doi.org/10.1136/jnnp.23.1.56>.
23. *Lovibond S.H., Lovibond P.F.* Manual for the Depression Anxiety Stress Scales. Sydney: Psychol. Found. Aust., 1995. 42 p.
24. *Фаттахов И.М., Есин О.Р.* Лингвистические аспекты перевода и валидации шкалы Б. Кэрролла для диагностики и оценки тяжести постинсультной депрессии // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: междунар. конф.: VII Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 28–31 окт. 2019 г.): Тр. и матер.: в 2-х т. / Под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Э.А. Исламовой. Казань: Изд-во Казан ун-та, 2019. Т. 2. С. 233–237.
25. *Клинические тесты в гериатрии: Методические рекомендации /* Под ред. О.Н. Ткачевой. М.: Прометей, 2019. 62 с.
26. *Горелик С.Г.* Опросники и шкалы в геронтологии и гериатрии. Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2020. 88 с.
27. *Pifer M., Segal D.L.* Geriatric anxiety scale: Development and preliminary validation of a long-term care anxiety assessment measure // *Clin. Gerontol.* 2020. V. 43, No 3. P. 295–307. URL: <https://doi.org/10.1080/07317115.2020.1725793>.
28. *Практическое применение оценочных шкал в медицинской реабилитации [Текст]: учебно-методическое пособие / И.Н. Баландина, И.Н. Балашова, И.С. Бахтина [и др.]; главные редакторы: Г.Е. Иванова, Е.В. Мельникова; Союз реабилитологов России [и др.].* СПб.: Политехника, 2020. 184 с.

29. Есин Р.Г., Горобец Е.А., Хайруллин И.Х. Диагностика и лечение когнитивных нарушений в общемедицинской практике: Монография / Под общ. ред. Р.Г. Есина. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. 96 с.
30. Горобец Е.А., Есин Р.Г., Есин О.Р. и др. Особенности вербализации ощущений у алекситимичных пациентов / Под общ. ред. Р.Г. Есина. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. 172 с.
31. Погодина А.Б., Газимов А.Х. Основы геронтологии и гериатрии: учеб. для студентов мед. училищ и колледжей, слушателей учреждений доп. проф. образования. Уфа, 2004 (Ризография РИО РУНМЦ МО РБ). 175 с.
32. Денисова Т.П., Малинова Л.И. Клиническая геронтология. Избранные лекции. М.: Медицинское информационное агентство, 2017. 244 с.
33. Северин А.В. Социально-психологическая адаптация пожилых людей к изменяющемуся миру: психологические проблемы пожилых и способы их решения: Монография. Брест: Альтернатива, 2020. 84 с.

Поступила в редакцию 6.05.2023

Принята к публикации 6.07.2023

Фаттахов Ильяс Маратович, медицинский психолог Научно-клинического центра прецизионной и регенеративной медицины

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: im.fattahoff@gmail.com

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 3, pp. 136–148

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.3.136-148

Clinical and Linguistic Aspects for Development of the Geriatric Anxiety Scale

I.M. Fattahov

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: im.fattahoff@gmail.com

Received May 6, 2023; Accepted July 6, 2023

Abstract

In modern clinical practice, there are many conditions and diseases that cannot be detected by diagnostic testing alone due to their poorly understood pathogenesis. This is particularly true for somatoform, stress-related, and anxiety-depressive disorders: they are primarily diagnosed based on the patient's narrative and the input of their family members, which thus highlights the interdisciplinary nature of the above-stated problem and defines an area ripe for further research in clinical linguistics. This article provides a brief analysis of the psychometric tools commonly used in the diagnostic screening for anxiety and depressive disorders among patients of various profiles. The obtained results show that most screening methods lack any nosological specificity or validity for geriatric practice. A new variant of the *geriatric anxiety scale (GAS)* was developed with the clinical and linguistic profiles of elderly patients taken into account.

Keywords: psychometrics, anxiety, depression, geriatrics, clinical linguistics

References

1. Kessler R.C., Angermeyer M., Anthony J.C., de Graaf R., Demyttenaere K., Gasquet I., de Girolamo G., Gluzman S., Gureje O., Haro J.M., Kawakami N., Karam A., Levinson D., Medina Mora M.E., Oakley Browne M.A., Posada-Villa J., Stein D.J., Tsang Ch.H.A., Aguilar-Gaxiola S., Alonso J., Lee S., Heeringa S., Pennell B.-E., Berglund P., Gruber M.J., Petukhova M., Chatterji S., Üstün T.B. Lifetime prevalence and age-of-onset distributions of mental disorders in the World Health Organization's World Mental Health Survey Initiative. *World Psychiatry*, 2007, vol. 6, no. 3, pp. 168–176.
1. The World Health Report 2001: Mental Health: New Understanding, New Hope. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/89126>. (In Russian)
2. Shal'nova S.A., Evstifeeva S.E., Deev A.D., Artamonova G.V., Gatagonova T.M., Duplyakov D.V., Efanov A.Yu., Zhernakova Yu.V., Konradi A.O., Libis R.A., Minakov E.V., Nedogoda S.V., Oshchepkova E.V., Romanchuk S.V., Rotar' O.P., Trubacheva I.A., Shlyakhto E.V., Boitsov S.A. The prevalence of anxiety and depression in different Russian regions and sociodemographic factors associated with it (based on the results of an ESSE-RF study). *Terapevticheskiy Arkhiv*, 2014, vol. 86, no. 12, pp. 53–60. URL: <https://doi.org/10.17116/terarkh2014861253-60>. (In Russian)
3. WHO International Consortium in Psychiatric Epidemiology. Cross-national comparisons of the prevalence and correlates of mental disorders. *Bulletin of the World Health Organization*, 2000, vol. 78, no. 4, pp. 413–426.
4. Medoeva M.A., Abieva I.M. Associations between visual impairment and depressive disorders. *Vestnik Nauki*, 2023, vol. 2, no. 1, pp. 7–10. (In Russian)
5. Esin R.G., Esin O.R., Gorobets E.A., Fattakhov I.M. *Nevrologicheskie oslozhneniya novoi koronavirusnoi infektsii COVID-19* [Neurologic Complications of COVID-19 Infection]. Kazan, Slovo, 2021. 120 p. (In Russian)
6. Ivanets N.N., Sysoeva V.P., Kinkul'kina M.A., Avdeeva T.I. Anxiety disorders in elderly patients: Psychopathology, diagnosis, correlates and differences associated with anxious depression. *Zhurnal Nevrologii i Psikiatrii imeni S.S. Korsakova*, 2014, no. 114, pp. 4–11. (In Russian)
7. Bleikher V.M., Kruk I.V. *Tolkovyi slovar' psikiatricheskikh terminov* [Explanatory Dictionary of Psychiatric Terms]. Voronezh, MODEK, 1995. 638 p. (In Russian)
8. Sedova E.V., Paleev F.N., Startseva O.N. *Osnovy geriatрии dlya vrachei pervichnogo zvena* [Essentials of Geriatrics Medicine for Primary Care Physicians]. Moscow, Izd. GBUZ MO MONIKI im. M.F. Vladimirovskogo, 2019. 52 p. (In Russian)
9. Blay S.L., Marinho V. Anxiety disorders in old age. *Current Opinion in Psychiatry*, 2012, vol. 25, no. 6, pp. 462–467. URL: <https://doi.org/10.1097/YCO.0b013e3283578cdd>.
10. Solyanik M.A., Kidyaeva A.V., Snedkov E.V. *Glossarii psikiatricheskikh terminov: uchebnoe posobie* [A Glossary of Psychiatric Terms: A Textbook]. St. Petersburg, Izd. SZGMU im. I.I. Mechnikova, 2014. 64 p. (In Russian)
11. American Psychiatric Association. *Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders (DSM-5)*. Arlington, VA, Am. Psychiatr. Publ., 2013. 991 p. doi: 10.1176/appi.books.9780890425596.
12. ICD-10. International Classification of Diseases, 10th Rev. Classification of mental disorders. Research diagnostic criteria. URL: <http://10-mkb.ru>. (In Russian)
13. Granitsa A.S. *Metody diagnostiki v psikiatrii* [Methods in Psychiatric Diagnosis]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2019. 36 p. (In Russian)
14. Zigmond A.S., Snaith R.P. The hospital anxiety and depression scale. *Acta Psychiatrica Scandinavica*, 1983, vol. 67, no. 6, pp. 361–370. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1600-0447.1983.tb09716.x>.
15. Beck A.T., Ward C.H., Mendelson M., Mock J., Erbaugh J. An inventory for measuring depression. *Archives of General Psychiatry*, 1961, vol. 4, no. 6, pp. 561–571. URL: <https://doi.org/10.1001/archpsyc.1961.01710120031004>.
16. Beck A.T., Epstein N., Brown G., Steer R.A. An inventory for measuring clinical anxiety: Psychometric properties. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 1988, vol. 56, no. 6, pp. 893–897. URL: <https://doi.org/10.1037/0022-006X.56.6.893>.
17. Zaitsev Yu.A., Khvan A.A. Standardization of the anxiety measurement suggested by C. Spielberger, Yu. Khanin, and J. Taylor. *Psikhologicheskaya Diagnostika*, 2011, no. 3, p. 19–34. (In Russian)
18. Montgomery S.A., Åsberg M. A new depression scale designed to be sensitive to change. *British Journal of Psychiatry*, 1979, vol. 134, no. 4, pp. 382–389. URL: <https://doi.org/10.1192/bjp.134.4.382>.

19. Zung W.W.K. A self-rating depression scale. *Archives of General Psychiatry*, 1965, vol. 12, no. 1, pp. 63–70. URL: <https://doi.org/10.1001/archpsyc.1965.01720310065008>.
20. Dermanova I.B. Manifest anxiety scale (by J. Taylor, modified by V.G. Norakidze). In: *Diagnostika emotsional'no-nravstvennogo razvitiya* [Diagnostics of Emotional and Moral Development]. St. Petersburg, 2002, pp. 126–129. (In Russian)
21. Hamilton M. A rating scale for depression. *Journal of Neurology, Neurosurgery, and Psychiatry*, 1960, vol. 23, no. 1, pp. 56–62. URL: <https://doi.org/10.1136/jnnp.23.1.56>.
22. Lovibond S.H., Lovibond P.F. *Manual for the Depression Anxiety Stress Scales*. Sydney, Psychol. Found. Aust., 1995. 42 p.
23. Fattahov I.M., Esin O.R. Linguistic aspects of translating and validating B. Carroll's PSD scale. *I.A. Boduen de Kurtene i mirovaya lingvistika: mezhdunar. konf.: VII Boduenovskie chteniya (Kazan. feder. un-t, 28–31 okt. 2019 g.)* [J. Baudouin de Courtenay and World Linguistics: Int. Conf.: Proc. VII Baudouin Lect. (Kazan Federal University, Oct. 28–31, 2019)]. Vol. 2. Galiullin K.R., Gorobets E.A., Islamova E.A. (Eds.). Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2019, pp. 233–237. (In Russian)
24. Tkacheva O.N. (Ed.) *Klinicheskie testy v geriatrii: Metodicheskie rekomendatsii* [Clinical Tests in Geriatric Medicine: Methodological Recommendations]. Moscow, Prometei, 2019. 62 p. (In Russian)
25. Gorelik S.G. *Oprosniki i shkaly v gerontologii i geriatrii* [Questionnaires and Scales in Gerontology and Geriatrics]. Belgorod, ID “BelGU” NIU “BelGU”, 2020. 88 p. (In Russian)
26. Pifer M., Segal D.L. Geriatric anxiety scale: Development and preliminary validation of a long-term care anxiety assessment. *Clinical Gerontologist*, 2020, vol. 43, no. 3, pp. 295–307. URL: <https://doi.org/10.1080/07317115.2020.1725793>.
27. Ivanova G.E., Mel'nikova E.V. (Eds.) *Prakticheskoe primeneniye otsenochnykh shkal v meditsinskoi reabilitatsii: uchebno-metodicheskoe posobie* [Practical Application of Assessment Scales in Medical Rehabilitation: A Textbook]. St. Petersburg, Politekhnik, 2020. 184 p. (In Russian)
28. Esin R.G., Gorobets E.A., Khairullin I.Kh., Esin O.R. *Diagnostika i lechenie kognitivnykh narushenii v obshchemeditsinskoi praktike: Monografiya* [Diagnosis and Treatment of Cognitive Disorders in General Medical Practice: A Monograph]. Esin R.G. (Ed.). Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2015. 96 p. (In Russian)
29. Gorobets E.A., Esin R.G., Esin O.R., Mart'yanov D.A., Galiullin K.R. *Osobennosti verbalizatsii oshchushchenii u aleksitimichnykh patsientov* [Verbalization of Sensations in Alexithymic Patients]. Esin R.G. (Ed.). Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2019. 172 p. (In Russian)
30. Pogodina A.B., Gazimov A.Kh. *Osnovy gerontologii i geriatrii: ucheb. dlya studentov med. uchilishch i kolledzhei, slushatelei uchrezhdenii dop. prof. obrazovaniya* [Basics of Gerontology and Geriatrics: A Textbook for Students of Medical Schools and Colleges, Auditors of Professional Postgraduate Education Institutions]. Ufa, Rizografiya RIO RUNMTs MO RB, 2004. 175 p. (In Russian)
31. Denisova T.P., Malinova L.I. *Klinicheskaya gerontologiya. Izbrannye lektsii* [Clinical Gerontology. Selected Lectures]. Moscow, Med. Inf. Agentstvo, 2017. 244 p. (In Russian)
32. Severin A.V. *Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya pozhilykh lyudei k izmenyayushchemusya miru: psikhologicheskie problemy pozhilykh i sposoby ikh resheniya: Monografiya* [Social and Psychological Adaptation of the Elderly to the Changing World: Psychological Problems of the Elderly and Ways to Solve Them: A Monograph]. Brest, Al'ternativa, 2020. 84 p. (In Russian)

Для цитирования: Фаттахов И.М. Клинико-лингвистические аспекты разработки гериатрической шкалы тревоги // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 3. С. 136–148. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.136-148>.

For citation: Fattahov I.M. Clinical and linguistic aspects for development of the geriatric anxiety scale. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 3, pp. 136–148. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.136-148>. (In Russian)

Индекс 19421